

БОЛЬШИЕ И КНИГИ

Арчибальд
Кронин

ТРИ
ЛЮБВИ

«ИНОСТРАНКА»

Иностранная литература. Большие книги

Арчибальд Кронин

Три любви

«Азбука-Аттикус»

1932

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Кронин А. Д.

Три любви / А. Д. Кронин — «Азбука-Аттикус»,
1932 — (Иностранная литература. Большие книги)

ISBN 978-5-389-16373-7

Люси Мур очень счастлива: у нее есть любимый и любящий муж, очаровательный сынишка, уютный дом, сверкающий чистотой. Ее оптимизм не знает границ, и она хочет осчастливить всех вокруг себя. Люси приглашает погостить Анну, кузину мужа, не подозревая, что в ее прошлом есть тайна, бросающая тень на все семейство Мур. С появлением этой женщины чистенький, такой правильный и упорядоченный мирок Люси начинает рассыпаться подобно карточному домику. Она ищет выход из двусмысленного положения и в своем лихорадочном стремлении сохранить дом и семью совершает непоправимый поступок, который приводит к страшной трагедии... «Три любви» – еще один шедевр Кронины, написанный в великолепной повествовательной традиции романов «Замок Броуди», «Ключи Царства», «Древо Иуды». Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-16373-7

© Кронин А. Д., 1932
© Азбука-Аттикус, 1932

Содержание

Книга первая	6
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	38
Глава 6	48
Глава 7	57
Глава 8	68
Глава 9	78
Глава 10	85
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Арчибальд Кронин

Три любви

A. J. Cronin
THREE LOVES

Copyright © A. J. Cronin, 1932
All rights reserved

БОЛЬШИЕ И КНИГИ

Серия «Иностранная литература. Большие книги»

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© И. В. Иванченко, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство Иностранка®

* * *

Книга первая

Глава 1

Она переделалась к ужину и подошла к окну спальни. Нет, Фрэнк все еще не было видно. Стоя за длинной кружевной шторой, Люси рассеянно следила за белой лентой дороги, протянувшейся почти на милю от лимана до города.

Дорога была пуста, если не считать старика Боуи с его дворняжкой. Первый грел старые ревматические косточки, сидя на низкой оgrade близ своей маленькой лодочной мастерской; вторая, вылизав лапы и положив на них голову, дремала на горячем тротуаре. Ибо в тот августовский день щедрое солнце заливало окрестности Ардфиллана, рассыпая слепящие блики по воде залива и превращая крыши и высокие трубы Порт-Дорана на дальнем берегу в таинственный сияющий град. В великолепии солнечного света блестела прежде неприметная дорога, и опрятные дома вдоль нее, утратив обычную четкость линий, будто плыли в ослепительно-золотом потоке.

Люси был хорошо знаком этот вид: сверкающая вода, словно заключенная в объятия изогнутого дугой побережья, лес на мысе Ардмор, затененный голубоватой дымкой, расселины западных гор, величественно вздымающихся на фоне бледного полога небес. Но сегодня этот преображенный пейзаж был отмечен неуловимой прелестью, радующей сердце. В эту пору, несмотря на жару, ощущались первые приметы осени: шелест одинокого листа, своевольно слетевшего на тропинку, залежи морских водорослей на берегу, еле слышные крики грачей вдали от моря. Как она любила все это! Осень! У Люси вырвался счастливый вздох.

Она заслонила глаза ладонью от слепящего света, ее взгляд скользнул вдоль дороги к лодочной мастерской Боуи, где виднелась фигурка сына. Он играл на борту «Орла», небольшого катера, пришвартованного к спуску из серого камня. Мальчик то ли помогал, то ли мешал Дейву, работавшему на палубе. Скорее, мешал, сурово решила Люси, несмотря на переполнявшую ее материнскую любовь.

Чуть улыбнувшись, она повернулась и замерла перед дубовым платяным шкафом, рассматривая себя в зеркале с той серьезностью, с какой любая женщина почти с самого рождения оценивает свое отражение.

Она была невысокой – брат Ричард снисходительно называл ее малявкой, – но очень изящной, и муслиновое платье выгодно подчеркивало девичью грацию ее фигуры. Люси казалась на удивление неискушенной и выглядела очень молодо: скорее на шестнадцать, чем на двадцать шесть, как однажды, изменив своей обычной сдержанности, заметил Фрэнк. Маленькое, открытое, живое лицо Люси дышало выразительностью и темпераментом. Свежая кожа, которой слегка коснулось теплое дыхание солнечного лета, придавала ей цветущий вид. Широко поставленные глаза были голубыми, точнее, серо-голубыми, с темными лучиками вокруг зрачка, в которых словно заблудились искорки света, и от этого ее взгляд казался необычайно искренним и открытым. Приподнятые уголки губ, плавная, мягкая линия подбородка и высокой шеи – весь ее облик излучал теплоту, живость, непосредственность.

Она подняла руку к темно-каштановым волосам и на миг задержала взгляд на своем отражении. Затем сложила и убрала в нижний ящик шкафа простое повседневное платье из хлопка и, окинув комнату беглым взглядом – все ли в порядке? – отметив сверкающий лино-

леум, аккуратную салфетку на спинке кресла-качалки, безупречную гладь белого покрывала на кровати, удовлетворенно кивнула, повернулась и пошла вниз.

Сегодня Люси слегка припозднилась – по пятницам она занималась выпечкой, – но свежий аромат безукоризненно навощенных полов, смешанный запах воска, мыла и скипидара приятно щекотал ноздри домовитой хозяйки, оправдывая ее неспешность при переодевании.

Люси гордилась безупречностью своего жилища и имела на то полное право. Небольшой особняк, удачно расположенный близ Ардфиллана, вполне можно было учтиво назвать виллой. Люси действительно любила свой дом, и ей нравилось, когда он сверкал! Вот и сейчас, войдя в кухню, она повернулась к открытой двери в буфетную и требовательно произнесла:

– Уже закончила, Нетта?

– Одну минуточку, миссис Мур, – процедила та сквозь зубы.

Служанка Нетта, держа во рту шпильки, поспешно завершала свой туалет перед маленьким прямоугольным зеркалом, висевшим над паровым котлом из меди.

– Мистер Мур будет дома с минуты на минуту, – задумчиво сказала Люси. – Я слышала, как подходит поезд. На твоём месте я бы поставила варить яйца пашот. Четыре.

– Да, миссис Мур, – последовал ответ. В тоне сквозила снисходительность.

– И будь внимательна, когда будешь готовить яйца. Немного уксуса в воду – чтобы они не растеклись. Не забудь.

– Не забуду, миссис Мур.

Губы, которым больше ничто не мешало, выразили несогласие с возможностью подобного упущения, и в следующее мгновение сама Нетта подтвердила свое заявление, эффектно возникнув в дверях буфетной.

Это была стройная семнадцатилетняя девушка, старательная, обидчивая, немногословная, дружелюбная, впрочем, ее дружелюбие выдавало независимость характера. У Нетты было врожденное чувство собственного достоинства, и оно служило ей крепкой опорой. Нетта не отлынивала от работы, однако не собиралась никому угождать. Ничто не заставило бы ее произнести слова «сэр» или «мадам». Вместо этого она, заведомо беспристрастная по отношению к своим нанимателям, обращалась к ним в вежливой, лишенной раболепия форме: «Мистер и миссис Мур». Порой в ее ребяческой манере проскальзывала нотка высокомерия, как будто, принимая превосходство Муров как догму, она противопоставляла этому свое достоинство и ортодоксальную добродетель.

Сейчас, однако, Нетта улыбнулась и объяснила:

– Я стала дольше причёсываться, потому что убираю волосы наверх.

«Ты дольше причёсываешься, – подумала Люси, – потому что на тебя стал поглядывать Дейв Боуи».

Вслух Люси сказала:

– Мило. Дейву так нравится?

В ответ Нетта встряхнула высокой причёской – о, сколько девичьего кокетства было в этом порывистом движении, какие нежные грезы выражало оно! – и резким жестом разбила яйцо о край кастрюли.

– Гм! – Не находя слов, она наклонилась к бутылке с уксусом и мучительно покраснела.

С минуту понаблюдав за действиями девушки, Люси спрятала улыбку, неожиданно осознав собственное счастье, испытывая нелепое удовлетворение, смешанное с приятным чувством успеха, спокойствия и комфорта, которое она ощутила после переодевания, и с уверенностью, что она честно заработала свой нынешний досуг. Ей всегда нравился этот момент возвращения Фрэнка из города, не утрачивающий новизны от повторения. Она переделалась, подготовилась к встрече, работа сделана, безупречный дом ожидает его. Это неизменно заставляло ее немного волноваться в предвкушении. Повернувшись, Люси прошла через узкую прихожую, открыла входную дверь, медленно двинулась по посыпанной галькой дорожке. На

маленькой прямоугольной лужайке радовали глаз цветущие калыцеоларии, лобелии и герани – общепризнанное сочетание цветов, последнее слово в садоводстве в год Бриллиантового юбилея¹. Люси осторожно выдернула нахальный сорняк, мешавший самой пышной из гераней, и отбросила в сторону. Потом подошла к воротам и распахнула их.

На дороге произошло какое-то движение, послышался топот быстрых детских ног, и, подняв глаза, Люси увидела бегущего навстречу ей сына. Бок о бок с ним весело подскакивала его тень.

– Мама! – крикнул он, словно хотел сообщить великую новость. – Я работал с Дейвом на «Орле».

– Не может быть! – с наигранным недоверием воскликнула она.

– Да, – подтвердил он с энтузиазмом восьмилетнего человека, – и он разрешил мне сращивать канаты.

– Боже мой! Что же дальше? – пробормотала она, размышляя о веснушках у него на носу.

Нос был откровенно курносый, а веснушки... Это просто пигментные пятнышки. «Есть другие носы и другие веснушки, – говорила она себе, – но сочетание этого носа с этими веснушками просто неотразимо! Мальчик крепко сложен для своего возраста, – часто думала она, – у него каштановые волосы и блестящие карие глаза, как у отца. А другие мальчики? Наверняка у них есть свои достоинства, но... но не такие, как у Питера!»

– Можно мне пойти поиграть в шарики? – простодушно спросил он.

– В шарики? – переспросила она, теперь уже с искренним недоверием. – Где ты взял шарики?

Он улыбнулся ей, показывая прорехи между растущими зубами, и его улыбка вызвала у нее восторг. Потом он опустил ресницы, показавшиеся ей очень темными на фоне свежих щек.

– Знаешь, – задумчиво произнес он, ударяя носком ботинка по стене, – они как раз начали играть сегодня, и я попросил два шарика у одного мальчика. Потом я сыграл с ним и выиграл – и, понимаешь, я расплатился. Видишь, как все получилось, мама?

– О-о, понимаю, – ответила она, стараясь не улыбаться.

Он заложил руки за спину, выпятил живот и слегка расставил ноги, чтобы было удобнее смотреть на мать снизу вверх.

– Это ведь справедливо, правда? – искоса поглядывая на нее, спрашивал он. – Вот как это делается, – по крайней мере, я сделал так. Я получил пятнадцать за мой кувшин. – (Недавно он выпросил у нее кувшин с металлической крышкой, в который со скаредностью скупца складывал все свои мелкие сокровища.) – И если ты разрешишь мне играть, я смогу выиграть еще.

– Посмотрим, – ровным тоном произнесла она, не желая огорчать его отказом. – В любом случае мы сначала выпьем чая. Твой отец вот-вот будет дома.

– А-а! – протянул мальчик, потом, не сдержавшись, произнес: – Интересно, привезет ли он мне что-нибудь? Знаешь, а ведь мог бы!

– Как бы то ни было, беги домой и вымой руки. – Чтобы сын не забывал, что она может быть строгой для его же блага, Люси добавила: – Это просто какой-то кошмар!

– Ну, понимаешь, – объяснил он, разглядывая свои темные костяшки и грязь на вспотевших ладонях, – ведь я работал на «Орле». А этот сплесень² – фью! – Питер умолк, засвистел, повернулся и зашагал по дорожке.

Люси смотрела на сына, пока он не дошел до дверей, а потом ее взгляд снова обратился к дороге, ведущей в город. Муж не заставил себя долго ждать, и в следующую минуту она увидела, как он с беспечным видом приближается к дому своей неторопливой походкой. Да, он

¹ Бриллиантовый юбилей — 60-летие правления королевы Виктории, отмечавшееся в 1897 г. — Здесь и далее примеч. перев.

² Сплесень — способ сращивания канатов.

никогда не спешит! Люси с нескрываемым обожанием прищелкнула языком. Шестое чувство подсказывало ей, что она не ошиблась в своем выборе.

«Да, правда, мы очень подходим друг другу, – размышляла она. – К тому же я научилась влиять на Фрэнка». Думая об их счастливой и успешной жизни, она унеслась мыслями на много лет назад... Эта встреча была уготована им судьбой. Как же называлось то место? Да, пансион «Кайл», которым владели сестры Рой. Никогда не забудет она это название, как и мисс Сару Рой, сестру-управляющую, которая не готовила еду, а только восседала во главе «либерального стола», внимательно присматриваясь к постояльцам. Это было выражение мисс Сары из объявления в газете «Католик трампитер», выходившей «под патронажем духовенства и лучшей части мирян».

Да, «Кайл» отличался безукоризненным благородством, а иначе Ричард с Евой никогда там не остановились бы. Ричард всегда был педантичным, требовательным к каждой мелочи – даже в первые годы своего брака, когда еще не сделал карьеры в юриспруденции. Кроме того, ему хотелось, чтобы у его жены Евы было все как положено. Разумеется, о Люси он так не беспокоился, да и вообще не церемонился с ней – удивительный знак братской опеки. Или все хлопоты были ради малыша Чарли? После родов Ева так ослабела!

Брат с сестрой никогда особо не ладили – поразительная несовместимость или сходство характеров? – правда, оставаясь вдвоем, им приходилось уживаться друг с другом. А уж когда на Люси стал обращать внимание молодой Мур...

Вспоминая, она улыбнулась: Фрэнк во время своего двухнедельного отпуска, чувствуя себя не в своей тарелке, пренебрегал или не понимал всех тонкостей, принятых за совместной трапезой. И этот человек – «приверженец масла и яиц», по выражению Ричарда, – «подкатывался» к ней!

Нелепо познакомиться с будущим мужем в пансионе – и не где-нибудь, а в Ардбеге! Не заслуживающее большого внимания, а вернее, ничем не примечательное место. Их с Фрэнком непреодолимо влекло друг к другу, пожалуй, из-за несхожести их натур, и невозможно было спастись от этого. Как они были переполнены чувствами в тот прелестный тихий день – такой как сегодня! Люси ощущала на влажных ладонях сухие иглы лиственниц Крэйгморского леса, а сочащиеся смолой сосны источали тяжелый пьянящий аромат. Внизу сиял полумесяц залива, вокруг в папоротниках жужжали насекомые, а в душе расцветало нежданное жгучее счастье. Все было совсем не так, как за общим столом, молодой Мур!

Однако Ричард держался сурово, неприязненно, продолжая высмеивать ее общение с мелким коммивояжером. И хотя Мур исповедовал их веру – не слишком ревностно, надо заметить, – Ричарду он не нравился. Да он же никто, говорил брат, отпрыск ирландских родителей, эмигрировавших из-за картофельного голода. Они крестьяне, подозревал брат, бедняки, сбежавшие из-за двух недородов картофеля, когда голодающим людям бросали репу, а трупы, лежащие по обочинам дорог, штабелями складывали в повозки. Они прибыли в Шотландию, эти ирландцы, чтобы произвести обильное потомство смешанных кровей, пополняющее в основном ряды землекопов и чернорабочих или в лучшем случае букмекеров и трактирщиков – никчемный, неотесанный народ.

Непривлекательная картина для Ричарда, гордого своим шотландским происхождением и добрым родом Мюррей, который позже, по прихоти Евы, соединил свою родословную с якобитской линией.

Что ж, исход был простым, развязка – скорой. Они с Ричардом не сошлись в этом, как и в большинстве вопросов. Как будто Люси и впрямь позволила бы кому-нибудь повлиять на свой выбор. Они просто ушли с Фрэнком в тот день, девять лет назад.

Вот почему сейчас она ждет у ворот, испытывая всю полноту счастья, твердо и без стыда осознавая свою любовь к мужу.

Он подошел ближе. Она помахала ему рукой – без сомнения, сдержанно, но все же помахала. Подобный жест выходил за рамки приличия. В тот год, когда красный флаг все еще с опаской перемещался по общественным дорогам, порядочные жены не приветствовали своих партнеров по браку таким образом. Махать рукой считалось чем-то фривольным! И Фрэнк тоже, подняв в ответ руку, подтверждал несомненный факт дурного поведения.

– Привет! – окликнула она его с улыбкой, хотя он был еще довольно далеко.

– Привет тебе!

Это был высокий, нескладный, небрежно одетый мужчина лет тридцати; он двигался мягко, неспешно, слегка сутулясь. У него были светло-каштановые волосы, румяное лицо, глаза прозрачного орехового оттенка, зубы, поражающие своей белизной. Скучающий вид, расслабленность походки, равнодушный взгляд в сочетании со странной сдержанностью – все это вкупе делало его особенным, интересным, во всяком случае не таким, как все, словно он лениво оценивал вселенную, находя ее достойной лишь недоверчивой иронии.

– Ты поздно, – оживленно произнесла Люси, с удовлетворением отмечая, что он не хмурит брови, как это часто бывало. – Я подумала, ты пропустил поезд в половине пятого.

– Мур ничего не пропускает, – дружелюбно откликнулся он, – за исключением молитв. Доверяй ему, Ф. Дж. Муру!

– Ты не забыл про мои салфеточки? – спросила она, когда они вместе пошли по дорожке.

Это был не пустячный вопрос. Он искоса взглянул на нее и медленно потер щеку ладонью. Его уверенность поубавилась.

– Как это плохо, Фрэнк, – упрекнула она его.

Так похоже на него – взять и забыть о ее просьбе. Ведь Фрэнк говорил, что будет сегодня проходить мимо «Гау». В семье Мур он был признан образцом торгового дома в Глазго. Если куплено в «Гау», значит это хорошо. Все на их вилле, начиная с маленького пианино и заканчивая дуршлагом, было в то или иное время приобретено за наличные деньги у практически всемогущего мистера Гау.

– Консервированные сардины, – медленно проговорил Фрэнк. – Могу принести тебе в следующую пятницу в качестве компенсации.

Ее губы дрогнули, и все же ей действительно хотелось получить эти салфетки, а он всю неделю забывал про них. Но в этом весь Фрэнк! Он мог забыть о чем угодно: о дне рождения, ее или Питера, даже о собственном. Не раз муж признавался в том, что не помнит этих важных дат.

– Подходит для вегетарианцев, – хмуро уверял он ее. – Поставляется во все братства. Их рекомендует мой дорогой брат Эдвард. Нет греха в консервной банке.

Покачав головой, она невольно рассмеялась:

– Значит, такой у тебя сегодня настрой?

Они вошли в небольшую столовую, расположенную между гостиной и кухней в анфиладе комнат на первом этаже дома, – ничего сложного не было в архитектуре виллы! – и когда Питер по просьбе матери позвонил в колокольчик, все трое уселись за чайный стол.

– И что же сегодня происходило? – спросил Мур, после того как в комнату, подобно ветру, ворвалась Нетта и вскоре с независимым видом удалилась. – Сколько убийств насчитали с утра?

– Все как обычно, – спокойно ответила жена, передавая ему тост. – Не считая того, что твой сын теперь копит шарики.

Взгляд Мура ненадолго задержался на улыбающемся мальчике.

– Настоящий Шейлок, – склонившись над яйцом пашот, пробормотал Фрэнк.

– А утром в городе я встретила мисс Хокинг, – продолжила Люси.

Он взглянул на нее поверх края своей чашки – за столом он обычно сидел ссутулившись – и с мягкой иронией воскликнул:

– Пинки, дорогая! И что же она сказала в свою защиту?

Понимая его настроение, Люси уклончиво покачала головой, не устаивая его ответом.

– Смешное создание, – настаивал он. – Никак не могу узнать длину ее ступни. Ой, какие мы! – Жеманным голосом он произнес нараспев: – Скажите пожалуйста. Сдается мне, она тронулась умом. – Допив чай, он добавил с заметным акцентом: – Чем меньше мы с ними общаемся, тем скорее... Это место, которое мне нравится...

– Ты ведешь себя нелепо, Фрэнк, – как обычно, – спокойно возразила она.

В этот момент у входной двери энергично ударил дверной молоток, и Питер воскликнул:

– Почта!

Мать кивнула ему, и он, соскользнув со стула, побежал в прихожую. Вскоре Питер вернулся с письмом, ликующим голосом воскликнул:

– Это тебе, мама!

Люси взяла письмо и, сдвинув брови и слегка наклонив голову, принялась внимательно разглядывать прямоугольный конверт с адресом и нечетким почтовым штемпелем поверх красной марки. Потом аккуратно вскрыла конверт ножом.

– Так я и думала, – безмятежно заметила она.

Лицо Мура приняло слегка обиженное выражение. Он достал из кармана жилета зубочистку и, откинувшись на спинку стула, наблюдал, как жена медленно читает письмо.

– Полагаю, от Эдварда, – с сарказмом произнес он, не дожидаясь, пока она закончит чтение, и подумав об их самом постоянном корреспонденте. – Чем сейчас обеспокоен его преподобие? Состоянием наших душ или состоянием своей печени?

Но жена не отвечала, водя глазами по строчкам и беззвучно шевеля губами. Она его не слышала – Люси обычно была полностью поглощена чтением.

– Ну что, – упорствовал он, – мисс О’Риган опять кукуется или что еще там такое?

Питер коротко хихикнул, потому что знал экономку дяди Эдварда и ему показалось смешным слово «кукуется». Но письмо было не от Эдварда.

– Это от Анны, – наконец сказала Люси, положив листок и с довольным выражением поднимая глаза. – Она приедет к нам. В следующий четверг Джо привезет ее из Ливенфорда.

– Анна! – совершенно другим, унылым, голосом воскликнул Мур, отбросив письмо, которое бегло просматривал. – Анна приедет! Зачем... с какой стати ты ее пригласила?

В ответ Люси нахмурилась: ну что он говорит, к тому же при мальчике!

– Ты забываешь, что она твоя кузина! – напомнила она. – Надо соблюдать приличия и быть гостеприимными, поэтому я пригласила ее на неделю.

– Гостеприимство! Знаешь, много суеты по пустякам.

– Мой дорогой Фрэнк, – заспорила она с неопровержимой логикой, – а когда Анна и ее отец пригласили тебя погостить во время твоей поездки в Белфаст, это тоже была суета?

– Я ездил туда по делам, вот почему пришлось у них остановиться, – нервно ответил он. – Говорю тебе, не хочу, чтобы Анна мне докучала.

– Знаешь, Анна будет докучать *мне*, – ответила Люси, сохраняя спокойствие даже перед лицом его высочайшей глупости. – Не забывай, что я даже не знакома с Анной. И хочу узнать ее.

– Да пропади оно пропадом! – возмущенно крикнул он. – Не хочу ее видеть в своем доме и, коли на то пошло, не хочу видеть никого из этой компании. – Так Фрэнк отзывался о своих родственниках.

Она нахмурилась. Да, такова была одна из его особенностей – противоположное ее природному дружелюбию желание избегать людей, отгородиться даже от собственной родни. Это всегда раздражало Люси, и она вспыхнула, подчиняясь невольному порыву.

– Боже правый! Чем же нам может помешать Анна? – гневно произнесла она. – Ты всегда очерняешь своих друзей и даже собственных братьев. Насмехаешься над Эдвардом, потому что он священник, а Джо тебя не устраивает, потому что он трактирщик. А теперь вот Анна!

– Священник и трактирщик, – угрюмо отозвался он. – Чудная парочка. Что они сделали хорошего для меня или для кого-то другого? Повторяю тебе: я не хочу, чтобы Анна была здесь.

– Почему ты не хочешь, чтобы она приехала?

– Просто не хочу.

– Ты считаешь себя настолько безупречным, что можешь позволить себе подобное отношение?

– Тебе следовало бы знать. Ты же вышла за меня замуж! – обиженно возразил он.

Люси прикусила дрожащую от возмущения нижнюю губу, чувствуя, как сгущается атмосфера в маленькой, освещенной солнцем комнате лишь потому, что к ним в дверь постучал почтальон с письмом от кузины Фрэнк. В самом деле, что такого сделала она, Люси? Пригласила его кузину Анну Галтон провести с ними несколько дней. Разве это непростительное преступление? Анна, родившаяся и выросшая в Ливенфорде, десять лет назад уехала в Ирландию с отцом, который, будучи партнером «Леннокс энд Галтон» – компании Фрэнк, – в то время обосновался в Белфасте, чтобы заняться экспортной частью бизнеса. Теперь старик Галтон умер, и Анна, вернувшись для улаживания с Ленноксом имущественных дел, решила навестить родственников, что было вполне естественно после долгих лет отсутствия. Она уже провела две недели у Джо в Ливенфорде, возможно, собиралась побывать у Эдварда в Порт-Доране. Почему бы ей не нанести визит в Ардфиллан? Это было соблюдением приличий. И даже более того, когда Фрэнку пять лет назад пришлось поехать в Белфаст, чтобы взять на себя заботу об агентстве по причине болезни старого Галтона, то был первый случай ангины, в конце концов погубившей старика, о Фрэнке в течение трех месяцев прекрасно заботилась его кузина. Для Люси большим облегчением было знать, что муж находится в надежном месте. Ведь зная, как легко можно ему что-то навязать, она переживала из-за влажных простыней, плохой еды, неуютных гостиниц – из-за всех тех бед, которые могли нагрянуть оттого, что он не с ней. И вот теперь Фрэнк отказывает кузине в гостеприимстве, которое Люси хочет предложить взамен. Одна мысль об этом подхлестывала ее негодование, но она с усилием сжала губы, сдерживая гневные слова, готовые сорваться с языка.

На миг воцарилось молчание, потом Мур со слегка пристыженным видом медленно поднялся, достал из кармана неизменную зеленую пачку, зажег сигарету. Стоя на коврике из крашеной овчины, он прислонился плечом к мраморной каминной доске и вдохнул дым, смущенно поглядывая на жену краем глаза.

– Уже успели немного поцапаться, – наконец проронил он довольно застенчиво.

Это, по сути, было извинение. Она открыто улыбнулась, восстанавливая мир и обходя молчанием предмет ссоры, затем объявила:

– Я собираюсь кое-что сказать мистеру Ленноксу. Совсем скоро!

– Что ты имеешь в виду? – с удивлением спросил Фрэнк.

– Увидишь! – И она многозначительно кивнула. – Хочу на следующей неделе пригласить его на ужин.

Ничего не ответив, он стал смотреть, как она поднялась и начала убирать со стола, потом его взгляд медленно переместился на окно. Был отлив, и на твердом сухом песке играли дети. Английская лапта! К детям резво выбежал Питер, и в вечерней прохладе зазвучал его тонкий пронзительный голос. Мур лениво наблюдал – а что еще ему делать с сыном? Бывало, в детстве сам играл в лапту, а теперь... Забавно сложилась его судьба, но так уж вышло! И вот Анна приезжает... Мысль об этом была неприятна. Он не хочет, чтобы она появилась в их доме. Какой, однако, чудный вечер. Можно выйти и покосить траву. Потом он решил, что не станет. Может быть, завтра. «Завтра» для Мура было великим словом. Он развалился на стоящем у

окна диване, набитом конским волосом, вытащил зеленую пачку. Закурил очередную сигарету, выпуская дым из ноздрей. Глядя на горящий кончик сигареты, заметил:

– Леннокс собирается проталкивать ту идею.

Люси прервала свое занятие, обдумывая его слова. Впрочем, для нее это не было новостью. Дело в том, что компания – та же, что восемь лет назад, но теперь Леннокс стал единственным управляющим и владельцем, – помимо импорта ирландской продукции, решила ввозить из Голландии новое синтетическое чудо под названием «маргарин». Гнусное слово! Сам продукт еще хуже! Однако Люси не собиралась мешать его выпуску и печалиться о вреде нового заменителя масла. Довольно того, что прогресс позволит Ленноксу расширить его маленькое дело. Она приветствовала расширение, поскольку питала честолюбивые надежды в отношении Фрэнка. Пришло время и ему достичь успеха, и она будет этому всемерно способствовать.

Люси не всегда могла определить нынешний статус мужа – возможно, потому, что не придавала этому значения. Достаточно было сказать, что Фрэнк работает в «Леннокс энд Галтон» и при этом имеет вполне приличное жалованье. Приятное сочетание ответственности и значимости. И все же, вопреки ее лояльному эвфемизму, его пост можно было беспристрастно обозначить как «мелкий коммивояжер». И это было неправильно. Это было несправедливо! Она хотела для мужа чего-то лучшего, чего-то более весомого. Она горячо желала ему «преуспеть» и в своем пылком воображении выстроила для него путь к успеху. Люси уже успела поговорить о своем проекте с Фрэнком, но понимала, что тот избегает обсуждения этой темы под предлогом обдумывания. «Разумеется, я займусь этим», – слышала она его ответ, или он обещал, казалось, с неподдельной искренностью: «Завтра потолкую с Л.». Но Фрэнк и пальцем не пошевелил, более того, она была уверена, ни о чем не намекал Ленноксу, несмотря на частые уверения, что они со стариком на короткой ноге. В этом был весь Фрэнк. Как часто она сердилась на мужа за его нерешительность! Но сейчас, задумчиво глядя на него, она сказала:

– Вероятно, это поможет нашему продвижению, Фрэнк. Не то чтобы я много думала об этом... – она попыталась скрыть свой энтузиазм под иронией, – об этой имитации масла. Уж в своем-то доме я такого не допущу.

– Правда, идея весьма умная – и недорого обойдется. – Он не мог привести более отчетливых аргументов в ее пользу. – Да и Леннокс довольно ловок. Полагаю, я смогу продавать это для него. – Фрэнк зевнул. – Хотелось бы умереть богатым, если меня прежде не вздернут. А ведь может получиться и то и другое. Последняя речь миллионера на скамье подсудимых: «Дорогие, возлюбленные братья, я невинный человек. Единственное мое преступление в том, что я сорвал с себя освященные наплечники».

Он погрузился в молчание, глядя в окно на побережье. Туда отправилась Нетта, чтобы привести Питера домой и уложить спать. Происходил последний акт ежевечерней пантомимы: Нетта в сердцах загоняла неслуха в ворота.

По галечной дорожке дробно застучали маленькие ноги. Люси вышла из комнаты, унося нагруженный посудой поднос. Мур сидел не шевелясь. Он пожелал спокойной ночи сыну, вбежавшему с возбужденным потным лицом, потом стал ждать. Казалось, он всегда ждет чего-то – немного нервно, немного мрачно, словно в предчувствии какого-то несчастья, которое однажды его настигнет. Эта склонность Фрэнка иногда заставляла жену недоуменно качать головой. Ей, женщине подвижной и деятельной, было чуждо его мироощущение. Часто Люси хотелось, чтобы он не был таким вялым, таким безразличным к мелочам, из которых состоит жизнь. В самом деле, не приходилось сомневаться в том, что лень родилась раньше слабохарактерного Мура, вдобавок у него часто менялось настроение, он на многие вещи смотрел скептически, – словом, Мур был чудачком, но чудачком, не лишенным талантов. Например, он мог очистить кожуру с яблока одной длинной лентой не толще облатки, вырезал прекрасные свистульки из ивовых веток, находил на побережье Ардмора мидии и жарил их, на зависть какому-нибудь отшельнику. Фрэнк виртуозно управлялся с зубочисткой, гоня перышко во

рту с видом человека, созерцающего саму вечность. А временами он совершенно неподражательно шутил. Когда люди, как это часто бывало, высказывались на счет его великолепных зубов, он серьезно говорил: «Это потому, что в юности я чистил их репой». Или опять же, кто, кроме Мура, в компании жены, одетой в лучшее воскресное платье, мог остановиться неподалеку от собственного особняка и без тени юмора спросить у старого Боуи дорогу к себе домой?

– Извините, мистер Боуи, – почтительно, без улыбки обратился к старику Мур, – не покажете ли, где живет мистер Мур?

Когда ошеломленный Боуи, семидесятилетний старик апоплексического сложения, поднял трясущийся указательный палец, Мур с той же невозмутимой серьезностью кивнул:

– Благодарю, мистер Боуи. Не примете ли вот это? – И, вытащив из кармана коробок, одарил пораженного старца одной-единственной спичкой, а затем, гордо неся голову, зашагал прочь, насвистывая мотив «Boyne Water».

Люси ужасно тогда рассердилась. Тем не менее таков был Мур.

Однако он редко бывал столь веселым. Порой на него находили пугающие приступы меланхолии, когда он, скорчившись и не шевелясь, со страдальческим видом сидел у камина, выпятив нижнюю губу и вперив неподвижный взор в пляшущие языки пламени.

Более того, он почти не обладал даром завязывать дружбу, а если и выбирал себе друзей, то из очень странного круга. Среди них был ловец кроликов в Гилстонском лесу, дорожный мастер, который дробил камни для дороги на мыс, тот самый старик Боуи, которого Мур называл Старым Мореходом³ и часто пугал тем, что научит его вязать на спицах, хотя ничего не смыслил в вязании. Но опять же, таков был Мур. Ф. Дж. Мур – лентяй, мечтатель, создатель ивовых свистулек, над которым, казалось, всегда довлело это не поддающееся определению меланхолическое предчувствие несчастья, предчувствие, которое частенько заставляло его мрачно говорить: «Меня ждет плохой конец. Если из меня не сделают лорда, то повесят. Точно».

Но сейчас он уютно устроился на диване, а вскоре в комнату вернулась Люси. Она живо достала свое рукоделие – черный атласный чехол на подушку, на котором вышивала цветы и бантики, – и с довольным видом уселась рядом с мужем.

– Ну, – весело начала она, – что там, в газете? Можешь, по крайней мере, рассказать своей бедной жене, какие сегодня новости.

Он с равнодушным видом взял вечернюю газету, бегло просматривая новостной раздел. Листы непрерывно шуршали, когда он переворачивал их взад-вперед, выискивая что-нибудь более или менее важное. В конце концов Мур прочитал какую-то заметку, высказывая комментарии, неизменно мудро-скептические. «Можешь верить, если хочешь, – казалось, говорил он, или: – Ты же знаешь, о чем пишут в газетах», но всегда охотно выслушивал мнение жены. Более того, по ее просьбе он прочел вслух короткую статью о современной женской моде – Люси интересовалась одеждой, может быть чрезмерно, как иногда заявлял Мур, – и она внимательно слушала, пару раз оторвавшись от работы и одобрительно кивнув.

Наконец газета исчерпала себя, и Мур бросил мятые листы на пол.

– Возьми книгу, – через некоторое время предложила жена, откусывая шелковую нить и вдевая ее в иглу.

Но у него не было особого вкуса к книгам, он любил иногда полистать еженедельную газету. Он также почитывал «Фото битс»⁴, и не потому, что это его сильно интересовало – просто оттуда можно было почерпнуть какую-нибудь остроту для клиента. Странные времена! Однако, после того как однажды Питер прибежал к Люси с номером журнала, спрашивая про

³ *Старый Мореход* – персонаж поэмы С. Т. Кольриджа «Сказание о Старом Мореходе».

⁴ «*Фото битс*» – еженедельный эротический журнал, издававшийся в Англии с 1898 по 1914 г.

«леди с толстыми ногами», мать семейства заняла в отношении этого журнала твердую позицию.

Итак, Мур заложил руки за голову и откинулся на гладкую спинку дивана.

– Проще ничего не делать, – ответил он. – Немного посидим в тишине.

Он сидел, глядя на нее, сумерки постепенно обволакивали их, и в сгущающейся темноте его лицо медленно разгоралось жаром от сознания ее близости. Наконец она негромко вскрикнула.

– Я ничего не вижу, – сказала она, и ее пленительная улыбка озарила сумрачную комнату. – Придется зажечь лампу.

– Зачем, – многозначительно произнес он, – нам понадобится лампа?

– Чтобы шить, конечно.

– Ах! Ты уже достаточно шила сегодня.

Фрэнк протянул руку, чтобы удержать жену, и обнял ее за плечи, притягивая ближе. Богато вышитый чехол от подушки соскользнул с коленей Люси, но никто не заметил этого. Покорная и довольная, она прилегла на диван. Да, она была довольна и не скрывала своего счастья, со сдержанной уверенностью глядя в будущее. И она – ах! – да, она обожала Фрэнка! Они лежали так несколько мгновений, пока в комнате не погасли последние отсветы сумерек. И тогда Люси почувствовала, как его пальцы забираются под лиф платья, лаская ее. Это был знак – их маленький знак. Ее теплую грудь всколыхнул легкий вздох, и Люси, прижимаясь к мужу, вновь улыбнулась, никем не видимая. Ей был знаком этот маневр! Как это похоже на Фрэнка – неожиданно, как стихия, подступить к ней. И она игриво прошептала, дыша ему в лицо:

– Знаешь, когда к нам приедет Анна, тебе придется вести себя прилично!

Он как будто собрался что-то сказать, но передумал. А потом и вовсе лишился шанса ответить, поскольку она вдруг прижалась теплыми губами к его щеке.

– Я люблю тебя, Фрэнк, – прошептала она. – Ты ведь знаешь.

Глава 2

В следующий четверг вечером, в половине шестого, к дому с помпой подъехала линейка, которой правил Джо из Ливенфорда и в которой сидели: сам Джозеф, его сестра Полли и Анна со своим багажом. С помпой – потому что сидящий на козлах Джо имел важный, величественный, внушительный вид. Теперь же, когда его необъятная фигура, колыхаясь, спустилась и утвердилась на земле, он старался приободрить усталую клячу, слегка похлопывая ее по дымящемуся боку и одобрительно прищелкивая языком. Его обращение с лошастью было почти профессиональным. Действительно, он был профессионалом во всем, не было такого, чего Большой Джо не знал бы! Удивительная осведомленность для человека, который ничего не читал, с трудом ставил свою подпись и с вежливым презрением неправильно употреблял королевский английский. По его собственному выражению, все у него «выходило легко», и удивляться тут нечему, ведь он – снова его слова – такой «славный малый»! Да, Джо торговал спиртным, был трактирщиком и даже кем-то вроде букмекера. Но что с того? Было известно, что он из лучших побуждений защищал своих клиентов от их собственных порочных наклонностей, весьма разумно смешивая свой товар с чистой шотландской водой. А что касается «лошадок» – что ж, в его приверженности к скачкам было определенное благородство, и в тот момент делалось очевидным, как сильно Джо любит конские стати. И вот, заправив большой палец за пройму жилета и откинув голову, он приветливо обратился к своим спутникам:

– Эй, там, наверху! Спускайтесь. И оставьте чемодан. Фрэнки возьмет его. Преподобная Бригитта! От этой пыли вся глотка пересохла.

Потом он двинулся по дорожке с самодовольным видом, как бы говоря: пусть всякий, отрицающий право ирландца вторгнуться в Шотландию и завоевать ее, взглянет на фигуру Джозефа Мура и призадумается.

Крупный – скорее не высокий, а дородный, с той благородной полнотелостью, какая подobaет хорошему хозяину трактира, – он обладал добродушием, свойственным большим людям. Его маленькие черные глазки-смородинки, глубоко посаженные на лоснящемся от жира, гладком бледном лице, лучились благожелательностью и добротой. Из уютных широких ноздрей торчали пучочки волос. Из-под широкой верхней губы показывались крепкие ровные желтоватые зубы. На круглой, коротко стриженной голове, сужающейся кверху, с небрежным шиком сидел котелок. На Джо был щегольски распахнутый пыльник желто-коричневого цвета, на ногах – сапоги красивого охристого оттенка, подходящего к синему тону костюма. В целом создавался величественный образ мужчины, немолодого летами – ему было пятьдесят, – но вечно молодого духом. Отчасти этот дух проистекал из его неизбывного добродушия, но имели место также многочисленные исторические эпизоды, более полно раскрывающие способности Джо и присущий ему размах. Например, тот случай, когда он любезно выставил бутылку имбирного эля одному подвыпившему клепальщику, который перед тем опрометчиво клялся, что возьмет да и раскошелится на шампанское. И другой случай, когда он, купив якобы поющего попугая, обнаружил, что птица не поет, и немедленно заказал из нее чучело. И еще тот раз, когда его пригласили на церковный банкет и он голодал два долгих дня – поразительное самоограничение! – чтобы в полной мере воздать должное пышной трапезе.

Таков был неподражаемый Джо, за которым по дорожке следовала его сестра Полли, двумя годами моложе брата. Шла она чуть вразвалку, что объяснялось ее тучностью и очевидной весомостью ее юбок. Она была ниже Джо, но толще, и казалось, ее чересчур пышная фигура проседала на каждом шагу, отчего рост казался еще меньше. Двойной подбородок, полное красное лицо, тяжелые груди – вдвойне непристойно! – отвислый живот, дряблые складки на лодыжках, нависающие над полурасстегнутыми ботинками, создавали впечатление, что сила тяжести постоянно стремится притянуть Полли к земле. Кричащие тона дорогого пла-

тъя резали глаза, но, вероятно, эта расцветка нравилась Полли. По крайней мере, оно «стоило немалых денег». Поверх всего на ней была свободная меховая накидка, не по сезону – «для поездки, знаете», – и вот теперь бедная женщина с трудом дышала.

Поднявшись на крыльцо, Полли переводила дух, пока Джо возвещал об их прибытии, непрерывно дергая за шумный колокольчик. Так приятен сердцу был вид этой пары, преисполненной любви к жизни. Когда Нетта распахнула дверь, Джо взял Полли за руку, галантно воскликнув:

– Войди же в дом! Ну что ты встала, как свинья, завидевшая мясника?

– Не могу же я пройти сквозь тебя! – ответила на его шутку Полли с грубоватой прямоот добросовестного комика.

Ясно было, что она любит Джо и к ее сестринской любви примешивается восхищение. Уже пять лет она вела хозяйство в доме брата и все эти годы изливала на него безмерное, подобострастное обожание.

Игриво толкнув ее, чтобы не обижалась, он с чувством прокричал:

– Анна! Иди сюда, девонька! Где ты там застряла? – В ту же секунду Джо оказался в прихожей, с волнением сжимая руку Люси – он всегда очень суетился при их редких встречах, – шутливо боксируя с Питером и громко восклицая: – Фрэнки! Ну-ка, посмотрим на тебя, дружок Фрэнки!

Он был отличным парнем, этот Большой Джо Мур, так и говорил про себя: «Ей-богу, отличный парень, и все такое».

– Фрэнки спустится через минуту, – быстро сказала Люси. Она с трудом уговорила мужа подняться наверх, чтобы побриться и переодеться, и сама только что сбросила капот, ей было жарко после работы на кухне. – Очень рада вас видеть, – искренне произнесла она. – Но Анна... Где же Анна? – Она выглянула из-за плеча Джо, в ее ярких глазах светился интерес.

– Анна! – вновь прокричал Джо и сдвинул котелок на затылок.

Наконец появилась Анна, хотя непохоже, что она спешила, повинаясь зову Джозефа. Вид у нее был беспечный и невозмутимый. Одета в скромное платье, высокая, хорошо сложенная, с бледным смуглым лицом и большими темными бесстрастными глазами, она выглядела лет на тридцать. Этот скучающий, безразличный взгляд и чуть припухшие губы придавали лицу то ли надменное, то ли приветливое выражение, одновременно строптивное и неприязненное в своей двусмысленности.

– Так, значит, вы Анна. – Люси с улыбкой протянула ей руку. – Я рада... рада, что вы приехали.

– Спасибо, – приветливо сказала Анна.

У нее был тихий, на удивление проникновенный голос. Сама наружность Анны, если принять во внимание ее происхождение и окружение, доставила Люси неожиданное удовольствие. «Я полюблю ее, – вдруг подумала она. – Я рада, что пригласила ее».

– А мне не жаль избавиться от Анны, – вмешалась Полли, забавно встряхивая фиолетовыми страусовыми перьями на шляпе. – Право, не жаль. Последние две недели она отвлекала брата Джо от работы. А он такой славный мужчина, с голодающей сестрой на руках.

Питер, наряженный в килт, как того требовали обстоятельства встречи, внезапно рассмеялся, но потом сильно покраснел – предварительно он получил строгое наставление, чтобы гости его видели, но не слышали.

– Отлично! Отлично! – хлопнув себя по ляжке, воскликнул Джо. – Мы все отправимся на корабле в Маллинггар.

Он взял мальчика за руку, и они двинулись в столовую, красиво убранную для гостей, которых ждали удовольствия плотного ужина с чаем. Впечатляющее зрелище! Люси сервировала стол наилучшим образом: дорогое столовое белье, сияющие приборы, серебряная ваза для печенья, принадлежавшая раньше матери, – на эту вазу претендовал Ричард, но не полу-

чил ее! – даже свадебный фарфор ручной росписи, чудесным образом сохранившийся за эти годы. Каких только закусок тут не было – холодное мясо, блинчики, ячменные лепешки, аппетитная ветчина, – а вязаная салфетка рядом с центральной вазой-этажеркой обещала горячее блюдо впереди. Без сомнения, подготовка этого пиршества далась Люси нелегко. Более того, атмосфера этих семейных сборищ по временам задевала ее чувство благопристойности. Но она решительно старалась ничего не замечать. Это были родственники Фрэнка, и по отношению к ним у нее были светские обязательства.

Между тем Джо окинул стол выразительным взглядом.

– Самое время подкрепиться! – весело произнес он, стаскивая жилет и любовно похлопывая себя по животу. – Мы с Полли и Анной выехали рано.

В этот момент Полли, которая неторопливо и очень внимательно рассматривала фотографии и трогала стоящие на полках безделушки и фарфор, проговорила в пространство:

– Ты своей бешеной ездой растряс меня. И мне нехорошо. Давит на сердце, – объяснила она Люси, словно обладая исключительным правом собственности на этот недуг. Полли и в самом деле считала, что ей принадлежат некоторые из самых мучительных заболеваний, или, по крайней мере, она имеет в отношении их право выбора. – Как будто там камень! Твердый и тяжелый, настоящая глыба. Когда-нибудь он меня прикончит.

– Что стряслось с моим братом? – нетерпеливо шмыгая носом, воскликнул Джо. – Куда он подевался? Пошел ежейков поискать?

Как раз в этот момент в комнату вошел Фрэнк. У него был смущенный, встревоженный вид – и все потому, что он пытался казаться естественным и непринужденным.

– Как дела, парнишка? – с ходу взревел Джо.

Фрэнк равнодушно кивнул, затем неловко помедлил перед Анной. Его лучший костюм плохо на нем сидел.

– Ну вот ты и здесь, я снова вижу тебя, Анна, – пробормотал он.

– Ну это же очевидно, Фрэнк, – ответила она с ускользающей улыбкой. – А ты предпочел бы считать, что незнаком со мной.

– Да нет, я хорошо тебя знаю, – напряженным голосом произнес он. – Ты совершенно не изменилась, с тех пор как я был у вас.

– Это хорошо, – спокойно сказала она.

Ее уравновешенность и невозмутимость просто поражали.

– Позже может подъехать мистер Леннокс, – вмешалась Люси во время короткой паузы. – Но мы не будем его ждать. Он сказал, что приедет после чая.

Они в величайшем согласии уселись за трапезу. Нетта проворно внесла дымящийся суп, и Люси, желая угодить гостям, принялась разливать его, отчего немного раскраснелась.

– Надеюсь, вам понравится у нас, – заметила она, дружелюбно наклонившись к Анне. – Питер устроит для вас пикник. А еще нас пригласили провести день с Эдвардом в Порт-Доране. Но может быть, вы хотели бы остаться там дольше?

– Нет, – задумчиво протянула Анна. – Думаю, что не останусь там.

– Никогда особо не жаловала Неда – да, Анна? – вступила в беседу Полли. Тяжело дыша, она жевала тост.

– Нед... – повторила Анна, имея в виду его преподобие отца Мура. – Таких хороших священников, как он, где угодно встретишь.

– Соблюдай приличия, Анна! – воскликнул Джо с набитым ртом, вероятно почуяв оттенок иронии там, где его не было. – Уважай духовный сан! Уважай семью!

– И у него была симпатичная экономка – мисс О’Риган, – невозмутимо продолжила Анна. – Она ухаживала за ним, как ангел-хранитель. Добрая женщина!

В этих словах не было ничего смешного. Тем не менее Джо осклабился, Полли захихикала, даже Фрэнк улыбнулся.

Люси ничего не понимала. Она покраснела пуще прежнего и взглянула на Анну, на миг тронутая каким-то неуловимым выражением ее лица. Но миг прошел. Анна ответила ей снисходительным взглядом, проронив:

– Я тоже не вижу в этом ничего смешного.

– Матерь Божья! – вмешался Джо с тем провинциальным акцентом, который прорезывался у него в моменты эмоционального подъема. – Эти яйца совсем как от индюшки. Возьму еще парочку, Люси. И еще того холодного мяса.

Полли рванулась вперед, подобострастно передавая тарелку брата.

– Приятно видеть, что ты можешь все прожевать, Джо, – сказала она. Повернувшись к Люси, она улыбнулась, стараясь не потревожить случайным прикосновением свои красивые вставные зубы – протез, которым недавно одарил ее Джо, – и добавила: – Мой девиз: «Накорми мужчину!» У каждого мужчины сердце где-то посередине. Ничто так не улучшает кровь, как полусырое мясо. Эта штука весьма питательна. Здоровье не так быстро ухудшается. – Она умолкла, с достоинством положив руки на живот. – Истинный Бог!

Полли в самом деле глубоко веровала в истинность Бога. Будучи женщиной слабого здоровья, она в своей великой убежденности уповала на Провидение и клистир.

– А как там дела с маслом, парнишка? – спросил Джо, слизывая желток с ножа.

Видимо, вопрос касался занятий его брата.

– В общем, хорошо, – кратко ответил Фрэнк, – твоими молитвами.

Джо приветливо наклонил аккуратно постриженную голову.

– А знаете, – вновь заговорила Полли, как обычно перескакивая на тему, связанную с какой-нибудь патологией, – знаете, что теперь делают с маслом? Недавно я слышала про женщину, которой представился случай побывать в одном из этих новомодных санаториев, и там только и делали, что кормили ее маслом. Она съедала фунты и фунты свежего масла. Ее закормили до того, что она начала потеть жиром. Конечно, ей так это опротивело, что однажды утром она выбросила в окно весь кусок, и – Боже правый! – он приземлился на голову главному врачу. Она умерла через пару месяцев – Господь, упокой ее душу. А я начинаю думать, как бы не пострадали у меня легкие.

– А-а! Поцелуй мне руку! – последовало вежливое замечание Джо. – И ногу короля Билли! Это голова у тебя может пострадать. – Загребев ножом и вилок, он энергично крутанул круглой головой на толстой шее. – Угощение было прекрасным. Слышишь, Фрэнки? У тебя не жена, а просто чудо!

– Спасибо за информацию, – чопорно произнес тот. – Я не спрашивал твоего мнения.

Но Джо и не думал обижаться:

– Как тебе будет угодно, парень. Я, старый вдовец, завидую тебе. И никогда не вспоминаю про десять заповедей. Бедная моя Кэти – упокой, Господи, ее душу – не смогла бы приготовить такое угощение, чтобы спастись от чистилища.

Люси беспокойно заерзала. Эти семейные сборища, пусть она и допускала их фамильярную атмосферу, обычно проходили непринужденно, стоило только расшевелить обычно сдержанного Фрэнка. Но сейчас Фрэнк сохранял безучастный вид, и, несмотря на свои усилия, Люси ощущала его упорное сопротивление, а она не привыкла, чтобы ее труды пропадали даром. Чуть нахмурившись, она обратилась к нему поверх вазы-этажерки оживленно-повелительным тоном:

– Ну-ка, Фрэнк, ты плохо ухаживаешь за кузиной. Передай ей песочное печенье.

– Все хорошо, – с улыбкой возразила Анна. – Просто он еще не справился с потрясением от встречи со мной!

– С потрясением, право! – сказала Люси, укоризненно глядя на Фрэнка, который хмуро передавал блюдо с печеньем. Потом, повернувшись к Анне, она с подчеркнутой любезностью спросила: – Вы были рады вернуться в Ливенфорд?

– И да и нет, – честно ответила Анна.

– Она хочет сказать, – коротко заметила Полли, – что ненавидит это место.

– Я понимаю, в чем тут дело... – Люси улыбнулась Анне. – Ее сердце осталось в Ирландии.

Повисла заметная пауза – момент тревожного ожидания. Люди за столом сделали вид, что с увлечением жуют, однако каждый из них – Джо, Полли и даже Фрэнк – бросил на Анну быстрый взгляд.

– Может быть, – серьезно кивнула она. – А может быть, и нет!

Наступило молчание. Люси была озадачена, и ей не нравилось это ощущение растерянности. Она уже собиралась заговорить, когда Фрэнк, который редко отваживался на замечание, вдруг отодвинул свой стул и заявил:

– Мы уже закончили. Пойдемте в гостиную.

Все поднялись со своих мест. Полли вытерла салфеткой взмокшее красное лицо.

– Я обычно потею, когда ем мясо, – заметила она громким шепотом. – Приходится есть медленно, или меня начинает пучить.

Тут же стало очевидно, что Полли говорит правду. Она деликатно пустила газы, в равной мере не обращая внимания на хмурый вид Люси и бесстрастный взгляд Анны.

Они прошли в гостиную. Джо расстегнул жилетку. Достал сигару и, придерживая из осторожности свой красный шейный платок, зажег ее. Полли, обмахиваясь веером, устроилась у окна; Анна уселась на диван; Фрэнк занял свой любимый угол у каминной доски и, вперив взгляд в пространство, принялся угрюмо орудовать зубочисткой.

У двери Люси задержалась, обняв Питера за плечи.

– Извините меня, – сказала она. – Мне надо отправить мальчика спать.

– Нет, мама, – стал вырываться тот, – слишком рано!

– Позвольте ему ненадолго остаться, – попросила Анна.

– Боюсь, – смущенно произнесла Люси, – такое у нас правило. Семь часов!

Мальчик выпятил нижнюю губу.

– Знаешь, – пробубнил он, – дядя Джо обещал дать мне пенни. И не дал.

– Господи помилуй! – гаркнул Джо. – Я позабыл.

Величественным жестом он отложил сигару и после долгих усилий извлек из кармана теплую медную монетку.

– Скажи спасибо! – довольно резко велела Люси сыну.

Ей не понравилось его поведение – чтобы хозяин просил денег у гостя! Чуть нахмурившись, она быстро повернулась, расстроенная сама не зная чем. Остановившись на лестничной площадке, она сказала:

– Не стоило этого делать, сынок.

– Прости, мама, – протянул тот с ухмылкой, но при всем при том аккуратно опустил пенни в свой кувшинчик.

Наверху Люси подумала, что зря не попросила Анну помочь искупать мальчика. Да, это было бы мило. Они могли бы дружески поболтать у ванны! Анна явно была слишком робкой, чтобы предложить это самой. Люси надо постараться побороть застенчивость Анны, дать ей почувствовать себя непринужденно.

Размышляя таким образом, она уложила ребенка, и тут послышался звон колокольчика входной двери, возвещающий о прибытии мистера Леннокса. Люси будто кто-то подтолкнул, она заторопилась. Хотя контора помещалась в Глазго, он, как и Муры, жил в Ардфиллане, на холме. Нечастые визиты Леннокса – он, по обыкновению, сухо обещал «заглянуть» – были знаком его особого расположения. Да, несмотря на сдержанность Леннокса, он нравился Люси, и у нее были самые веские причины искать его общества. Спокойный, проницательный, терпимый, он слыл человеком широких взглядов, а иначе как мог бы он много лет назад выстро-

ить свое партнерство с Галтоном? Шотландец и ирландец в бизнесе! Почтище чем язычник и еврей! Но ему это удалось. У Галтона были связи, а у него – капитал. А теперь, после смерти партнера, Леннокс тщательно обдумывал планы по расширению предприятия за счет ввоза из Голландии этого нового синтетического продукта. У Люси же были свои планы, и сегодня ей подвернулась благоприятная возможность приступить к их осуществлению. Правда, этим вечером она не предполагала прибегнуть к своей хитрости, но хотела подготовиться к этому.

И сейчас ей уже виделись проблески на горизонте. Не зря же она до сих пор так дипломатично обращалась с Ленноксом. Она поцеловала Питера, пожелав ему спокойной ночи, и поспешила к гостям, собравшимся в гостиной.

Люси с порога поняла, что Джо успел распалиться не на шутку. Театрально выставив вперед руку, он с большим чувством вещал:

– Пускай называют нас подлыми ирландцами! Они все твердят, что от нас мало толку. Разве я возражаю? Ни словом! Пусть просто понаблюдают за нами. Мы добьемся успеха, несмотря на всю эту болтовню. Спросите кого угодно в Ливенфорде про Большого Джо Мура! Меня там знают, и довольно хорошо. У меня не было тех возможностей, что у других родственников, но я все-таки проложил себе дорогу и к тому же заработал денег. Вот я мальчишкой продавал газеты, а теперь – директор футбольного клуба «Грин» и председатель местного АОГ⁵. Может, это не так много, но достаточно, чтобы двигаться дальше.

– Не сомневайтесь на счет Джо, – кивнула Полли, не поднимая полуопущенных век.

Леннокс внимательно изучал стоящий перед ним стакан виски. Глава компании был спокойным и уверенным в себе человеком лет пятидесяти, среднего роста, с седой бородкой. Он носил костюм из толстого серого твида хорошего качества, но отвратительно сшитый. У Леннокса были хитроватые глаза, полуприкрытые веками, небольшой рот со сжатыми губами; руки он частенько держал в карманах брюк. Простой вязаный жилет странно щетинился частокором хорошо заточенных карандашей. Для этого человека имело значение, чтобы они были при нем и в нерабочие часы. По характеру неразговорчивый и недоверчивый, он развивал в себе практичность, как другой может развивать ум, казалось, исключительно в целях укрепления своего мелкого бизнеса. Мировоззрение Леннокса основывалось на осторожности, хитрости и предусмотрительности. По временам он мог напускать на себя вид колоссальной увлеченности делом. Лишенный блеска и изобретательности, он вполне обходился природной проницательностью. Таков был Леннокс – медлительный, надежный, прозорливый, замкнутый.

– Да-да, – процедил он своим странным холодным голосом, – вы замечательный человек. В этом нет сомнения. Ни малейшего.

Он сказал это так, что невозможно было уяснить, комплимент ли это.

– Да! Не такие уж плохие у меня дела, – с жаром произнес Джо. – Стоит вам попробовать каплю хорошего «Джемисона» в пабе «Шемрок», как вам нипочем будет проплыть по всей реке Клайд. И пусть я имею немало, бедных я не забываю. Ей-богу! На Рождество раздаю милостыню у церкви Святого Винсента де Поля. Нет, духовенству я тоже рад помочь. Каждый раз, как маленький отец Кассиди скоблит свой котелок, в руке у него на счастье оказывается соверен. Имейте в виду: не то чтобы это было необходимо, просто я заставляю его взять деньги. Пустяковое доброе дело с моей стороны.

– Сильнее труби в трубу, Джо, – сказал Фрэнк, уставившись в потолок и слегка скривив губы.

– А почему бы и нет, парень? – с ухмылкой пророкотал Джо. – Уж точно, мотивчик получается премилый.

⁵ Имеется в виду Ancient Order of Hibernians, АОН – Древний орден гибернийцев (Гиберния – латинское название Ирландии). Основное занятие ордена – продвижение католичества как религии национальной самоидентификации ирландцев.

– Он великодушный человек, наш Джо Мур, – вздохнула Полли, незаметно распуская шнуровку корсета.

На миг воцарилась тишина, потом Леннокс искоса бросил на Люси лукавый взгляд.

– А как же шотландский элемент? – спросил он, как бы вкладывая в свои слова тайный смысл, – так он иногда ее называл.

– Да как обычно, – улыбнулась она. – Правда, Питер немного простудился. Ничего особенного.

– Ломтик бекона, – сонным голосом вмешалась Полли. – Если приложить к груди, он предохранит легкие.

Никто не обратил на этот совет никакого внимания, и она снова впала в летаргию.

– Как ваша новая идея, мистер Леннокс? – торопясь ухватиться за эту возможность, спросила Люси. – Продвигается вперед?

– Я как раз рассказывал об этом, когда вы вошли, – негромко сказал он. – Я по-настоящему увлечен. Вчера ездил в Лит – договариваться в доках.

– Наверное, вам одному трудно будет со всем этим управляться, – подавшись вперед, выпалила Люси в большом волнении.

Леннокс поглаживал свою острую бородку, – пожалуй, она была самой характерной частью его плутоватого облика.

– Вероятно, – уклончиво ответил он. – Может, и так.

У Люси на кончике языка вертелся вопрос, но не успела она заговорить, как в разговор шумно вмешался Джо.

– Кстати, Анна, – сказал он, – что ты собираешься делать с собственными деньгами? Твой старик, должно быть, кое-что тебе оставил.

Она посмотрела на него внимательным приветливым взглядом.

– Ну что ж, – тихо произнесла она, – как ты только что заметил, Джо, кое-что действительно имеется, и я могу основать больницу – для Полли, знаешь ли.

Да, всегда благотворительность. И всегда духовенство. Анна подняла глаза на хозяйку дома:

– Я устала, Люси. Не возражаешь, если я пойду наверх? Не беспокойся и не провожай меня.

– Да отчего же не проводить? – сердечно сказала Люси, поднимаясь. Она очень обрадовалась, что Анна назвала ее по имени. – Для тебя все готово.

Они вместе вышли из гостиной.

– Боже мой! – театрально выпрямившись и дрожа от волнения, воскликнула Полли. – Вы слышали про больницу?

Джо просунул руку под валик жира, нависавший у него над воротником сзади.

– А-а, теперь она изменилась к лучшему, – умиротворенно протянул он. – Последние две недели мы с ней хорошо ладили.

– Слишком хорошо! – продолжая дрожать, пробормотала Полли. – Она ведь со странными, Джо Мур, и тебе это отлично известно.

Наступила пауза, затем Джо медленно поднял голову и посмотрел на брата в упор – обычно он так не делал.

– Люси знает... о ее титуле леди? – многозначительно произнес он, мотнув головой вслед вышедшей Анне.

Фрэнк смущенно зарделся, засунув руки в карманы, и растерянно буркнул:

– Нет, не знает, и незачем сейчас говорить ей об этом.

– Совершенно верно, парень. Совершенно верно, – примирительно сказал брат. – Нет смысла снова трепаться на эту тему. Совсем нет смысла, совсем.

– Должен сказать... – подал голос Леннокс, внимательно разглядывая свою трубку. – Должен сказать, я обнаружил у нее весьма разумный подход к организации бизнеса. Да, я бы высказался в ее пользу.

– Ах, нельзя заставить леопарда стряхнуть со шкуры пятна, – с неожиданной поэтической фантазией заявила Полли. – В самом деле, вы не заставите Анну стать другой.

– Полегче там, – отмахнулся Джо, – мы всего лишь люди. Да, черт побери! Нас можно причислить к лику святых только после смерти.

Пока он это говорил, распахнулась дверь, и в комнату вошла Люси. Ей сразу показалось, что присутствующие заговорщицки переглянулись. В ее сердце вспыхнула тревога, но тут же угасла.

– В чем дело? – спросила Люси, с улыбкой переводя взгляд с одного на другого. – У вас такой вид, будто вы все о чем-то грезили. Давайте-ка за стол.

– Нет, Люси, – с сожалением вздохнул Джо. – Уже темнеет. Нам пора ехать.

– Но, право! – запротестовала она. – Еще очень рано. Может быть, послушаем музыку?

В самом деле, Леннокс частенько ждал от нее «музычки». Бывало, и Полли настаивала на том, чтобы спеть перед публикой. Она знала трогательную балладу, в которой тонко переплетались набожность и патриотизм, и начиналась баллада так:

Бедный ирландский солдат, драгун и католик,
Письмо писал при луне своей матушке с поля.

Сейчас, однако, Джо покачал головой:

– Я должен вернуться, чтобы подсчитать выручку. – Он поднялся, и в гостиной сразу стало тесно. – Пойдем, Полли.

Леннокс допил виски и взглянул на часы:

– Я тоже пойду. Знаете, поздновато для меня.

Люси пробовала возражать, сожалея, что вечеринка заканчивается слишком рано, но ничего не могла поделать.

– В таком случае, мистер Леннокс, приходите ужинать на следующей неделе, – упрашивала она. – Но только обязательно.

– Я подумаю, – сказал Леннокс, желая, видимо, пошутить.

Для него это было равносильно явному одобрению, однако у нее создалось смутное ощущение разочарования. Она неохотно проводила гостей до ворот, где постояла, взяв Фрэнка под руку, пока Джо подсаживал Полли в линейку, зажигал фитили фонарей и тормозил дрожащую лошадь. Они отважно уехали в темноту, вскоре отправился домой и Леннокс, правда с меньшей помпой. Он обещал в следующее воскресенье «заглянуть» к Мурам на ужин. На этом Люси успокоилась. Но, чувствуя, что вечер удался не в полной мере, она, помедлив, спросила:

– Как ты считаешь, Фрэнк, все прошло хорошо?

– Могло быть и хуже.

– Но какова Анна... – задумчиво произнесла Люси. – Полагаю, чтобы узнать ее, понадобится время. Она немного замкнутая. Не так ли?

– Я не звал ее приехать, дорогая моя! – с неожиданным чувством откликнулся он.

Она не ответила, но спокойно, с некоторым любопытством взглянула на него. Потом неторопливо улыбнулась ему, и он улыбнулся в ответ.

Они стояли у ворот, ощущая, как вместе со сгущающейся темнотой на них давит серое безмолвие.

– Здесь так хорошо вместе, – вдруг сказала она.

Тишину пререзал тонкий звук губной гармоники, донесшийся со двора Боуи, где по вечерам собирались юнцы. По временам мелодия прерывалась взрывом негромкого смеха, когда мимо проплывала какая-нибудь служанка, провожаемая дружными галантно-ироничными взглядами. Порой Муры слышали приглушенные приветствия знакомых, и в сумраке

мелькали неясные силуэты. Где-то вдали слабо подрагивали воды устья, готовые с наступлением темноты покатиться вспять...

Вдоль улицы начали загораться прямоугольники желтого света, торопя приход ночи. Двери, за минуту до того открытые, чтобы впустить вечернюю прохладу, захлопывались. Неожиданно со стороны смутно виднеющегося залива вспыхнул луч Линтонского маяка, метеором пронесся перед глазами, сверкающей нитью на миг привязав пару к реальности, но затем темнота стала крошечной, а тишина – оглушительной.

Они не разговаривали. Этот таинственный час призывал к всемирной тишине. Не было ни луны, ни россыпи звезд, отчего мрак казался более густым, а тишина – более глубокой. В воздухе, напоенном усиливающимся ароматом росистой травы, бесшумно мелькнули крылья летучей мыши. С дальнего поля доносился запах свежескошенного сена, веяло влажной дремотной прохладой. На Люси нахлынуло приятное томление этого вечера, и она в порыве нежности прильнула к мужу. Да, у нее с Фрэнком бывали небольшие размолвки. Но она точно знала, что любит его. Прижавшись к нему, она жестом собственника обняла его за плечи.

– Уже поздно, Фрэнк, – тихо сказала она. – Пойдем домой.

Глава 3

На следующее утро Люси, решив позаботиться об уставшей гостье, послала в комнату Анны поднос с завтраком, поэтому за стол Муры сели без нее. В этот момент принесли телеграмму от Ричарда.

Телеграмма в этом доме была событием из ряда вон выходящим, и, нервно разрывая тонкий конверт – за это дело отвечала она, – Люси уже была готова к какому-то бедствию. Но беды не было, просто неприятность, и во вздохе Люси слышалось раздражение, смешанное с облегчением.

– Подумать только! – воскликнула она, возбужденно сверкая глазами. – Как все это некстати!

Ее легкая фигура напряглась, на гладком лбу прорезались морщинки, и весь ее облик выражал почти девичье смятение.

– Посмотри, Фрэнк, – повторила она. – Ну разве не досадно?

Мур прочитал вслух предложенный ему листок:

– «Дорогая Люси приезжай пожалуйста несколько дней Ева больна Ричард». Подняв брови, он несколько мгновений смотрел на нее. – Тьфу, пропасть! – ругнулся он. – «Дорогая Люси» – сильно сказано.

– Очень досадно, – сердито согласилась она. – В особенности когда надо развлекать Анну. Что же она подумает...

– Но... ты не собираешься поехать?

– Несколько дней... – задумчиво повторила Люси. – Наверное, до вторника. – Вздохнув, она сказала: – Полагаю, придется!

– Ну конечно! – возмутился муж. – Ты ведь знаешь, они просто используют тебя. Давно ты не получала весточки от брата! Кажется, пару лет назад случилось то же самое? И когда ты сделала для них все, что могла, они выбросили тебя, как горячую картофелину. А в благодарность послали тебе рождественскую открытку – помнишь?

Люси вспыхнула: ну и тон у Фрэнка!

– У меня есть чувство долга, Фрэнк, – твердо возразила она. – Меня не волнует то, что делает Ричард. А волнует то, что делаю я. Ева больна. Кроме того, он мой брат.

– Как я люблю папу римского! – грубовато воскликнул Фрэнк. – Ты нужна мне здесь. Не надо уезжать.

Но она совершенно спокойно отмела в сторону как его грубость, так и возражения. Люси была не из тех, кто пренебрегает своими обязанностями. Ричард, ее брат, в силу обстоятельств обратился к ней, и, хотя выполнение этого долга было связано с очевидными неудобствами, она уже приняла решение.

– В каком-то смысле нам повезло, что Анна здесь, – размышляла она вслух, и ее голос звучал ровно. – Она сможет ухаживать за тобой.

– Ухаживать за мной? Не хочу, чтобы она ухаживала за мной.

В его тоне зазвенела нота протеста. Но сейчас, как и всегда, этот протест всего лишь высек искры из непреклонности Люси.

– Мне подойдет десятичасовой поезд, – пробормотала она, как будто отрезала: «Я так решила, Фрэнк». Да, она решила окончательно и бесповоротно.

Тема больше не обсуждалась. Он резко поднялся и, надевая пиджак, заявил:

– Ты всегда делаешь по-своему. И ничего другого знать не хочешь. Так можно далеко зайти.

– Я совсем не хочу ехать, – парировала она. – И это всего лишь до вторника.

Муж с минуту смотрел на нее, потом его хмурое лицо постепенно расплылось в улыбке. Он покачал головой.

– Я люблю тебя, это ясно, – сказал он, – а иначе ни за что не позволил бы так туго натягивать поводья.

– Вот и славно, – откликнулась она, разглаживая его воротник.

Нежно поцеловав Фрэнка на прощание, Люси подошла к окну, чтобы посмотреть мужу вслед. Его фигура на дороге становилась все меньше, пока не исчезла вдаль. Тогда Люси поднялась наверх и с сосредоточенным видом постучала в дверь гостевой комнаты.

– Мне ужасно жаль, Анна! – воскликнула Люси, то хмурясь, то улыбаясь. Присев на край кровати, она рассказала о своем затруднении. – Очень не хочется ехать, но я не вижу другого выхода. Думаю, брат во мне нуждается.

– Мне все равно, – сказала Анна и, не сводя глаз со своих пальцев, принялась заплетать распущенные волосы, спадающие на желтую домашнюю кофту. – Я не возражаю.

– Ты не расстроилась?

– Из-за чего?

Она перестала заплетать волосы, но не отбросила назад толстую косу, а безо всякого кокетства оставила ее на месте.

– Что ж... – пробормотала Люси и зарделась. Она не ожидала такого равнодушия в ответ на свою новость. – К сожалению, мне придется уехать десятичасовым поездом.

– Как тебе угодно, – приветливо произнесла Анна, спокойно поднимая большие карие глаза. Они ярко сияли на гладком, как слоновая кость, лице.

Между двумя женщинами воцарилось молчание. Одна была открытой, энергичной, целеустремленной, другая – сдержанной, пассивной, флегматичной...

– Ты присмотришь за Фрэнком! – сказала Люси и поднялась. – Не позволяй ему хандрить.

– Мы хорошо с ним ладим, – беспечно бросила Анна. – Фрэнк знает меня, и я знаю его.

«Почему, – думала Люси, спускаясь вниз, – Анна не могла в порыве чувств сказать: „Жаль, что тебе придется уехать. Но, конечно, это необходимо, ведь твоя невестка больна. Однако я вполне справлюсь без тебя“? Но нет, она так не сказала, – видимо, дело в ее характере...» Люси несколько секунд с раздражением пыталась решить это трудное уравнение. Ей нравилось осязать суть любого явления, неразрешенная загадка вызывала у нее досаду. Должно быть, сделала она вывод, Анна справедливо возмущается тем, что хозяйка дома нарушает долг гостеприимства, хотя ее к этому вынуждают обстоятельства. И Люси, примирившись с таким ответом, в конце концов выкинула его из головы.

Освободившись от глупых мыслей, она направилась к спальне сына, чтобы сообщить о своем отъезде.

– Питер! – позвала она.

Он появился в дверях, еще не полностью одетый. Для удобства матери, да и своего собственного, в будние дни он завтракал после ухода отца.

Люси взглянула на сына, пряча в глазах обожание.

– Сегодня Нетта накормит тебя обедом, – тактично объявила она. – И с тобой некоторое время побудет Анна. Я... я уеду.

Он уставился на нее:

– Но зачем, мама?

– Будет весело, правда? – Люси уклонилась от ответа и, поправляя его галстук, с нажимом добавила: – Обещаешь мне заботиться об Анне?

Идея его явно заинтересовала, он находил ее исключительно важной и все же с расчетливой непосредственностью, показавшейся матери просто обворожительной, сказал:

– Если я это сделаю, ты дашь мне... – он помедлил, – знаешь... – И произнес слово по буквам. – Да – если сделаю? Для моего кувшинчика.

Конечно даст – пенни, какая чепуха. Не такой он мальчик, чтобы потратить деньги на дешевые дрянные сласти. Нет, он копил эти пенни с похвальным благоразумием, утешительным для ее материнского сердца.

Его наградили пенни – разве могла она отказать ему? – и сердечным долгим объятием. Нетте были даны подробные инструкции, и наконец Люси отправилась в путь.

Утро выдалось бодрящим, с той осенней свежестью, которую она так любила, и Люси с удовольствием прошла пешком до города. Право, Ардфиллан всегда нравился ей. На широких и чистых улицах, обсаженных молодыми липами, ясенями и каштанами, дышалось легко, как на бульварах; магазины зазывно выставляли напоказ имена титулованных постоянных покупателей, вывешивая над дверями дворянские грамоты. Да, то был приятный городок, чем-то напоминающий по своему расположению английский курорт с минеральными водами, тем не менее предназначенный исключительно для проживания, гордящийся – с абсолютно оправданным снобизмом – своей культурой и неповторимостью, всего лишь терпящий многочисленных летних посетителей; город, в котором оседали со своими деньгами вышедшие на покой местные набобы, дабы предаться заслуженным удовольствиям. Здесь царила атмосфера порядка и хорошего вкуса. «Место для избранных», – мысленно отметила Люси, и это заставило ее первым делом заявить: «Вот здесь мы будем жить, Фрэнк. Пока мы не можем позволить себе поселиться в лучшей части города. Но когда-нибудь...»

Верно, что в Ардфиллане у нее было немного друзей – видимо, все же из-за того, что дом Муров стоял на отшибе. Находилось и другое объяснение. В Перте, ее родном городе, где у отца долгое время была контора с хорошей репутацией – он служил стряпчим в суде графства, – Люси занимала прочное положение. Ее знали и принимали в деловых кругах города. Но после замужества, когда она вошла в ирландскую семью, ее социальный статус перестал быть таким стабильным, деловое окружение распалось. Она понимала неизбежность этого. Но ей было все равно. Да, она знала, что женщина должна поднимать мужа до своего уровня. Она уже успела самоутвердиться и не сомневалась, что однажды более полно проявит свои способности, упрочит положение семьи, сделает их с Фрэнком будущее более надежным.

Устроившись в вагоне первого класса, Люси незаметно унеслась мыслями к счастливым годам, проведенным в этом городке. Она не могла отрицать – несмотря на отношение брата, который в прошлом предсказывал несчастья, – что брак ее вполне удался. Возможно, родные Фрэнка несколько вульгарны. Но сам он не вульгарен. Он... В общем, Фрэнк – это Фрэнк. В ее природе было заложено добиваться успеха в любом деле. Неудача? Она не признавала этого слова. Пожалуй, крепкая шотландская семья, из которой она происходила, наделила ее способностью управлять и изобретать. Так что Люси умела удерживать своего импульсивного мужа на нужной орбите. Для самой Люси орбиты не существовало – просто она легко приноравливалась к обстоятельствам. Она взяла на себя заботу о Фрэнке, слепила его судьбу с перспективой на здравомыслие и стабильность. И сделала это легко! Легко – потому что она его любила. Да, без сомнения, ее любовь к Фрэнку была тем стимулом, который побуждал ее двигаться вперед. Сам Фрэнк признавал этот факт, частенько с легкой иронией. Какую нелепую фразу он повторял? Ах да, она якобы заманивает его своей любовью, как осла морковкой. Сидя в углу купе, Люси улыбнулась, вспоминая эту нелепую клевету. Он говорил это не всерьез. Просто такая у него манера.

Она любит Фрэнка. Он полностью принадлежит ей; он – ее создание, порождение ее любви, выпестованное ею сознательно, так что в ней просыпался едва ли не собственнический инстинкт художника в отношении своего законченного творения. Фрэнк стал частью ее самой, и это было так явно, что у нее возникала немедленная реакция защиты, как только подвергались критике его слабости или неудачи.

Вот почему ей в каком-то смысле доставляло удовольствие упиваться своим счастьем и без смущения выставлять его напоказ: она всегда была рада предъявить Ричарду очевидное

свидетельство своего благополучия и успешности. Ричард же был не прочь продемонстрировать собственные достижения, как семейные, так и профессиональные. Его нечастые письма были полны слов о Еве, его «дорогой жене», о Вере и Чарльзе, его «милых детях», которые непрестанно отличались в общественной жизни и учебе, а также упоминаний о тех неизменно важных случаях, когда он, вопреки общему мнению, одерживал победу в шерифском суде. Поэтому Люси приходилось лишь отбивать мяч. Она полагала, что брат, возможно, несколько самоуверен. А уж как он привязан к Еве! Пожалуй, даже чересчур. О Люси он никогда так не заботился. Часто с видом непререкаемого авторитета – как же, старший и единственный брат! – он одним словом заставлял Люси замолчать. Идеалист. Что ж, она расценивала его слова как вызов. И принимала этот вызов. В чем состоит цель жизни – и в чем на самом деле ее красота? Разве не лежит в ее основе формула честности и добродетели – как выражалась Люси обыденным языком, удовлетворение от «совершения добрых дел»? Преданность в любви, очарование малышей, детский смех, наполняющий дом радостью; сладость жертвенности; принятие Бога, Божественного провидения – стоит отвергнуть эти вещи, и человек потеряется во мраке. Люси же всегда предпочитала солнечный свет и до сих пор находила его теплым и утешающим.

Поезд засвистел, и она очнулась от своих грез. Боже правый! Она уже в Рэлстоне. Проворно поднявшись, Люси сошла на перрон.

Рэлстон, ближайший пригород Глазго, населенный наиболее успешными из горожан, пожалуй, в чем-то превосходил Ардфиллан, хотя Люси и не признавала этого. В Рэлстоне было удобно жить тем, кто занимался юриспруденцией, подобно Ричарду. Его дом из красного песчаника в окружении ухоженного сада, с небольшой, но изысканно украшенной оранжереей свидетельствовал о процветании и соответствующем социальном положении хозяина. Дом, как и сам Ричард, определенно заслуживал доверия местной взыскательной публики и был определенно шотландским. Но назывался он не по-шотландски. Ева, потакая своей тяге к шику и желая, может быть, заставить Ричарда обустроить дом получше – хотя лучше было некуда! – кокетливо назвала его по-французски «Лё Нид» – «Гнездо». Трогательная риторика!

К тому же дом отличался некоторой претензией на аристократизм. Несмотря на это, дверь Люси открыла не прислуга, а ее брат.

– Люси! – с порога воскликнул он. – Ах, Люси! – В его приветствии была непривычная сердечность и даже слышалась нотка облегчения. – Я знал, что мы можем на тебя рассчитывать.

Брат сразу же повел ее в свой кабинет, где над письменным столом красовался герб Мюрреев. Когда Ричард повернулся к ней, вид у него был менее суровый, менее критический, менее высокомерный, чем обычно. В остальном брат не изменился: по-прежнему величавая фигура; все такие же блестящие темные волосы и усы; губы, ярко-красные по сравнению с бледной кожей. И эта его особая поза – левая рука заложена за спину, подбородок упрямо выставлен, брови насуплены, во взгляде сквозит равнодушие... Облик Ричарда полностью соответствовал его характеру.

– Хорошо, что ты приехала, – быстро заговорил он. – Очень благодарен тебе. Видишь, как я расстроен. По сути дела, я не мог ходить в контору. – Он огорченно замолчал, выразительно нахмурившись. – Ева... Ева болеет. Бедная моя жена! А эта нянька – та жуткая несчастная баба, которая приехала в воскресенье, – вчера сцепилась с кухаркой в пьяной потасовке. Скандальная история! Естественно, я выгнал обеих из дому. И остался с прикованной к постели Евой, с детьми на руках. И никаких помощников, кроме молодой прислуги. Это... это абсурд какой-то!

От его обычной манеры держаться – педантичной, бесстрастной, благоразумной, сдобренной язвительностью юриста – не осталось и следа. Вместо этого Люси увидела ранимого, трогательного человека, обеспокоенного отца, преданного супруга.

– Мне жаль, Ричард, – пробормотала она. – Что... что случилось с Евой?

Его лицо вспыхнуло темным румянцем и от этого стало выглядеть более мужественным. Он высоко поднял голову.

– Легкое недомогание, – произнес Ричард с таинственным видом, чуть запинаясь, что сразу изобличило интимную деликатность болезни Евы. – Скоро она с этим справится. А во вторник к нам придет ее сиделка – она всегда ухаживает за Евой и знает о ее проблемах. – Он умоляюще посмотрел на сестру.

– Конечно, я помогу вам, – тепло произнесла она. – За этим я и приехала.

– Ты меня успокоила, очень успокоила. – Помолчав, он смущенно добавил: – А сейчас я отведу тебя к Еве.

Тяжело ступая, он стал подниматься по устланной ковром лестнице, а Люси шла следом и мысленно готовилась к встрече с Евой. Дело было в том, что Люси рядом с женой брата всегда чувствовала себя не в своей тарелке и привыкла про себя применять к ней такое всеобъемлющее прилагательное, как «маленькая». Слово это имеет множество оттенков, а Ева, в общем-то, была миниатюрной женщиной – тонкая талия, изящные руки и ноги, быстрые и суетливые движения. У нее была прекрасная бледная кожа, за которой она тщательно ухаживала. Жгучая брюнетка, она мыла волосы душистым шампунем и укладывала по последней моде. Что еще примечательного было в Еве? Тонкий нос с горбинкой, серые глаза, хорошие зубы, но, к ее огорчению, слегка выщербленные по краям. Она пыталась быть элегантной; опуская ресницы, скрывала природную глупость; стильно одевалась и была приверженкой того модного света, к которому пылко стремилась. Она шепелявила; заливалась трелью, когда смеялась; семенила при ходьбе. Ричард ее обожал.

Такую Еву Люси знала. Но сейчас, увы, Ева не заливалась трелью и не семенила мелкими шажками. Очень бледная и слабая, она лежала на подушках, и, судя по всем деликатным признакам, причиной ее страданий была любовь.

– Люси приехала, дорогая моя, – пробормотал Ричард тихим голосом, приличествующим случаю.

Лишь легкое дрожание ресниц выдало тот факт, что в Еве еще теплится жизнь.

– И она останется с тобой еще два дня, – успокаивающе продолжил он.

Ева, напустив на себя еще более томно-чарующий вид, открыла наконец глаза и, широко распахнув их, обратила на Ричарда укоризненный взор. Потом, вздохнув, без слов протянула Люси исхудавшую руку.

– Ты поправишься, Ева, – сказала Люси. – Только не волнуйся.

Ева слабо улыбнулась. Какая мягкая страдальческая улыбка! Она растопила бы мрамор!

– Ну а теперь... – тактично произнес Ричард, вынув свои часы. – Наверное... Да, думаю, что могу пойти в контору. Передаю все в твои руки, Люси. Ева, бедная моя Ева! Знаю, Люси, ты позаботишься о ней. – И он повернулся, чтобы уйти.

– Поцелуй меня, Ричард, – прошелестела Ева, с неожиданным страстным порывом протягивая к нему белые руки. – Поцелуй меня, перед тем как уйдешь.

Люси отвернулась. Ева всегда раздражала ее, в глубине души Люси неизменно сомневалась в искренности невестки. Не то чтобы Ева постоянно жеманничала. Нет! Она могла быть оживленной, забавной, *шикарной* – словечко самой Евы. Она превосходно вела дом, следила, чтобы Ричард всегда был сыт и правильно питался. Но ее методы отличались от методов Люси. Подчиняя себе мужчину, Люси не пускала в ход ужимки шаловливого котенка. Нет-нет! Она добивалась своего с меньшим притворством, стараясь не скрывать своих намерений. Итак, Люси не поворачивалась к супругам до тех пор, пока их ласки не иссякли. Затем она спустилась с Ричардом вниз и проводила его до двери.

А потом без промедления занялась насущными делами. В кухне она обнаружила Чарльза и Веру под присмотром юной прислуги. Девушка всем своим видом выражала услужливость. Чарльз, неразговорчивый мальчик девяти лет, неожиданно расплылся в самой обворожитель-

ной улыбке, а пятилетняя Вера, которая с осознанной гордостью могла усесться на свои длинные льняные волосы, выразила госте одобрение хотя бы тем, что постепенно перестала плакать.

И все же этот день выдался для Люси нелегким. В доме царил беспорядок. Служанка, несмотря на свое желание помочь, была неумехой. Дети, постепенно освоившись, стали безобразничать, а Ева – Ева оказалась довольно капризной больной. Тем не менее Люси испытывала удовлетворение от сделанного. Нет, она не приписывала себе роль ангела-хранителя – если в доме и существовали крылья, они окутывали алебастровую фигурку Евы, – но была довольна тем, что ее усилия не пропали даром, и убеждена в том, что выполнила свой долг в отношении брата.

Ричард, вернувшись вечером со свертками и немного нервничая, нашел прибранный дом и умиротворенных, накормленных домочадцев. Выказав удивительную для крупного мужчины резвость, он поднялся в спальню к жене с экзотическими цветами – белыми лилиями, символом чистоты, – и гроздью питательного темного винограда и некоторое время пробыл со своей больной. Потом, не спеша спустившись, он с повеселевшим лицом вошел в столовую и уселся за вечернюю трапезу, именуемую ужином – в «Лё Нид» не потерпели бы фигуру речи вроде «раннего плотного ужина с чаем».

– Ева, похоже, довольна, – заметил Ричард тем тоном, которым он обычно разговаривал в суде. – И я... естественно, я тоже доволен!

– Она хорошо поела, – сообщила Люси, передавая ему отбивные котлеты с горошком. – Немного желе, к которому я приложила руку, а также куриный бульон – и довольно много «бисквитных пальчиков».

– Она так мало ест, – набрасываясь на отбивную, сказал Ричард. – Как птичка, не больше! Надеюсь, ты не разрешала детям ее беспокоить. – Он умолк, словно удивившись. – Этот горошек – должен сказать, он вполне сносный.

Люси улыбнулась – не зря она решила показать Ричарду, на что способна. Очевидно, и другую еду он нашел такой же недурной, ибо после ужина, вытирая салфеткой красные губы и блестящие усы, сказал:

– Право, Люси, я перед тобой в долгу. Все было очень аппетитным и почти таким же вкусным, как у Евы!

Она ничего не ответила, но подумала, что если Ева готовит лучше ее, то Ричарда кормят прекрасно.

– Знаешь, – продолжил он, разглядывая сестру с новым интересом, – если бы ты не так торопилась сбежать из семьи, для тебя все могло бы сложиться намного лучше.

Замечание прозвучало неопределенно. Но подтекст его был явным. Она мучительно покраснела. Сравнить ее Фрэнка с Евой! Вот уж действительно!

– У такого, как я, счастливого человека все и так сложится, – с возмущением произнесла она.

Ричард нахмурился, однако в данной ситуации важно было не отвечать на вызов. В прежние-то времена они часто ссорились. Он поднялся.

– Что ж, – сдержанно проронил он. – Пожалуй, пойду посижу с Евой. Она любит, когда я с ней.

Поджав губы, Люси проводила взглядом его удаляющуюся фигуру, потом принялась убирать со стола. Разгорячившись, она помогла служанке вымыть посуду, после чего сразу пошла спать.

Она вдруг осознала, как ей хочется быть дома и заниматься собственной семьей. В тот вечер это чувство проявилось вполне отчетливо и на протяжении последующих двух дней только усиливалось. Люси долго не видела Ричарда, и теперь ей казалось, что он стал еще большим эгоистом и подкаблучником. К Еве, которая быстро выздоравливала, возвращались

ее притворство, кокетство, переливчатый смех. Она в полной мере использовала преимущества своего положения для исполнения своих капризов – касалось ли это диеты, цвета ее лица, букетов в спальне. Лишь воспоминание о том, что после смерти их отца брат предложил ей пожить у него в доме – старик оставил им мало, и альтернативы не было! – помешало Люси пожалеть о порыве сестринского участия. Но все же она отплатила ему за гостеприимство своими услугами. Неужели, по словам Фрэнка, Ричард сейчас просто пользуется ее благодарностью? При мысли об этом Люси нахмурилась.

Более того, она то и дело вспоминала о своей семье и очень тревожилась: как там без нее? Все ли в порядке у Питера? Не забыла ли Нетта ее наставления? Анна! Заботятся ли об Анне? И Фрэнк – да, превыше всего Фрэнк! Хорошо ли ему? Сумел ли он справиться с перепадами своего настроения, чтобы оказать радушный прием своей кухне и госте? С неожиданной сентиментальностью Люси окончательно уверилась в том, что дом – ее дом – пристанище безмятежности и благополучия. Не странно ли, что, несмотря на спокойствие во время отъезда, теперь ею овладело нетерпеливое желание вернуться?

Вторник она встретила со вздохом облегчения. Накануне прибыла новая кухарка – предмет мрачных прогнозов со стороны Ричарда. А сегодня, хотя и с опозданием, приехала принаряженная сиделка. Днем Люси, уже в дорожном костюме, в последний раз поднялась в спальню Евы. За несколько дней пребывания в «Лё Нид» она много раз носила поднос по этой лестнице.

– Ну что ж, – с подобающей скромностью произнесла Люси, – если я хоть чем-то помогла...

Ева, сидя в кровати, мило улыбулась, но все же – по крайней мере, так уверял Ричард – имела несколько болезненный вид.

– Поцелуйте тетю Люси, дети, – прошепелявила она. – И передайте привет Питеру.

Чарльз и Вера застыли у кровати, как будто собирались фотографироваться, но при словах матери послушно вышли вперед.

– Напишу тебе к Рождеству, – важно произнес Ричард, который рано вернулся из конторы.

Он с чувством потряс ей руку – мужское выражение благодарности – и проводил до садовых ворот.

Она пошла по дороге в некотором замешательстве – Ричард вполне мог бы проводить ее до станции. Даже Ева при прощании выказала больше благодарности. Но по мере того, как поезд все дальше уносил Люси от Рэлстона, недовольство сменилось радостным ожиданием. Как хорошо было ехать домой!

Люси нашла своему билету наилучшее применение – надо сказать, Ричард даже не подумал компенсировать ей дорожные расходы – и поехала обратно через Глазго. Наконец были приобретены кружевные салфетки – у мистера Гау они были «что надо», – и в порыве щедрости, пытаясь доказать, что скупость не в характере Мюрреев, Люси купила Питеру волчок, Фрэнку табак и Анне прелестный флакончик «Флоридской воды».

Она тянула с покупками, продлевала ожидание, предвкушая приятные перспективы возвращения. Выпила чая у Пэлтока – редкое удовольствие. С детства она слыла сладкоежкой, а пирожные с кремом здесь были восхитительны, просто таяли во рту. Что касается выпечки в этой кофейне, от Фрэнка, как от профессионала в этой области, она знала, что Пэлток использует в своей продукции только чистое масло.

С зардевшимися щеками, которые всегда у нее пылали после горячего чая, она, изящно положив на колено кружевной носовой платок, сидела за мраморным столиком наверху, очарованная неожиданно открывшейся перспективой улицы, и чувствовала, как сердце переполняет ослепительное счастье.

Она поступила правильно, исполнила долг перед братом и теперь едет домой – к Фрэнку. Должно быть, смешно, что она, будучи давно замужем, так горячо желает встречи с мужем. И

пусть смешно! Зато правда. Что ж, такая она, Люси. Вдруг вспомнилась другая их встреча – два или три года назад, точная дата не имела значения, настолько живо отпечтался в ее памяти тот случай. Она провела на побережье с Питером несколько дней, а по возвращении увидела в спальне цветы и бутылку шампанского. Фрэнк ждал жену и приготовил ей этот подарок с удивительной, невероятной предусмотрительностью! Шампанское и розы. Поразительная, немыслимая нежность со стороны Фрэнка. Люси была в восторге. Глубоко задумавшись и глядя в пространство сияющими глазами, она представила себе, как возвращается домой в вечерней тишине, опускающейся на темнеющий залив, как идет по прибрежной дороге к дому, в котором неожиданным приветом загорается окно гостиной. Это ни с чем не сравнится!

Очнувшись, Люси поднялась и оплатила счет – надо было поторопиться, чтобы не опоздать на поезд до Чаринг-Кросса. Она таки успела на него и, чуть запыхавшись от спешки, радостно устроилась в углу купе.

Глава 4

Пока поезд Люси с устрашающей скоростью, востребованной новым веком, грохотал в сумерках по правому берегу реки, в гостиной ее дома по обе стороны от камина сидели Анна с Фрэнком. Чаепитие было закончено – посуда еще стояла на столе, – и теперь каждый в задумчивости смотрел на яркое пламя. Странная идея – камин в августе, однако в этих широтах вечера бывают прохладными, ночью дует пронизывающий ветер и с точки зрения метеорологических явлений нет ничего невозможного. Горела лампа, и желтоватый свет озарял уютную комнату с зашторенными окнами и две фигуры у камина. В мягком освещении лица этих двоих казались похожими, во всяком случае, их объединяло общее выражение.

Разумеется, они были кузенами – мать Мура приходилась сестрой отцу Анны, и это, без сомнения, объясняло отдаленное внешнее сходство. Но на самом деле оно было более глубокое, наследственное, родовое – проявление обыкновенной крестьянской породы, облагороженной в процветающем поколении. Искоренить эту закваску было невозможно, разве что разбавить, лишить прежней силы. Несмотря на разницу темпераментов – Мур был инертным, переменчивым, беспечным и текучим, как вода, Анна – легкомысленной, пленительной, но порой и отталкивающей, – они были одного поля ягода: не только близкие родственники, но и люди одинакового склада.

Они сидели, не разговаривая, а из кухни время от времени доносились невнятные возгласы и взрывы пронзительного смеха – Питер всю «веселился» с Неттой, тогда как, согласно царящим в мире законам, он должен был ложиться спать. Наконец Мур, утомленный этим визгом и хохотом, проворчал, чуть раскачиваясь в кресле и выпуская дым:

– Мальчишке давно пора в кровать!

Анна смотрела на пламя, но при этих словах с легкой улыбкой перевела взгляд на Фрэнка.

– Пусть немного повеселится, пока можно, – сказала она. – Он хорошо себя вел. И Нетте не грех посмеяться. Она замечательная прислуга.

– Ради всего святого! – бросив взгляд на дверь, пробормотал Мур. – Нельзя, чтобы она услышала слово «прислуга». А иначе сразу уволится. Они высокого о себе мнения, а уж какая у нее родня! Приличные люди! Люси говорит, у них связи среди духовенства.

Наступила короткая пауза. Упоминание о жене заставило Мура взглянуть на часы, стоящие на каминной доске. Они были выполнены в виде маленького храма; в импозантный фасад черного мрамора был вставлен циферблат. Фрэнк задумчиво заметил:

– Она приедет примерно через час – я имею в виду Люси.

– Знаю, кого ты имеешь в виду, – ответила Анна. С ее лица не сходила странная улыбка. – Нет нужды объяснять. За последние десять минут ты с полдюжины раз смотрел на эти часы.

Наклонив голову, он потряс кончиком сигареты, будто бы выражая протест, но при этом стряхивая пепел в камин.

– Ты, Фрэнк, такой... – непринужденно продолжила она, – да, такой... Не отрицай. Правильный, остепенившийся, старый женатик. Все три вечера ты просиживал здесь и только и делал, что клевал носом, протирал штаны и гадал, когда она вернется.

– Ну... – смущенно буркнул он.

– Это у тебя на лице написано.

– Написано? – повторил он.

– Думаю, именно поэтому ты почти не разговаривал со мной, когда я приехала. – Она нарочно поддразнивала его. – Не хотел, чтобы в твой милый чистенький домик явилась ничемная особа вроде Анны Галтон.

Слова, которыми она себя заклемила, затрагивали некую тайную струну и, похоже, вывели Фрэнка из спячки.

– Перестань, Анна! – выпрямившись, вдруг воскликнул он. – Последние несколько дней мы прекрасно ладили. Мы лучшие друзья. Ты ведь знаешь.

– Но это же правда, Фрэнк, а? Ты не хотел, чтобы я приезжала.

– Вовсе нет, – с запинкой произнес он. – Никто не жалел тебя больше, чем я, когда... когда с тобой случилась та неприятность.

– Неприятность! – повторила она, чуть насмешливо глядя на него большими темными глазами. – Это так похоже на тебя, Фрэнк! Ты не готов называть вещи своими именами. Почему нельзя прямо сказать: «Когда ты родила ребенка»?

Он отпрянул от нее – от этих ее слов, прозвучавших в его доме. Сказанные без горечи, бесстрастным тоном, они четко объясняли нежелание Фрэнка видеть кухню у себя и живо напоминали о случившейся трагедии – хотя сама Анна отказывалась считать трагедией это банальное происшествие, растревожившее семейный круг пять лет назад в Белфасте. Фактически эта история началась во время визита Фрэнка, когда положение Анны стало очевидным, и он догадывался, что именно это свалило старого Галтона. Ни тогда, ни сейчас в этом деле не было ничего утешительного. Однако сделанного не воротишь. К несчастью Анны, она осталась с незаконнорожденным младенцем на руках. Отец ребенка попросту сбежал, в чем Фрэнк не сомневался. Имя этого мужчины она упорно отказывалась называть. Как это было похоже на Анну! Никто не мог докопаться до ее сути – под ровной поверхностью в глубине мчался бурный поток. В те дни, конечно, как и в их ранние годы в Ливенфорде, Фрэнк мало думал о кухне. Но почему-то, хотя Анна не вызвала к состраданию, он испытывал к ней смутное сочувствие. Жизненные перипетии, гнев отца, всеобщую суматоху она встречала смело, бесстрастно и молчаливо, чем вызвала завистливое восхищение кузена. Сейчас он смущенно смотрел на нее.

– Как ни называй это, Анна, – примирительно пробормотал Фрэнк, – я сожалел об этом. И переживал за тебя, когда услышал, что ребенок умер. – Он помолчал. – Почему ты сразу не вышла замуж, чтобы все было как надо?

– Для брака нужны двое, – откровенно сказала Анна. – К тому же я не создана для его священных уз. Глядя на то, какой ты одомашненный, Фрэнк, я понимаю, что мне нужно что-то другое. Впрочем, в последние годы у меня бывали хорошие времена.

Он был поражен непринужденной легкостью ее тона и независимостью суждений.

– Знаешь, Фрэнк, – с тонкой улыбкой продолжила она, – мне бы хотелось немного тебя расшевелить. Ты три вечера пробыл со мной в этом доме и обращал на меня не больше внимания, чем на мешок с едой. А я гораздо интереснее овсянки! Почему ты никак не проснешься? Ты дремлешь, парень, – просто грезишь наяву.

Фрэнк недоуменно взглянул на свою кухню.

– Мне не пригрезилась моя симпатичная вила, – медленно произнес он. Почему-то ему, против обыкновения, пришлось защищаться, и он добавил: – И мне не пригрезилась моя дружная семья и хорошая работа.

– О-о, я не говорю о бизнесе, – перебила она. – Бог с ним, с бизнесом! Ты мне всегда нравился, Фрэнк, и мне не хочется видеть, как ты увязнешь в колее. Ты всегда недооценивал себя. Думаю, в прежние дни в Ливенфорде ты захотел бы водиться со мной.

– Нет, – бездумно ответил он. – Это вряд ли.

Она рассмеялась:

– Честное слово, Фрэнк, мне хочется тебя растряссти. Полагаю, это Люси сделала тебя таким. Ты принадлежишь ей целиком, право, нельзя так. Перед отъездом она попросила меня заботиться о тебе, как будто ты ценная фарфоровая вещь, которую можно разбить. О-о, я заметила это, как только приехала к вам. И даже слегка рассердилась.

– Я считаю, что у меня все в порядке, – произнес он, пытаясь парировать ее нападки.

– Правда, Фрэнк. Такой, как ты, симпатичный парень должен получать от жизни больше удовольствий. А иначе состаришься раньше времени.

Он уставился на огонь, равнодушно слушая ее слова и размышляя о собственной сложной индивидуальности. Пожалуй, он был чудачком – и знал это. Он понял ее намерение – она пыталась расшевелить его, – но ему это было неинтересно. Конечно, в прошлом он увлекался – в юности всем свойственны порывы, – но в основном его увлечения были мимолетны и достижение цели не приносило удовлетворения.

– Я правильный, как почта, – проронил он после паузы, – вот такой я человек.

– Лучше бы ты не был таким, – по-доброму подшучивая над ним, усмехнулась Анна. – Найди теплую мужскую компанию. Друзья – это хорошо! Или купи себе один из этих новых велосипедов и едь на нем. Или заведи собаку – хорошую охотничью собаку!

Он открыто взглянул на нее: она над ним смеется? Но ее лицо выражало добродушие. Он решительно покачал головой, отбросил сигарету.

– Это не в моем духе, Анна. Я не люблю, чтобы меня беспокоили.

Она залилась смехом, который звучал так удивительно, и Фрэнк, быстро взглянув на нее, понимающе улыбнулся в ответ.

– Что ж, раз уж ты не собираешься ездить на велосипеде, то хотя бы постарайся развлечь свою кузину, пока она здесь! – воскликнула Анна. – Или ты позволишь ей хандрить и чувствовать себя несчастной? Знаешь, даже в Ливенфорде Джо не давал мне скучать и, несмотря на все свои дела, уделял мне много времени. Но ты, Фрэнк, – ты развлекаешь даму, сидя рядом с ней и мечтая о своей жене.

Он чуть покраснел, ощущая легкое беспокойство. Так или иначе подобные мысли не приходили ему в голову, и он не без сожаления признался:

– Наверное, в последнее время я веду себя как тупица. – Поколебавшись, Фрэнк с запоздалым энтузиазмом добавил: – Но я постараюсь развеселить тебя.

– Вот это другое дело, – откликнулась Анна, словно они заключили между собой договор. – Полагаюсь на тебя.

– Ладно, – снисходительно кивнул он и, скрестив ноги, зажег очередную сигарету и укрылся за дымовой завесой.

Прошло несколько мгновений, заполненных лишь слабым тиканьем часов.

Пламя камина бросало отсветы на густые черные волосы и округлые щеки Анны. Ее веки были полуопущены, однако она с весьма таинственным видом незаметно наблюдала за кузеном. На самом деле ничего таинственного в ней не было. Анна отличалась известной тонкостью обхождения, но мысли ее были самыми обыкновенными, разве что скептицизм и природная ирония придавали им некоторую остроту. К тому же Анна редко высказывалась, она чаще молчала – не злобно и не угрюмо, а в целях самозащиты. Это отчасти объяснялось тем, что ей довелось пережить. В минуту слабости ее подвела врожденная ирландская влюбчивость, и она потеряла девственность в сыром поле, когда возвращалась с танцев, которыми закончилось собрание братства. Похоже, она так и не забыла иронический подтекст этого танца. Любownik бросил ее, посчитав Америку более привлекательной, а мужскую ответственность скучной. Анна не жаловалась, лишь самой себе признаваясь в глубине своего страдания, и решила в будущем не лишать себя удовольствий жизни, а относиться к ней без излишней сентиментальности.

Опыт делал ее старше своего возраста, и Анна, со своей крестьянской грубоватостью, которая проглядывала из-под внешней утонченности, была темпераментной, красивой и очень притягательной в мужских глазах.

И теперь, когда она сидела напротив Мура, ей в голову пришла идея – не порочная, а, скорее, провокационная, с целью посмеяться, – ненадолго вытащить его из этого семейного болота, в котором он увяз. Анне всегда нравился Фрэнк – ей нравились многие мужчины;

с другой стороны, Люси, чей идеализм и собственнический инстинкт раздражали ее, вызывала антипатию. Было бы забавно, очень забавно ловко притормозить это плавнодвигающееся колесо.

Неожиданно Анна сделала несвойственный ей выразительный жест.

– Отлично! – чуть насмешливо произнесла она. – Теперь мы будем прекрасно проводить время.

– Э-э, что? – Он поднял глаза, удивленный ее словами, ее внезапной веселостью.

– Тебе надоело подбадривать меня, – заявила она. – За все эти труды ты заслужил стакан пива. – Поднявшись, она подошла к буфету. – Сейчас налью тебе. И пожалуй, сама тоже выпью. За чаем копченая рыба была слишком соленой, и, как сказал бы Джо, когда ублажаешь себя, испытываешь жажду.

– Я не так уж люблю пиво, – пробормотал Фрэнк, глядя, как она достает бутылку из маленького буфета. – В это время я обычно не пью.

На самом деле он хотел сказать, что Люси не любит, когда он пьет в это время.

В ответ Анна, наклонившись, посмотрела на него через плечо, потом вынула пробку, наполнила два стакана и подала ему один.

– Вот, Фрэнк! Тебе это не повредит. Выпьем за наше взаимопонимание.

Чуть смущаясь, он отпил глоток и поставил стакан на каминную доску. В этот момент открылась дверь и в комнату вбежал Питер.

– Ты слышал, папа? – запыхавшись, спросил он. – У нас с Неттой была битва. И я победил. – Мальчик, конечно, сочинял – в момент «триумфа» он с позором был изгнан половником из кухни, но для его цели было важно выглядеть победителем. Стоя на одной ноге, Питер спросил с притворной наивностью: – Можно мне пока не ложиться спать, папа?

– Уже скоро восемь, сынок, – сказал Мур и умолк.

Ему не удавалась роль строгого родителя, и одна мысль об этом нервировала его.

– Разреши мне дождаться, пока не придет мама, – упрашивал Питер. – Она наверняка мне что-нибудь привезет. Правда.

– Позволь ему остаться, Фрэнк, – вмешалась Анна. – Это ему не навредит.

– Отлично! – прокричал Питер, считая вопрос улаженным, и, взяв книгу Ханса Андерсена, швырнул ее на коврик перед камином и весело повалился рядом. Он шумел больше обычного, и с отъезда Люси его колени и уши перестали быть безукоризненными. – Пожалуй, на этот раз почитаю «Огниво», – громко объявил он, отыскал нужную страницу, широко расставил локти и, упершись подбородком в ладони, погрузился в чтение.

В комнате вновь воцарилась тишина, но вдруг ее нарушили отчетливые звуки – легкие проворные шаги по дорожке у дома. В замке повернулся ключ, шаги ускорились, в коридоре почти перешли на бег, потом распахнулась дверь столовой и ворвалась Люси.

На пороге она помедлила – в руках свертки, блестящие глаза, сияющее лицо, почти детское возбуждение во всей тонкой девичьей фигуре. Эта свежесть, этот энтузиазм и пыл были вызваны радостью возвращения домой.

– Я приехала! – воскликнула она. – Я приехала, привет всем!

Мур резко обернулся.

– Люси! Что ж, прекрасно, – спокойно произнес он.

Хотя он ожидал ее появления, но выдал перед Анной свое волнение, когда, выпрямившись, робко поставил стакан, который был у него в руке.

Люси продолжала стоять в дверях, наблюдая эту сцену. Такая картина домашнего уюта должна была наверняка обрадовать ее! Фрэнк и Анна, сидящие в больших креслах по обе стороны от камина, и между ними на коврике Питер. Но она чувствовала себя подавленной. Ее улыбка растаяла. Почему они в ответ не выказали радость? И этот стакан?.. Она не ханжа, но... пиво сразу после ужина? Она заметила, что рядом с Анной на каминной доске стоит еще один

стакан. Анна! Пьет пиво с ее мужем! Взгляд Люси, блуждая по комнате, моментально отметил еще дюжину мелочей, на которые не обратил бы внимания другой человек: полусохший цветок в вазе, пятно на скатерти, измазанные колени Питера, грязь на абажуре лампы, который должен быть безупречным. Бурную радость Люси, помимо воли, сменила смутная тревога.

– Непохоже, чтобы ты сильно обрадовался, – с трудом сохраняя улыбку, произнесла Люси. – Я думала, ты встретишь меня на станции.

– Как-то не подумал об этом, – с запинкой ответил Мур, чувствуя, как он неловок.

– Что ты привезла мне, мама? – живо вскакивая на ноги, вскричал Питер. – Дай посмотреть. Скорее! Ой, скорее!

Не двигаясь и глядя на сына с некоторым недовольством, она позволила ему завладеть свертками. Неужели он думает только о вещах, которые она может подарить ему?

– Так и надо, – пожурела его Люси. – Давай рви бумагу. Устрой здесь разгром. – Сделав над собой усилие, она стала снимать шляпу и перчатки. Нельзя быть смешной. Ерунда – стакан эля вечером. И разве мог Фрэнк обнять ее при Анне? С напускной легкостью Люси воскликнула: – Во всяком случае я рада, что вы снова подружились!

– Мы всегда были друзьями, – спокойно откликнулась Анна.

И, нисколько не смущаясь под пристальным взглядом Люси, она прихлебнула пиво из стакана, потом скрестила ноги перед пылающим камином.

– Понятно, – процедила Люси.

Ее радость омрачилась без причины, и казалось, что приезд получился каким-то бестолковым.

– Приятно видеть тебя дома, – смущенно сказал Фрэнк, потирая подбородок. – Мы скучали по тебе.

– Да, у вас действительно довольный вид, – ответила Люси со смешком – какая пародия на смех! – Пойдем, Питер! Тебе давно пора быть в постели.

Это было ужасно нелепо, но глаза ее затуманились слезами, и она вспомнила о прошлой встрече после разлуки, о былом восторге... Глубоко в груди закипела мучительная обида. Люси резко повернулась и вышла из комнаты.

Глава 5

Но на следующее утро того дня, когда была намечена поездка к Эдварду, Люси вполне воспрянула духом. Ей нравились такого рода путешествия – обязательных визитов нет, однако есть возможность со вкусом одеться, показать, какой у нее чудесный сын, как он развит и как примерно себя ведет. К тому же Люси, с ее природной общительностью, хваталась за шанс навестить родственников мужа, поскольку сам Фрэнк легкомысленно относился к укреплению семейных связей, вернее, открыто пренебрегал ими.

Утро было погожим: над морем сверкало солнце, в воздухе еще чувствовалась летняя мягкость – все предвещало приятное короткое плавание по заливу.

Надев на Питера килт, сшитый в честь ее рода из шотландки цветов клана Мюррей, она объясняла ему огромную важность вежливого поведения.

– Не забывай всякий раз говорить «спасибо» и «пожалуйста», – внушала она, туго стягивая ремнем кожаную сумку сына. – Боюсь, Анна баловала тебя. И никаких глупых замечаний, а иначе я сильно рассержусь.

Во время предыдущего визита два года назад сын совершенно опозорил ее, наивно поинтересовавшись, отчего это у мисс О’Риган нос такого странного цвета.

Питер обещал хорошо себя вести и выказывать самые тонкие и благородные манеры. В волнении от предстоящей поездки он непрестанно подскакивал, и Люси никак не удавалось застегнуть прямоугольные металлические пуговицы на его темно-зеленом пиджаке.

– Интересно, как там поживает желтая кошка Эйлин? А на тот берег нас переправит Дейв или Ангус? – сыпал Питер вопросами, переминаясь с ноги на ногу. – Надеюсь, будет штормить. Я люблю качку.

– Да что ты говоришь? – с легким кивком пробормотала Люси. От одного только вида бурного моря ее начинало мутить. – А как же твоя бедная мама? Стой спокойно, сынок.

– Возьми с собой лимон – пососешь, – с невинным видом предложил он.

Она искоса посмотрела на него, подумав о том, что он сын своего отца. Во время последнего морского путешествия ее уговорили воспользоваться этой фруктовой профилактикой, и Фрэнк на протяжении многих недель не давал ей забыть пагубных последствий этого.

– Ну вот, – удовлетворенно сказала Люси, наконец отстраняя сына и внимательно осматривая напоследок его ногти и уши.

Затем она занялась собственным туалетом. Поскольку эта поездка не ставила целью облегчение чьих-то страданий, Люси, конечно, наденет лучшую одежду – темно-малиновый костюм из шерсти с рисунком из белых крапинок, напоминающих снежинки. Зибелин – роскошное, звучное название для ткани. А какой богатый крой – расклешенная юбка, короткий жакет с баской из темно-красного бархата! Со шляпы – тока из черной синели – кокетливо свисали черные петушиные перья. Черные лайковые перчатки были отделаны белой строчкой, изящная кожаная сумочка на цепочке соответствовала последнему слову моды.

И последний штрих – без сомнения, стильный: Люси сбрызнула свой носовой платок несколькими каплями одеколона. Вдохнув, она посмотрела на себя в зеркало – элегантная, сияющая сдержанной радостью. Потом легко постучала в дверь напротив и вошла в комнату Анны.

– Ты почти готова? – спросила она.

– А знаешь, – протянула Анна, сидевшая на краю кровати, – мне не очень хочется ехать. Я не питаю к Эдварду особой симпатии – он такой высокопарный малый. Поезжайте вы с Питером. Я останусь и накормлю Фрэнка ужином.

Помимо своей воли, Люси поскучнела.

– Фрэнк вполне может накормить Нетта, – медленно произнесла она и, помолчав, добавила: – Тебя приглашали особо.

– Мне-то какая забота, – уронила Анна с тем же равнодушием.

– Но почему? День такой чудесный, – настаивала Люси. Очевидно, ей было не понять подобного отношения. – И пикник будет замечательный.

– Ты любишь делать все по-своему – правда, Люси? – мило улыбаясь, спросила Анна.

– Ну... – Люси покраснела. – Конечно...

– Хорошо, – вдруг сказала Анна, – я поеду.

На миг воцарилось молчание, потом Люси повернулась и в задумчивости пошла вниз.

– Ну что – прилично я выгляжу? – рассеянно спросила она, медленно кружась в центре кухни.

Отношения у Люси с прислугой были доверительными.

– Если уж вы неприлично, то не знаю, кто прилично, – откликнулась Нетта, уперев руку в бок и оценивающе разглядывая Люси.

Из уст Нетты этот сомнительный комплимент прозвучал как высшая похвала.

– Ты чудесно выглядишь, мама, – искренне восхитился Питер.

Последовала пауза, они ждали Анну.

– Пока меня не было, все шло хорошо? – спросила Люси, лениво поправляя свои наручные часы.

Она не совсем понимала, зачем задала этот вопрос – к тому же Нетте, надежной Нетте, «настоящему сокровищу», – и слова, слетевшие с ее губ, показались ей ненужными.

– Хорошо – да, хорошо, – уверенно ответила служанка.

В этот момент распахнулась дверь, и в комнату медленно вошла Анна, даже не извинившись за опоздание. На ней было скромное темное платье, и Люси, с ее быстрой реакцией, моментально решила, что ее зибелин чересчур яркий.

– Жаль, здесь нет Фрэнка, – сказала Анна, – тогда мы поехали бы все вместе.

– Увы, – довольно сухо произнесла Люси, направляясь в коридор, – ты же знаешь, он занят делами.

Действительно, Фрэнк заранее написал Эдварду ироничную записку с выражением сожаления, которую Люси обещала не передавать.

Они шли по дороге к каменному молу, выдававшемуся в море прямо из двора Боуи. Женщины шагали рядом, Питер чуть отставал, держась за руку матери.

– Этот путь короче – и приятнее! – воскликнула Люси со всей ответственностью чичероне.

Они подходили к спуску, под ногами шуршали чистые сосновые опилки.

Право, Мурам было гораздо проще оплачивать небольшой паровой катер, принадлежащий братьям Боуи, чем идти целую милю к пристани, откуда довольно редко отчаливал пароход. Кроме того, молодые братья-близнецы Боуи, Дейв и Ангус, были приятными и услужливыми людьми. Они продолжали дело своего старого отца: сооружали ялики, сдавали напрокат гребные лодки и гоняли по заливу «Орла» – то как паром, то как судовую шлюпку.

Да, Дейв или Ангус – столь похожие, что их было не различить, – в кратчайший срок и без лишних формальностей переправляли через залив человека, овцу или бочку картофеля.

Сегодня «Орлом», этим славным судном, управлял Дейв. Этот крепкий парень всегда сиял улыбкой из-под кепки и с беззаботной лихостью носил свой промасленный саржевый комбинезон. Завидев пассажиров, Дейв вдруг покраснел по какой-то неясной причине, явно имеющей отношение к семейству Мур.

– Как поживает твой папа, Дейв? – дружелюбно спросила Люси.

– Хорошо, хорошо, – заулыбавшись, ответил тот. – С ним все было бы отлично, будь у него ноги, по его словам. – Такой содержательной идиомой Старый Мореход описывал свою немощ. Помолчав, Дейв произнес: – Что ж, если вы готовы...

И он галантно помог им перебраться через низкий металлический фальшборт на корму, где для них была положена продолговатая плюшевая подушка. Через миг «Орел» отчалил под шум гребного винта, дугой удаляясь от причала и оставляя за собой бурлящий пенный след, от которого медленно расходились и накатывали на берег волны. За судном летели чайки.

Над гладким, спокойным морем повисла легкая дымка, сквозь нее просвечивали рассеянные, но все же яркие лучи солнца. Острый нос судна рассекал воздух, прозрачная вода искрилась и сверкала. Для Люси, убаюканной этим всемирным покоем, отплытие в жемчужном сиянии показалось прекрасным. Она не отрывала взгляда от медленно отступающего берега, открывающегося простора бухты, медленно вырастающих голубых холмов за кормой. В этом было что-то таинственное – то, как уменьшались деревья и дома, стог сена сжимался в желтую точку, а бегущий поезд превращался в тоненькую нить, выющую под спиралью белого дыма.

– Это чудесно, – медленно проговорила она, обращаясь к Анне с дружелюбной улыбкой.

Анна сидела неподвижно, положив руки на колени и глядя вдаль. В знак согласия она наклонила голову. Оставшиеся без ответа слова казались глупыми, и Люси почему-то вспыхнула – словно отвергли ее изъявление дружбы. Обычно ее замечания не воспринимались подобным образом. Нахмурившись, она воззрилась на профиль Анны, немного рассерженная ее равнодушием, потом быстро отвернулась и заговорила с Питером.

При подходе к Порт-Дорану мальчик вдруг встал и оживленно указал на что-то.

– Посмотрите! – закричал он. – Там «Ратлин»!

– Верно, Питер, – неожиданно вмешалась Анна. – Я приплыла на нем.

– Ничего себе, еще скрипит, – усмехнулся Дейв. – Настоящее старое корыто.

Вместе они смотрели, как ирландское почтовое судно вышло из гавани и устремилось вдоль фарватера, витками выпуская коричневый дым. Вскоре «Орел» причалил, и они сошли на берег.

На склонах холма, плавно поднимающегося от самой кромки воды, раскинулся деловой городок Порт-Доран, процветающий благодаря сладостям и крепкому алкоголю, – здесь были заводы по переработке тростникового сахара и спиртзавод.

На полпути к вершине холма виднелся серый дом с двойным фронтоном – пресбитерий Святого Иосифа. На том же участке земли, осмотрительно огороженном декоративной металлической решеткой, стояли школа и церковь.

Трое прибывших вошли за решетку и поднялись по каменным ступеням дома. Люси позвонила в колокольчик. Они ждали некоторое время, потом дверь открыла юная служанка с длинными темными ресницами. Робко улыбаясь, она проводила гостей в небольшую комнату. Обстановка не отличалась роскошью: стол и два стула, портрет папы Льва XIII на стене, потертый линолеум.

– Почему Эйлин не поговорила со мной? – прошептал Питер, глядя на Анну, которая с непроницаемым видом изучала фигуру папы римского на троне.

– Тише, – сказала Люси. В воздухе этой комнаты не ощущалось ни малейшего движения, и не хотелось нарушать этот покой, поэтому она присела на стул и выпрямилась. – Эйлин знает свое место. Увидишь ее позже.

Не успела она договорить, как с поникшей головой вошла женщина постарше. Это была мисс О'Риган, экономка, – высокая, худая, бледная, прыщавая женщина с рыжеватыми волосами, водянистыми голубыми глазами и впалой грудью. Она неизменно одевалась в черное, драпируя свою истощенную фигуру от подбородка до самой земли и не открывая даже ботинок. Руки сложены, голос приглушен, глаза опущены долу или возведены горé, и никак иначе. С пояса у нее свисали четки и связка ключей – символы ее набожности и служения церкви.

В отношении телесных нужд она придерживалась щепетильности, но ее природная непорочность, видимо, запрещала ей совершать интимные омовения в ванне, поэтому вокруг нее витал кисловатый душок, возможно говорящий о святости, но и о потливости тоже. Возраст ее, казалось, не менялся, она всегда выглядела лет на сорок, и ее физическое существование было обречено на постоянные страдания. Когда она говорила о своем слабом здоровье, молчаливо подразумевалось, что она с мученичеством святой бесконечно терпит напасти от климакса девственницы.

Хотя бытовало общее мнение, что мисс О'Риган помирает на ходу, она все же не спешила покидать сей мир. Ее удерживало на земле служение высшим силам и его преподобию Эдварду Муру. Впрочем, в отсутствие божества она могла бы жить. Но Эдвард – ах, без Эдварда она наверняка погибла бы.

– Вы сама... и Питер тоже... Разве он не становится похожим на Муров? – пробормотала она. В ее речи слышался неистребимый говор Корка. – Эта линия рта – в точности как у отца. – Она повернулась к Анне. – Приехали снова, мисс Анна... Вы пополнели – да, пополнели.

Люси показалось, что в тоне экономки мелькнула нотка осуждения.

– Чего не скажешь про вас, – тихо произнесла Анна.

Бледное лицо мисс О'Риган исказилось от негодования. Поджав губы, она опять обратилась к Люси:

– Да, в самом деле, его преподобие ожидает вас. Я провожу вас наверх.

Гости последовали за ней по коридору и поднялись по лестнице. Около двери мисс О'Риган, помедлив, наклонила голову и благоговейно постучала в дверь ногтем.

– Войдите, – прозвучал сочный голос.

Экономка послушно провела их в большую светлую комнату, уставленную уютной мебелью с обивкой из красного плюша. Также там стояли желтое бюро и прямоугольный стол. Из просторного эркера открывался широкий вид на залив.

Мисс О'Риган, сделав смиренный реверанс перед фигурой, восседавшей в мягком кресле перед открытым окном, с ревнивой покорностью пробубнила:

– Разрешите, ваше преподобие.

Обернувшись, отец Мур немедленно поднялся. Это был высокий мужчина с покатыми плечами, старше тридцати, с волосами такими же черными, как его сутана. Голова его по форме напоминала яйцо; лицо, с толстым прямым носом, выступающей подвижной верхней губой и выпуклыми светло-голубыми глазами, казалось желтоватым, и даже белки были испещрены желтыми крапинками. Невозможно было узнать Неда Мура, неотесанного юнца сомнительного происхождения, когда-то с трепетом поступившего в семинарию, в этом священнослужителе, который позднее учился в Вальядолиде и посещал Рим, ни больше ни меньше. Как будто в качестве награды за безупречную добродетель церковь наделила своего верного сына изысканными манерами.

Он поднял большую белую руку.

– Ах, Анна! – воскликнул он. – Рад видеть тебя снова. Какая приятная встреча после долгих лет! Я часто о тебе вспоминал, думал о том, как ты поживаешь.

– Это очень мило с твоей стороны, Эдвард, – пожимая ему руку, сказала она.

– Мы были обеспокоены известием о смерти твоего бедного отца. Надеюсь, ты уже оправилась от этой тяжелой утраты, – продолжил он, а затем повернулся к Люси. – Как замечательно ты выглядишь! А Питер подрос – само собой! Дай посмотреть – да, по меньшей мере на два дюйма.

Он ласково потрепал мальчика по голове и улыбнулся гостям. Мисс О'Риган, стоя поодаль, ангельским жестом сложила руки на груди и горящим взглядом наблюдала за церемонией.

Когда с приветствиями было покончено, отец Мур повернулся к экономке и справился о ланче.

– Да, ваше преподобие, – ответила мисс О’Риган. – У меня для вас приготовлен прекрасный ланч. Чудная камбала, пальчики оближешь. Потом – две птицы со сладким мясом и грибами. А на десерт – бисквит со взбитыми сливками, достойный самого епископа.

Он внимательно слушал с полуопущенными веками. Потом чуть сомкнул губы и разжал их с еле слышным возгласом одобрения:

– А-а! Что ж, если все готово, полагаю, мы тоже готовы, – добавил он.

– Да, ваше преподобие, – выдохнула мисс О’Риган, в восхищении от его фразы. – Сейчас подам.

Смиренно улыбнувшись, она благочестивой тенью выскользнула из комнаты.

– Хорошая женщина, – сказал отец Мур, когда она вышла. – Святая, иначе не назовешь, да вот здоровье у нее слабое.

– У нее действительно болезненный вид, – согласилась Люси, – но она наверняка прекрасно готовит.

Люси была потрясена превосходным меню мисс О’Риган. Эдвард кивнул, потом задумчиво заметил:

– У нее слабый позвоночник. Она дважды бывала в Лурде. – Он с важным видом умолк. – Чуда не произошло, но думаю, была какая-то польза.

– Тебе следует снова послать ее туда, Эдвард, – сказала Анна, глядя в окно. – В третий раз может повезти.

– Полагаю, вряд ли дело в везенье, – вздохнул Эдвард. – Если происходит исцеление, то это чудо.

– Именно это я и имела в виду, – произнесла Анна, и ее тон был очень естественным.

Эдвард нахмурил брови, но тут прозвучал гонг, в который ударила, без сомнения, Эйлин, ибо сил мисс О’Риган не хватило бы на то, чтобы извлечь столь оглушительный звук.

– Что ж, – моментально передумав отвечать Анне, сказал отец Мур, – пойдемте вниз.

Он галантно взял Люси под руку и повел гостей в столовую, где сиял безукоризненной скатертью камчатного полотна стол, накрытый на четверых. Эдвард испросил благословения перед трапезой. Все расселись по местам, и немедленно было подано угощение.

– Немного хереса? – предложил Эдвард, вынимая пробку из графина.

Анна беспечно пододвинула свой бокал и дождалась, когда он наполнится до краев.

– До половины, Эдвард, – запротестовала Люси.

Она всегда робела перед ним, чувствуя себя очень юной. К тому же она подумала, что мисс О’Риган не одобрит невоздержанности с ее стороны. Но Эдвард вежливо настаивал.

Люси осторожно отпила из бокала, и херес, переливаясь насыщенным янтарным цветом, приятно обжег ей язык. Камбала тоже была восхитительна и буквально таяла во рту. Ее подали с пикантным розовым соусом.

– Анчоусы, – с полным ртом пояснил отец Мур. – И не из бочки.

– Вкусно, – сказала Люси.

Она с удовлетворением отметила, что Питер ведет себя хорошо. Его угостили умеренно газированным желтым лимонадом. Накрахмаленная белая салфетка топорщилась вокруг его шеи, как стихарь.

«Правда, – подумала она, – Эдвард – сама доброта».

Он действительно был идеальным хозяином. Радужный, словоохотливый, сам любящий поесть и всегда готовый услужить гостям, он сдержанно, как подобает священнослужителю, жестикулировал, разводил холеными руками, смакуя вино и наслаждаясь едой, но не забывая мягко критиковать стряпню. Его обходительность подкреплялась утонченно-красноречивыми движениями тяжелых крупных век.

Несмотря на все это, Люси заметила, что его взгляд время от времени с затаенным любопытством останавливается на Анне.

– Я обдумывал, Анна, – через некоторое время сказал отец Мур с ненавязчивым намеком, – то маленькое замечание, которое ты сделала. Надеюсь, в нем не было насмешки. Наверное, в молодости мы все немного своенравны. Но я уверен, ты не хотела показаться непочтительной.

Его тон был безукоризненным, благожелательным, слегка лукавым.

– Ты имеешь в виду, – бесхитростно спросила она, – тот разговор о позвоночнике мисс О’Риган, Эдвард?

– Нет, Анна. Я говорю в целом о чудотворстве. Я знаю, что в наши дни, когда делаются попытки объяснить происхождение Вселенной научными теориями, иногда бывает трудно поверить в первостепенные основы нашей религии. Что ж, у нас есть надежное подспорье в Лурде. Эти святые источники, – он поднял руку, – они чистые и целительные.

– Я знаю, что однажды туда ездила Полли – из-за ее газов. Она говорила, там ужасно холодно и грязно. Неудивительно, если туда погружаются все эти иностранцы.

– Чудо, Анна, – довольно чопорно возразил Эдвард, – подразумевает нечто большее, чем просто исцеление от метеоризма.

– Но если бы Полли излечилась от газов, это наверняка было бы чудом. Ведь никто никогда не рассказывал о происходящих там феноменальных случаях выздоровления. Скажем, если бы одноногий вошел в грот и вдруг вышел из него на двух ногах, меня бы это несомненно потрясло.

Безусловно, в ее тоне слышалось извинение, без малейшего намека на насмешку, однако Эдвард покраснел, сразу замкнувшись в себе. К счастью, наступила своевременная пауза, когда принесли птиц, которые оказались тетеревами, поданными на гренках.

– В начале сентября тетерева хороши как никогда! – сказал отец Мур, радуясь возможности сменить тему.

К этому блюду предложили вино «Поммар», подогретое до комнатной температуры. Люси проявила твердость – у нее горели щеки – и согласилась лишь на половину бокала, но Анна не стала отказываться. Деликатно потягивая вино, Эдвард на время оставил теологию и стал рассказывать об искусстве сервировки вин, о том, как вредно внезапное изменение температуры благородного напитка. В Вальядолиде – Эдварду приятно было вспоминать проведенные в Испании дни – он кое-что узнал о марочных винах и способах их приготовления. Он говорил о винограде, вспоминая, как отдыхал в винограднике колледжа, сидя под какой-нибудь лозой, с которой свисали сладкие гроздья. Стоило протянуть руку, и можно было сорвать кисть винограда и отведать сочную мякоть. Сладкий мелкий сорт, напоминающий белую смородину. Изумительно!

Люси внимательно слушала, но в глубине души ее волновала странная настороженность Эдварда по отношению к ее кузине. Что за этим скрывается? Подобные мысли портили удовольствие от теплой встречи.

Когда гости воздали должное бисквитному торту, обильно украшенному вишнями и взбитыми сливками, в комнату поднялась мисс О’Риган, чтобы выслушать суждение о своих трудах. Она с обычным смиренным видом встала у двери, а Эдвард, очень довольный собой, откинулся на спинку стула, вертя в руках бокал и чуть заметно улыбаясь. На его благожелательное лицо падал мягкий свет из окна.

– Превосходно, – сказал он, – в самом деле превосходно.

Бесцветная улыбка мелькнула на лице экономки, и она заявила:

– Единственное, что меня смущало, – это дичь. Полагаю, надо было ее еще немного выдержать. Люблю, когда тетерев хорошо подвялен. – Она чуть покраснела, опустила глаза и выдохнула: – Да, ваше преподобие, надо будет снова поговорить с торговцем дичью.

В ее тоне не было робости, лишь величайшее смирение, словно, сокрушаясь по поводу своей немощности, она страстно желала обрести силу, которая позволила бы ей устремиться на торфяники и подстрелить для отца Мура пару тетеревов. «Все для Эдварда» – таков был девиз ее жизни, ибо она любила Эдварда. Но любила не физической, а возвышенной любовью и в духовном смысле была его возлюбленной.

– Поверьте, это все равно было превосходно, – приветливо заметил Эдвард.

– О да, действительно, – с теплотой добавила Люси.

– Восхитительно, – мягко поддакнула Анна, а Эдвард кивком головы отпустил экономку.

Выразив признательность мисс О’Риган, Эдвард возблагодарил Бога за прекрасную трапезу, и все поднялись наверх в гостиную, чтобы выпить кофе. Там, с удобством устроившись и отпустив Питера, который интересовался желтой кошкой, они должны были бы почувствовать себя непринужденно. Но поначалу разговор не ладился.

– А скажите, – через какое-то время начал Эдвард, – как там поживает старина Фрэнк? Он сейчас... регулярно выполняет свои религиозные обязанности? – Помолчав, он ласково взглянул на Люси. – Вот в этом должно проявляться твое влияние, моя дорогая.

– Фрэнк не слишком... набожный, – медленно ответила она, изучая крупинку серого пепла, упавшего на пуговицу сутаны. Люси прекрасно сознавала собственные изъяны. Несмотря на сентиментальную тягу к религии, она чувствовала, что ее вера недостаточно сильна, чтобы искупить ее многочисленные недостатки. – Но я знаю, что в душе он верующий, – добавила Люси.

– Конечно, конечно, – согласился отец Мур, быстро бросив на Анну выразительный взгляд. – Он может делать вид, что насмехается, подобно прочим, но у него есть вера. Пожалуй, он немного апатичен, равнодушен и холоден, но по сути своей благоразумен. А ты, Люси, – пробормотал Эдвард, соединяя вместе розоватые кончики пальцев, – ты слишком любишь Фрэнка, чтобы позволить ему быть беспечным.

Она улыбнулась прозорливости Эдварда. Превосходный обед и приятное сочетание хереса с бургундским расположили ее к сентиментальности.

– Мы с Фрэнком очень хорошо ладим, – сказала она, не переставая улыбаться.

– И ты им руководишь, – приветливо добавила Анна. – В этом нет сомнения.

– Со своей стороны, считаю, – быстро сказал Эдвард, – что Фрэнк нуждается в ненавязчивом руководстве. – И теперь он с чистой совестью обратился к светским делам. – Как у него бизнес, – спросил он, – нормально идет?

– Великолепно, – заявила Люси. – Есть хорошая возможность – большего пока не скажу, – но надеюсь, что Фрэнка ожидает достойное будущее.

Эдвард закивал, обрадованный тем, что у брата есть перспективы.

– Понимаешь, – продолжила она, с радостью и оптимизмом думая о будущем и побуждаемая интересом Эдварда, – мы хотим преуспеть в жизни. Продвинуться вперед. Надо подумать о будущем. Еще есть проблема с образованием Питера. Мальчик растет, и я не совсем довольна маленькой школой, в которую он ходит.

На ее лице была написана решимость. Она бросит все силы на то, чтобы достичь успеха. Ее надежды не напрасны, сомнения нет. Она позаботится о том, чтобы они, Муры, заняли подобающее место в обществе, чтобы из Питера вышел толк.

В ответ на вопрос Эдварда она призналась, что не заметила в сыне склонности к священству. Ей хотелось бы сделать из него врача.

– Врачи тоже приносят пользу, – благожелательно откликнулся Эдвард. – Они врачеватели тела, а мы врачеватели души.

В этот момент Анна, которая молчаливо следила за разговором, беспокойно заерзала. В ответ на вопрошающий взгляд Эдварда она улыбнулась.

– Чувствую сонливость, – сказала она, – вот и все.

Он в последний раз затянулся турецкой сигаретой, изящно раздувая ноздри, потом предложил:

– Не прогуляться ли нам по саду? Это тебя освежит.

– Идите вдвоем, – пробормотала Анна, откидываясь назад и закрывая глаза. – Хочу спать. Останусь здесь и подремлю.

– Ладно! – воскликнул Эдвард и опять нахмурился.

Поднявшись с горделивым видом, он помог Люси встать, взял с каминной доски свою шляпу, а с вешалки за дверью снял короткий темный плащ. Это был старый плащ, привезенный из Испании, и Эдвард накинул его на плечи величественным жестом кардинала. Люси показалось, что в этом плаще Мур окутан ореолом романтики, и это ему чрезвычайно шло. Теперь она начала смутно понимать, отчего мисс О'Риган так обожает Эдварда.

Они вышли из дома через французское окно столовой и принялись медленно прогуливаться по круговой дорожке сада.

Все еще чувствуя себя уязвленным, отец Мур с минуту молчал, потом вдруг воскликнул:

– Что ты думаешь о ней – об Анне?

– Не могу пока понять, – улыбнулась Люси. – Пожалуй, она мне нравится, но она такая... такая загадочная, да?

– Загадочная! – выпалил он.

Он открыл рот, словно собираясь заговорить, но затем стиснул губы. Она ждала его реплики, но реплика не прозвучала. Повисло молчание. Эдвард, пытаясь справиться с волнением, обошел ровно двадцать раз вокруг простертых рук раскрашенной садовой статуи и остановился.

– Это мой моцион, – пояснил он Люси. – Двадцать кругов помогают растрясти печень.

Он, как всегда, предложил показать ей церковь, построенную Пьюджином, и, когда они вошли туда, тихим голосом стал рассказывать о линиях готических арок, конструкции запрестольной перегородки и резных деревянных ангелах кафедр. Пьюджин создал эту церковь до того, как Господь создал Эдварда, но трудно было избавиться от мысли, что сам Эдвард спроектировал церковь, построил ее собственными руками и теперь владел ей как собственной.

– Да, церковь удивительно красива! – воскликнул он, наконец задержав взгляд на серьезном лице Люси.

Он считал ее скромным и бесхитростным созданием, возможно не обладающим высоким интеллектом, но честным и почтительно относящимся к его сану священника. К тому же она любила хорошо одеваться, а ему нравились элегантные женщины.

Они преклонили колени, и каждый произнес про себя молитву. Немного смущенная присутствием Эдварда, Люси не смогла мысленно закончить ни одной фразы, и ее религиозное рвение перед таинственным алтарем выразилось лишь в горячей благодарности за свой жизненный жребий. Поднявшись, они вышли из церкви и, оторвав Питера от тесного общения с Эйлин в буфетной комнате, согласно признанному ритуалу этих визитов, отправились в школу. Эдвард очень гордился своей школой! Когда они проходили через классные комнаты, при их появлении вымуштрованные ученики в каждом классе дружно поднимались и как один восклицали: «До-брый день, свя-той отец!» Эдвард же показывал своего племянника.

– Вот какой большой! – говорил он напыщенно и с гордостью дотрагивался до головы мальчика.

Разумеется, на фоне поношенных штанов и рваных башмаков килт выглядел чем-то исключительным, и учителя не скупились на похвалы в адрес «племянника его преподобия».

Когда они вернулись из школы, Люси под напускным равнодушием скрывала ликование. Для нее апогеем этого «смотра» явилось то, что ее сына признали не таким, как все, пусть даже отличие было незначительным. И все же, оставив Эдварда с мальчиком и отправившись в одиночку в комнату экономки с ритуальным визитом вежливости, Люси, несмотря на все удо-

влетворение, испытывала смутное беспокойство. Что-то – она не могла понять, что именно, – нарушало полноту ее счастья. Она не могла не признать тот факт, что Анна озадачивает ее, а это ощущение было совершенно чуждо открытой натуре Люси. В этот день Анна была очень любезной, но держалась особняком, и казалось, ее поведение слегка нарушало общую гармонию. У Анны были деньги, независимость, она была хороша собой, и все это давало ей право напустить на себя скромный и вместе с тем самоуверенный вид. Но было в этом нечто большее. Порой небрежная холодность Анны казалась маской, под которой скрывалась другая, странная и сильная натура, готовая внезапно проявиться. Чем еще можно было объяснить отчужденность Эдварда, странный блеск в глазах мисс О'Риган? Люси намеревалась открыто расспросить Эдварда об Анне, но он упорно обходил эту тему молчанием. Сейчас, однако, сидя в душевной комнатухе экономки, ибо Тереза О'Риган не признавала проветривания, если только дело не касалось фланелевого белья Эдварда, Люси то и дело бросала на нее взгляд, в котором горело любопытство.

– Его преподобие сказал мне, – говорила мисс О'Риган, – что после отъезда Анны Питер погостит у нас несколько дней.

– Да, – кивнула Люси, помолчала и вдруг неожиданно для себя воскликнула: – Мисс О'Риган! Не расскажете ли мне кое о чем? Почему вы не любите Анну?

– Анну? – повторила экономка, очень смущенная неожиданным вопросом.

– Да! Почему она вам не нравится?

Наступила пауза. Мисс О'Риган залилась краской.

– Дело не в том, что Анна мне не нравится, – наконец произнесла она с запинкой. – Я... я не одобряю ее поведение.

– Но почему? – настаивала Люси.

– Разве вы не знаете? – удивилась экономка. – Ваш муж... не говорил вам?

Люси покачала головой, преисполненная любопытства, но немного озадаченная реакцией собеседницы.

Мисс О'Риган прижала к бледным губам кончики пальцев, явно разрываясь между страхом и желанием все рассказать.

– Лучше не говорить... – дрожащим голосом пробормотала она.

– О чем?

Люси с нетерпением ждала.

– Не знаю... – промямлила экономка, а потом, заламывая худые руки, разразилась потоком слов.

Люси была поражена до глубины души. Несмотря на курьезное смущение мисс О'Риган, ничего забавного не было в событии, о котором она рассказала. Неприкрашенный, лишенный всяких ханжеских причитаний факт ошеломил Люси – у Анны был незаконнорожденный ребенок!

Потрясенная и смущенная, Люси молча уставилась на экономку. Этого она ожидала меньше всего. Шокирующее разоблачение! Никогда не стала бы спрашивать, имей она хоть смутное подозрение насчет Анны.

– Это случилось пять лет назад, – продолжила мисс О'Риган, и в ее голосе зазвенело сострадание. – И он умер, бедный малыш, когда ему было три годика.

У Люси затуманились глаза. С какой ошеломляющей ситуацией она столкнулась – неприятной, печальной, невероятной, словно описанной на страницах сентиментального романа. Но, так или иначе, это было правдой. И все теплое очарование дня моментально рассеялось.

– Но почему?.. – наконец выдавила она. – Кто был...

Мисс О'Риган быстро заморгала, потом опустила глаза. В ее смущении, как и раньше, отражалась душевная боль.

– Не знаю, – поспешно ответила она. – И никто не знает, кто был отцом. Из нее клещами было не вырвать его имя. Просто запечатала уста, и точка. Его преподобие так переживал! Ох, странная она, эта Анна!

– Но наверняка, – настаивала Люси, – наверняка...

Она не закончила фразы, потому что в этот момент в комнату ворвался Питер, а за ним вошли Эдвард с Анной.

– Мы опоздаем, мама! – прокричал мальчик. – Ты сказала Дейву, что в четыре часа.

– Да, – автоматически ответила она, – сказала.

– Тогда скорее! Скорее! Анна вот спала, а ты тут разговариваешь. Мы опоздаем на корабль!

Последовала пауза, потом все направились к прихожей.

– Я бы вас проводил, – объяснил Эдвард у двери, – но мне надо навестить дорогого давнего друга. Ее зовут мисс Мактара.

– Не опоздай из-за нас, – улыбаясь, сказала Анна. – Какое прелестное имя!

Эдвард сердечно попрощался, снова напомнив, что приглашает Питера провести у него в доме несколько дней, ближе к концу каникул. Мисс О'Риган смиренно подала каждому слабую руку. А Эйлин, прижав носом желтую кошку к боковому окну кухни, на миг показалась, когда компания шла по дорожке к воротам, и Питер рассмеялся.

Но Люси не смеялась. Она была смущена, вся во власти какой-то беспричинной тревоги, словно на нее подействовала неприятная новость, рассказанная экономкой. Люси не мучилась, не испытывала запоздалого сочувствия к Анне – невозможно было жалеть ее, да та и не просила об этом. Она вновь посмотрела на Анну. Но очевидно, Анна была поглощена собственными мыслями. В сердце Люси вновь закипело раздражение, необъяснимое, но жгучее – смутное предчувствие, от которого было трудно избавиться. «Почему, – растерянно думала она, – почему, ей-богу, Фрэнк никогда не рассказывал мне об Анне?» Эта мысль была обидной, она приводила в оцепенение, погружала в молчание. К ней на ум снова приходили тревожащие слова мисс О'Риган: «Ваш муж... не говорил вам?» Этот вопрос, казалось, крепко засел у Люси в голове: почему Фрэнк никогда не рассказывал ей об этом?

Глава 6

В следующую субботу должен был состояться пикник, задуманный Питером еще до приезда Анны и ожидаемый с неиссякаемым энтузиазмом юности. Как ни странно, у Люси не было большого желания развлекаться. Она не могла объяснить почему – просто не хотела ехать. Но Фрэнк воспринял эту идею с несвойственным ему оживлением, обсуждая различные экстравагантные планы, начиная от аренды люгерного парусника, на котором они поплывут по заливу, и заканчивая линейкой для поездки через Уинтон-Хиллз. Люси кратко отвечала ему, что, если пикник и состоится, они просто дойдут на гребной лодке до леса на мысу Ардмор. Мыс, как сказала Люси, находится неподалеку и она, по крайней мере, воспользуется возможностью, чтобы набрать малины на варенье.

Она направилась в кухню и, засучив рукава, занялась приготовлениями к пикнику. Но расположение духа у нее было странное, и она осознавала всю абсурдность своего настроения, уже два дня угнетавшего ее. Она ничего не сказала Фрэнку о своем недавнем открытии. Вообще-то, ему давно следовало рассказать ей об этом. Что за тайны друг от друга? Она ничего от него не скрывала, целиком принадлежала ему и справедливо требовала от него, чтобы он тоже принадлежал ей. Более того, после визита в Порт-Доран Люси предлагала ему всякую возможность исправить свое упущение – намек здесь, нужный вопрос там – и ждала, теряя терпение, его запоздалой доверительности. Но он ничего не говорил. Ее сердило это явно умышленное утаивание.

Она в раздражении подняла голову и увидела через выходявшее на задний двор окно фигуры Анны, Фрэнка и Питера. Они склонились над вскопанной землей и пристально ее разглядывали. Люси услышала визгливый, возбужденный смех сына, копавшего червяков под ясенем. За ужином Питер рассказывал, как собирается перехитрить громадную и сказочно древнюю форель, которая, по слухам, водилась в верхней запруде ручья Ардмор.

Люси могла бы улыбнуться его похвальбе, но не улыбнулась. Она стала раздражительной и резкой, оттого что все время думала об Анне – этой на удивление сдержанной женщине, которую она не понимала, об Анне, изобличенной в одном проступке, и проступке непростительном. Зная Люси об этом эпизоде из прошлого, оставила бы она с такой готовностью на попечении Анны дом, Питера и – она думала об этом с внутренним содроганием – Фрэнка? Разумеется, Анна приходится Фрэнку кузиной. Но оставить их в состоянии явного безразличия друг к другу, а вернувшись, застать за дружеским распитием пива – невероятная, отвратительная пошлость! Конечно, Люси это не понравилось. Под налетом бесстрастности в Анне наверняка скрывается что-то вульгарное.

Люси перевела дух. «Я должна, – подумала она, нахмутив брови, – я должна во всем разобраться».

Ее охватила тревога. Начать с того, что Анна, о которой она узнала такие вещи, отличается как минимум независимым характером. И она, Люси, оставила эту женщину наедине с мужем, в то время как он мог одним словом объяснить ситуацию. Но он ни слова не вымолвил! И не потому, что не знал. Эдвард знал, и, она была уверена, знали Джо, Полли, даже Леннокс. Фрэнку наверняка все известно! Более того, тот самый год, когда с Анной произошло несчастье – пять лет назад, – примерно совпадал с его посещением Белфаста. Вероятно, Фрэнк был свидетелем этого происшествия. И все же ничего не сказал жене...

Люси постаралась отогнать черные мысли. Она слишком много размышляет об этом досадном отзвуке прошлого. Ей надо завершить приготовления к пикнику. Взяв буханку хлеба, она разрежала ее на длинные ломти и быстро намазала маслом, на одни положила домашнее яблочное желе, на другие – джем из ревеня. Оставшиеся куски хлеба пошли на приготовление сэндвичей с ветчиной. Те, что без горчицы, предназначались для Питера. Затем Люси нама-

зала масло на домашние ячменные лепешки и оладьи, испеченные накануне, разрежала половину пирога с мясом на аппетитные куски, взяла почти четвертинку фруктового торта и пакет хрустящего печенья «Абернети» из жестяной банки, в которой оно всегда хранилось. Хозяйка действовала ловко и споро, и ее маленькие руки стали чуть влажными и порозовели, тогда как выше кисти кожа сияла гладкой белизной. Несмотря на спешку, ничего не было упущено – даже крошечный пакетик с солью для яиц, сваренных вкрутую. Вскоре корзина была собрана и прикрыта белой салфеткой. Затем, опустив рукава, Люси заторопилась к задней двери, хотя никакой срочности не было, и выкрикнула:

– Готово! Готово!

Стоявшие во дворе оглянулись. Питер восторженно замахал руками и с важным видом подбежал к двери, демонстрируя жестянку с извивающимися червями и желая немного напугать мать. Но она не смотрела на червей, она смотрела на мужа. Когда он подошел к ней, она обняла его рукой за плечи и вновь объявила:

– Теперь я готова, Фрэнк.

– Хорошо, – сказал он, немного озадаченный этим неожиданным проявлением чувств.

Через несколько минут все необходимые для пикника вещи были сложены рядом. Нетта получила от Люси последние указания, ведь служанка теперь одна отвечала за дом и его красивую обстановку.

По дороге ко двору Боуи Питер шагал впереди с удочкой на плече и котелком в руке в компании Фрэнка, который нес корзину для пикника. Чуть поодаль шли Анна с Люси. У нее в руках была маленькая пустая корзинка для сбора малины, в изобилии растущей в лесу.

У берега Люси вдруг остановилась.

– Смотрите, – радостно сказала она, – это мисс Хокинг.

К ним приближалась женщина с собакой. Толстый фокстерьер, страдающий одышкой, семенил, высунув розовый язык. Леди – в том, что это леди, не могло быть сомнений! – была высокой, дородной, статной, с фигурой классических пропорций, с округлыми руками и ногами Юноны и гладким точеным лицом. Весь ее облик был гармоничен, при полном соответствии возрасту, – небольшая голова, правильные черты лица, красивый прямой нос, невозмутимое чело, большие прозрачные глаза лазурного оттенка под тяжелыми веками. На ней был хорошо сшитый жакет, юбка из серого бобрика, и эта одежда, несмотря на строгий покрой, чувственно облегла роскошные линии ее тела. Наряд дополняли: блузка из тяжелого белого шелка с крошечными жемчужными пуговками и высоким воротником, элегантные ботинки на пуговицах, лайковые серо-сизые перчатки и туго сложенный длинный зонтик, ручка которого оканчивалась набалдашником из слоновой кости в форме буквы «Т». Да, мисс Хокинг отличалась некоторой эксцентричностью. Подойдя ближе, она взглянула на Люси своими большими яркими глазами и расцвела улыбкой. При этом ни единой лишней морщинки не добавилось на гладком лице, осененном великолепием золотистых волос.

– Надеюсь, – воскликнула она, хохотнув, – дождя не будет! – У нее был аристократический голос, к тому же глубокий, несмотря на звенящий смех, и сама ее беззаботная манера впечатляла. – А вот и ваш милый мальчуган! – завидев Питера, продолжила она. – Но где же его килт? Маленький горец! Вереск и папоротник так красивы осенью! «Стою на пустоши родной, зовут меня Макгрегор!»⁶ Когда вы снова навестите меня?

Ее фразы обычно представляли собой серию лирических отступлений – лоскутное шитье, да и только! На сей раз в последнем «лоскутке» можно было обнаружить крупину здравого смысла.

– Надеюсь, скоро, – приветливо сказала Люси и представила женщин друг другу, быстро пробормотав их имена.

⁶ Цитата из Вальтера Скотта.

– Обожаю детей, – сказала мисс Хокинг Анне. – Особенно мальчиков!

Каким-то непостижимым образом, почти кокетливо, она признавалась в своем интересе к маленьким мальчикам, выказывая не тоску бездетной одинокой женщины, но чувство более сокровенное и романтическое.

– Мы едем на пикник, – чуть смущенно сказала Люси.

Она знала, что мисс Хокинг, когда хотела, могла быть весьма благоразумной.

– Знаки вполне благоприятны, – мечтательно откликнулась мисс Хокинг. – Голубое небо, голубое море. Вы не бывали на Капри? Там чудесно. Парни ныряют в гроты. Такие красивые фигуры, настоящие *condottieri*⁷. – Помолчав, она подняла голову и, казалось, задумалась. – Я не должна вас задерживать. Идите! Идите! Приятного вам отдыха! Удивительная погода для этого времени года. А мне пора идти! Работа. Это важно.

Видимо вспомнив о срочном деле, она прервала разговор и, поклонившись, одарила Люси приветливой улыбкой, озарившей ее гладкое лицо, потом повернулась и грациозно пошла дальше.

– Боже правый! – сразу же сказала Анна. – Кто она такая?

От этого тона Люси моментально вспыхнула, тем более что подобная реакция Анны показалась ей отчасти оправданной.

– Она моя подруга, – чопорно ответила Люси, – большой друг. И она очаровательна!

С ее губ сорвалось это чудное слово, но почему-то оно показалось всем удивительно подходящим.

– У нее вид чудачки, – сказала Анна.

Они подошли к лодке, которую выбрал Мур и спустил на воду с помощью Дейва.

– Мне не нравятся ее собственные «знаки» – с этими ее «мальчиками»! – фыркнула Анна. – Мисс Хокинг с Иродом составили бы хорошую пару.

– Она действительно чудачка, – подбирая слова, пробормотал Фрэнк. Он прилаживал ключины. – И этот ее пес Фейри – у него такой вид, будто она надула его велосипедным насосом.

– Он ужасно большой, – вставил словцо Питер. – Большой, как... – Он огляделся по сторонам в поисках сравнения. – Как лодка.

Сжав губы, Люси нахмурилась. У нее было немного друзей в Ардфиллане, где почитался рафинированный снобизм. Ей нравилась мисс Хокинг, с которой она познакомилась совершенно неформальным образом. Нечастые встречи на набережной, где они увиделись впервые – легкая улыбка Питеру, поклон Люси, вежливый обмен словами на тему погоды, – переросли в настоящую дружбу. Теперь женщины были в курсе дел друг друга, и Люси знала, что одно время мисс Хокинг, будто бы приехавшая из Англии, преподавала музыку в пансионе для девочек в Редлендсе. Но теперь мисс Хокинг отошла от дел. В течение последних лет она по какой-то причине больше не занимала эту должность. Однако в Англию мисс Хокинг не вернулась, а осталась в Ардфиллане, жила одна, преданная, вероятно, своей собаке и своей музыке, не чураясь приятных сторон жизни, подобающих даме со вкусом и независимыми средствами.

А теперь, по сути, Фрэнк оказался заодно с Анной, поскольку не одобрял дружбу Люси с этой очаровательной, пусть и эксцентричной, дамой. Люси очень расстроилась, и ее прежнее раздражение вмиг превратилось в озлобление. Они уже сидели в лодке, и, слегка нахмурившись, она смотрела, как ее муж с необычайным усердием работает веслами. Она чувствовала, что он красуется – красуется перед Анной. Он побрился с непривычной тщательностью, надел новый костюм! Тоже для Анны? Более того, эти двое снова болтали, причем в таком тоне, который она ненавидела. Оставив в покое мисс Хокинг, они вновь принялись обсуждать визит

⁷ Кондотьеры (ит.).

в Порт-Доран, насмехаясь над Эдвардом. Да, Люси начинала более отчетливо понимать характер Анны – под внешним спокойствием скрывался дух осмеяния всех и вся.

– Анчоусы, – повторяла Анна с тихим злорадством. – Не из бочки.

– Все сводится к желудку Неда, – с гораздо меньшей тонкостью отвечал Фрэнк. – Дайте ему хорошую кормежку и бутылку вина, и с ним все будет в порядке.

– Позвоночник мисс О’Риган, – вздохнула она, окуная пальцы в воду. – Почти что чудо. Изумительно!

– Ежеквартальный сбор падает на воскресенье. Конверты можно получить с черного хода. Церковь Святых последних дней.

– Право, интересное занятие, Фрэнк, – продолжила Анна с бесстрастной полуулыбкой. – Маленькие секреты в исповедальне. Искренне кающиеся грешники. «Как часто, дитя мое, ты...»

– Сладкое благоухание в темноте, – осклабился он.

– Жокейский клуб для отца Мура, – негромко откликнулась она. – Чудесный человек. Деликатный, смиренный и мягкий. Друг мисс Мактары! – И, откинувшись назад, замурлыкала с закрытыми глазами: – «Звучала арфа в залах Тары...»⁸

Опершись на весла, Фрэнк разразился хохотом так, что даже лодка закачалась.

Люси почувствовала, как сердце бьется у нее в горле. Она не была фанатиком веры, и ее отношение к религии было довольно сентиментальным – но как могли они вести себя столь легкомысленно, к тому же перед ребенком! Пусть Эдвард немного напыщенный – разве она не ела его хлеб?

– Прекратите! – резко воскликнула она. – Я этого не потерплю, запомните раз и навсегда! Анна медленно подняла веки и улыбнулась Люси.

– Просто немного повеселились, – дружелюбно произнесла она.

– Такое веселье мне не по душе, – процедила Люси, у которой пылали щеки.

Мур раздраженно дернул плечами. Последовала неловкая пауза, потом он молча взялся за весла. Люси тоже молчала. Ей было больно видеть такое выражение на лице Фрэнка, и она понимала, как сильно любит его. Она обрадовалась, когда они доплыли до мыса и с шумом вытащили лодку на гальку. Напряжение спало. Потом они все вместе вошли в лес и по тропинке направились к ручью Ардмор. Здесь после солнцепека открытого моря было прохладно и тенисто. Прожилки на листьях дубов уже были тронуты охрой, желтоватая зелень платанов оторочена красным, но листва еще не облетала. Под деревьями росли высокие зеленые папоротники, их листья со свистом рассекали воздух, когда Питер пробирался сквозь них. Для него в этом путешествии не было ничего сложного, но его привлекало приключение – глаза мальчика сверкали, а удочка, сконструированная по принципу жалкой экономии и с выгодой проданная мистером Гоу за одиннадцать пенсов и три фартинга, была выставлена вперед напоподобие копья, ведь Питер прокладывал себе путь по первобытным зарослям!

Они шли вверх по течению ручья. После дождей он обычно низвергался с верхней вересковой пустоши бурным и мутным потоком, но сейчас по синевато-серому руслу струилась кристально чистая вода. За крутые берега цеплялся влажный мох, а над поющей водой, как олени языки, свисали длинные бледные ленты папоротников. Влажный аромат травы смешивался со сладким запахом высохшей на солнце глины.

Наконец они подошли к запруде. Питер отбежал в сторонку и, распугивая рыбу, стал возиться со своей удочкой из орешины – привязал леску, нанизал на блестящий крючок извивающегося червя, извлеченного из жестянки, и, согнувшись, забросил леску.

⁸ Строка из песни на стихи ирландского поэта Томаса Мура.

Пока Люси наблюдала за сыном, поглощенным своим занятием, ее настроение изменилось – она вдруг расслабилась, успокоилась и вновь обрела уверенность. Эта глупая, нелепая вспышка – просто чепуха, дурацкая фантазия! Повернувшись к Анне, она с улыбкой спросила:

– Будешь ловить рыбу или собирать ягоды?

– Подожду, – ответила Анна, – и посмотрю, что тут произойдет.

– Да, – сказал Мур, – мы выудим тебе кита.

– Побудь здесь, мама, пока мы не поймем хотя одну рыбу, – попросил Питер.

– Мне кажется, – улыбнулась Люси, – тебе захочется удивить меня, когда я вернусь из леса. К тому времени ты успеешь поймать две или три рыбы. – Она уверенно кивнула и, взяв свою корзинку, добавила: – Постараюсь найти тебе немного янтарных ягод.

Так они называли сладкие логановы ягоды, изредка попадающиеся среди лесной малины.

– Ой, хорошо, – обрадовался Питер, который любил эти ягоды, – так и быть.

Люси отошла на несколько шагов, повернулась, помахала рукой и направилась к опушке леса.

Подле низкой каменной стены она наткнулась на заросли малины и принялась собирать ягоды. Свисая на тонких цветоножках, кое-где освещенные солнцем, они сверкали, как гроздь гранатов, – россыпь малиновых крапинок на зеленом гобелене. Отодвигая побеги малины, она заглядывала под серебристые с изнанки листья. По большей части бархатистые ягоды легко отделялись от бесцветной сердцевины, но иногда спелая ягода лопалась в пальцах, пачкая их красным соком.

Корзинка, висятая на локте, становилась все тяжелее. Вокруг царил глубокая тишина леса. Люси погружалась в эту тишину, по временам нарушаемую еле слышными звуками: шуршанием листьев, хрустом ветки под ногой, воркованием вяхиря, доносящимся с высокого бука. Постепенно Люси начала осознавать свою уединенность, которая стала давить на нее, и, бросая взгляды по сторонам, она заторопилась со сбором ягод. Ей вдруг захотелось вернуться в теплую компанию. Сердясь на себя за глупость, Люси повернулась и почти побежала прочь из зарослей.

Возле запруды она замедлила шаг и громко позвала спутников.

Но ответа не последовало. Выйдя из-за кустов, она увидела только Питера и резко остановилась. Улыбка исчезла с ее лица.

– Где остальные? – воскликнула Люси резким голосом, выдававшим ее смутение.

Увлеченный рыбной ловлей, мальчик покачал головой, не отрывая глаз от узкой коричневой полосы – она колыбалась на фоне темной тени, которую отбрасывал нависающий берег.

– Наверное, где-то поблизости, – рассеянно ответил он.

С минуту Люси стояла неподвижно, потом с усилием пошевелилась, опустила на землю корзинку. Безо всякого воодушевления она медленно набрала сухих веток, разожгла костер и поставила чайник с водой.

На берегу запруды Люси зачерпнула мягкий влажный песок и, за неимением мыла, принялась сосредоточенно оттирать им руки. Мелкие песчинки были до блеска отполированы сильным течением. Холодная быстрая зыбь, как молоко, пенилась вокруг ее рук. Вдруг Люси вздрогнула от резкого вскрика. Фрэнк с Анной вернулись, со смехом продираясь сквозь папоротники, – беззаботные и веселые, как будто ее вообще не существовало. В ней заговорило чувство собственника. Но она и виду не подала – выражение лица оставалось холодным, а в душе разгорался гнев. Как гром среди ясного неба, на нее накатило смутное, непостижимое чувство, которое невозможно было описать, – ни ревность, ни подозрение: то и другое казалось одинаково нелепым. Не то чтобы она хотела обвинить Фрэнка в недостойном поведении, это было бы абсурдно, но почему-то у Люси возникла уверенность: между этими двумя царит полное взаимопонимание. Это возмутило и озадачило ее.

И сейчас ей впервые пришлось притвориться. Выпрямившись, она выдавила улыбку и с напускным спокойствием спросила:

– И где, скажите на милость, вы были?

– Я хотел показать Анне вид с другой стороны, – не задумываясь, ответил Фрэнк.

Люси пристально посмотрела на них. «Вид» – это прозвучало как готовая отговорка.

– Мы могли бы сделать это позже, – с излишним жаром произнесла она.

Фрэнк поднял брови.

– Но, право, Люси... – начал он.

Она прервала его, трепеща всем телом и выразительно глядя на него:

– Оставить меня здесь собирать ветки и разжигать костер, после того как я собирала малину? Не очень-то чутко с твоей стороны.

Она умолкла, нервно сглотнув от обиды, а он бросил на нее робкий взгляд.

– Как бы то ни было, я для вас все приготовила, – заключила Люси, вновь заставив себя улыбнуться. – Пойдемте.

Они уселись около костра.

Ветчина на сэндвичах была сочной и мягкой, яичные желтки соблазнительно крошились, горячий чай имел сильный привкус ручьевой воды. Остывающие древесные угли покрывались голубовато-белыми хлопьями, ноздри щекотала душистая струйка дыма. Но Люси не могла смаковать еду, ничто не доставляло ей удовольствия. Все время она повторяла себе, что сегодня вечером поговорит с Фрэнком – спокойно поговорит. Между тем, поддавшись настроению, она настойчиво потчевала его, предлагая самые вкусные кусочки.

– Ты ничего не ешь. – Она с легкой тревогой посмотрела на него. – Куда подевался твой аппетит?

Фрэнк упрямо покачал головой.

– Все в порядке, – сказал он. – Предложи Анне торта. Я наелся.

– Но ты обычно уплетаешь все за обе щеки, когда мы приезжаем сюда, – настаивала Люси.

Вместо ответа он допил свой чай, встал и подошел к удочке. Ничего поймать не удалось, и сейчас, подтянув леску, Фрэнк изучал безжизненного червяка на крючке.

– Умер! И никогда не называл меня мамой! – мрачно пробормотал он.

Анна тоже поднялась. Услышав эту отвратительную, неприличную шутку, она прыснула, и ее странный смех полоснул Люси по нервам.

– Жаль, а я хлопотала, собирала эту корзину, – сердито заявила она. – Похоже, никто не хочет есть то, что я приготовила.

– Ты сама почти ничего не ела, – не оборачиваясь, сухо произнес Мур.

– Это правда, мама! – рассмеялся Питер и вытер руки о траву с видом обличителя. – Я съел больше всех, папа на втором месте, Анна на третьем, и ты последняя.

– Возьми носовой платок, мальчик, – довольно строго глядя на него, сказала Люси. – И помни о манерах.

Трапеза на этом завершилась. Тарелки, вымытые Люси в проточной воде и вытертые сконфуженным Фрэнком, были уложены в корзину. Компания отправилась к морю вниз по течению ручья.

День погружался в теплую истому. Аромат собранной малины, раздавленной собственным весом, шел от корзины вверх, наподобие редкостного эфира. Вокруг жужжали насекомые. Люси шагала, охваченная тем чувством старой ностальгии, тем почти мучительным желанием, которое она часто испытывала, стремлением к чему-то, что ей надо ухватить и ни за что не отпускать.

Переходя вброд ручей по плоским камням, она обернулась и взяла Фрэнка за руку. Пусть Анна насмехается над этим проявлением собственнического чувства – ей было все равно. Люси сильно привязана к мужу и не станет этого скрывать... Они пересекли неширокое поле, зарос-

шее лютиками, затем в теплом воздухе стал ощутим резкий запах соли, ручей расширился, обмелел, обнажились песчаные отмели. Из камней, выстилающих русло, поднимались, сплетаясь, и лениво, томно всплывали на поверхность колышущиеся розетки янтарных морских водорослей. На береговых откосах среди ярких головок армерий, словно вышитых бисером, торчали пучки жесткой травы и тростника. Наконец путники миновали последнюю излучину ручья и вышли на берег моря.

Люси глубоко вдохнула соленый воздух. Ее взгляд упал на голубую воду залива, где сквозь мерцание парил, как чайка, белый парус кеча. Теперь она чувствовала себя более свободно, но в ней все еще дремало это странное тревожное ощущение.

На обратном пути, убаюканная разнеживающим покачиванием лодки, она закрыла глаза, притворяясь, что дремлет. На нее действительно навалилась странная усталость, апатия, происходящая от неосознанного перерасхода душевных сил. Трое ее попутчиков пели – пели, казалось, в полном умиротворении. Над спокойной водой неслись негромкие мягкие голоса, которым аккомпанировал плеск неспешно работающих весел. Но у Люси не было желания подхватить песню. Сентиментальная мелодия рождала непонятное смятение в груди – это была последняя из смешных детских колыбельных, которую Люси, по горячей просьбе Питера, так часто напевала ему.

Мой милый за океаном,
Мой милый за морем,
Мой милый за океаном.
Верните мне моего милого.
Верните...
Верните...⁹

Она словно находилась во власти несбыточного желания, которое, прорываясь сквозь жаркий тихий день, пробуждало в ней мучительную боль. Лишь плотно сомкнув веки, Люси смогла сдержать нелепые горькие слезы.

Когда они добрались до мола и Дейв, выбежав из-под навеса, помог им причалить, она испытала почти что облегчение.

– День выдался прекрасный, – сказал Дейв, улыбаясь.

Когда она прыгала на причал, он крепко держал ее за руку.

– Да, пожалуй, – согласилась Люси, и ее губы тронула ответная улыбка.

Дейв ей нравился.

Она не понимала почему, но этот день не стал для нее прекрасным. Тем не менее приятно было вернуться, вновь увидеть оживленное лицо Дейва, такого спокойного и надежного. Ей вдруг показалось, что прошла целая вечность с той минуты, когда они отплыли от мола. Люси была рада оказаться в своем прохладном чистом доме.

Выкупав Питера, она уложила его спать, потом переделась и сошла вниз. Занявшись вышиванием, она казалась спокойной, но, делая стежки, в раздражении не могла дожидаться, когда Анна уйдет к себе. Однако в тот вечер Анна не торопилась. После того как пробило десять, она зевнула и посмотрела на часы. Наконец она поднялась и пожелала всем доброй ночи.

Люси осталась с мужем наедине.

Наступила долгожданная минута. Люси решительно отложила шитье, подошла к Фрэнку, который углубился в вечернюю газету, и села рядом с ним на диван.

– Фрэнк, – твердым голосом начала она, – хочу поговорить с тобой об Анне.

⁹ Шотландская народная песня «My Bonnie Lies over the Ocean», популярная и в наши дни.

– Говори, дорогая, – пробормотал он, не поворачивая головы. – Слушаю тебя.

Она глубоко вздохнула. Прежде чем затронуть тему прошлого Анны, надо дать мужу последнюю возможность самому сделать это. И она медленно произнесла:

– Ты ведь хорошо знал Анну до нашей встречи. Правда, Фрэнк?

– Что за вопрос, – с легкостью откликнулся он. – Много лет мы жили в одном и том же городе – в Ливенфорде. В детстве играли в бутылочку.

Люси непроизвольно поджала губы:

– И полагаю, ты часто виделся с ней, когда был в Белфасте.

– Да, – небрежно согласился он. – Думаю, да.

– Тогда почему, – спросила она с расстановкой, – почему ты не рассказал мне о ней?

Фрэнк не поднимал глаз, но Люси заметила, что он перестал читать и барабанить пальцами по колену.

– Что ты имеешь в виду? – после ощутимой паузы произнес он.

– То, что сказала!

Он медленно поднял голову и повернулся к жене, но не стал говорить. И, воспринимая его молчание как желание уклониться от ответа, она вдруг выкрикнула дрожащим голосом:

– Почему ты скрывал от меня, что у нее был ребенок?

По сути дела, это прозвучало как обвинение. У Фрэнка нелепо отвисла челюсть, с полминуты он молча таращился на Люси.

– Что? – промямлил он. – Откуда ты узнала об этом?

– Ну уж во всяком случае не от тебя, – с нервной горячностью ответила она, в одном мучительном порыве переживая сомнения последних двух дней и эмоциональное напряжение сегодняшней поездки. – Ты должен был мне сказать. Должен, и прекрасно это понимаешь. Ты позволил мне пригласить сюда Анну и ни словом не обмолвился о том, что тебе известно. Более того, я оставила на нее дом, когда уехала в Рэлстон! Это неправильно. Я не понимаю этого. И мне это не нравится. Господи, почему, Фрэнк, ты не сказал мне?

– Не было возможности, – краснея, возразил он. – Не наседай на меня.

То, что Люси знает историю Анны, привело его в смятение. Правда, он намеревался рассказать все жене, но почему-то – ах, эта его прирожденная апатичность! – не удосужился. Дело не в том, что им двигало некое благородство, напыщенное рыцарство – словом, возвышенная глупость, состоящая в том, чтобы «запечатать уста» по поводу позора Анны. Просто Фрэнк пустил все на самотек. Один или два раза он принимался думать об этом, колебался, потом забывал. И теперь, вдруг осознав, что произошло, покраснел еще сильнее и раздраженно воскликнул:

– Я не говорил тебе об этом по той простой причине, что это не твое дело. Вот почему, если хочешь знать. Это никогда тебя не касалось. И не касается сейчас.

– Действительно! – Дыхание Люси участилось. – Значит, меня не касается, что за женщина приходит в мой дом. Из-за того что ты предпочитаешь отмалчиваться и считаешь себя вправе скрывать что-то от жены, у нас в доме появляется особа с репутацией, за которую по меньшей мере стыдно.

– Полегче! – громко вскрикнул он. – Анна моя кузина. С ней все в порядке. И ты это знаешь.

– Так вот, мы сейчас кое-что обсудим, – еле сдерживаясь, процедила Люси, сердито сверкая глазами, – хотя вряд ли сойдемся во мнениях. Скажу прямо: мне не нравится Анна. Теперь, когда я знаю ее и о ней. Не нравится, пойми. Вот тебе один пример: сегодня в лодке она очень гадко говорила про Эдварда. Что ж, она моя гостья, пусть остается, сколько собиралась. Но я не намерена терпеть всякий вздор. Нисколько.

– Вздор? – недоверчиво спросил он, и на его щеках запылал румянец. – О чем ты, черт побери, говоришь?

Ее маленькое лицо тоже горело, и, поджав губы, она прямо взглянула на него.

– Как будто я не поняла на Ардморе, – с язвительной насмешкой бросила она. – Посмотреть на вид, право! Вид! – И Люси скептически рассмеялась.

– Мы действительно пошли посмотреть на вид, – почти прокричал он, – и ничего больше! Зачем, по-твоему, мы пошли, господи боже мой?

– Не ори на меня, – сказала она тихим дрожащим голосом. – Нельзя, чтобы Анна услышала, как ты обращаешься с женой. – Она умолкла, вся дрожа. Но она любила его, поэтому подыскивала слова, которые больно задели бы его. – Ты... весь день бегал за ней, а вечером злишься на меня, устраиваешь сцену. Как тебе не стыдно?!

– Да не бегаю я за ней, сказал ведь! Какой вред от того, что я стараюсь развлечь свою кухню? Разве я не обещал делать это?

– Я знаю тебя, Фрэнк, – медленно проговорила Люси, почти не разжимая губ. – Знаю, что ты не из тех, кто умеет развлекать. Даже не пытайся сбить меня с толку. Более того – я люблю тебя. Эти девять лет я при всех обстоятельствах поддерживала тебя. Я все тебе отдала. Я была тебе предана и не допущу, чтобы ты своими поступками выставлял себя дураком. Так что, будь добр, предоставь Анне в будущем самой позаботиться о себе.

– Значит, вот как, – вызывающе усмехнулся он. – Я должен выполнять твои указания. Что ж, хочу повторить. Анна не бегала за мной – как ты это называешь, – а я не бегал за Анной. Ты знаешь, что я не хотел, чтобы она приехала. Это ты ее пригласила. Да, ты! Тебе это непременно понадобилось! А теперь, когда она здесь, ты преспокойно поворачиваешься спиной и велишь мне осадить ее. С ума ты, что ли, сошла?! Но поскольку ты сама все это затеяла, позволь сказать, что я не собираюсь идти у тебя на поводу. И я буду продолжать любезно обращаться с Анной. Даже еще более любезно, раз уж ты насакиваешь на меня. Может быть, Анна гораздо лучше, чем ты думаешь.

Он рывком распрямил газету, выставив ее между ними наподобие щита.

С минуту Люси созерцала газету, прекрасно понимая, что Фрэнк ее не читает. Люси побледнела, ее обычно теплый взгляд выражал смятение, обиду и гнев. Так вот как окончился ее «спокойный разговор» с мужем! Ах, это его упрямство, совершенно неразумное сопротивление ее доводам, советам, ее предостережению! Она знала, что действовала правильно, что ее поступок справедлив, а он встретил эту справедливость каскадом упреков. Необъяснимое поведение, ничем не обоснованная скрытность! Последняя мысль больно кольнула ее.

Люси резко поднялась, сурово возвышаясь над ним.

– Предупреждаю тебя, Фрэнк, – произнесла она ровным твердым голосом. – По какой-то причине ты ничего мне не рассказал и не понимаешь, какую боль мне это причиняет. Но я слишком люблю тебя и потому не допущу, чтобы ты причинил боль себе. Запомни мои слова! Это объясняет все, что я делаю.

Высоко подняв голову, с затуманенными от внезапно нахлынувших слез глазами, Люси быстро вышла из комнаты.

Глава 7

Ночью она спала неважно, и тревожный сон не восстановил ее сил. Душа еще была во власти мысленных образов, подобно фантомам, наводняющих дремоту, и Люси проснулась с мыслью о ссоре с Фрэнком. Ссора уже давно прошла, но осталась тяжесть, гнетущее ощущение барьера, который все еще стоял между ними и мог быть устранен только путем их страстного примирения. Разомлевшая со сна, в измятой после беспокойной ночи сорочке, Люси лежала, перекинув на плечо толстую темную косу, и украдкой разглядывала мужа, вдруг охваченная желанием восстановить согласие немедленно. Правда, она ужасно любит Фрэнка! И, чувствуя, как он близок ей, она захотела обнять его за шею и сказать ему об этом. Ей так нравилась посадка его головы, прямая линия носа, печать утонченности, которая, казалось, отличала его от родни. Эдварда, впрочем, тоже можно было назвать утонченным, но в меньшей степени. «Да, Фрэнк не такой, как Муры, – тут же подумала она, – более того, он не такой как все». Это знакомое до мельчайшей черточки лицо было неповторимым: это был ее муж и он принадлежал ей. Теперь, когда он повернулся, Люси с усилием улыбнулась, напряженно ожидая его ответной улыбки.

– Еще одно чудесное утро, – неуверенно пробормотала она.

– Согласен, – проронил он.

Выражение ее лица изменилось, но не из-за его слов, а из-за тона, которым они были сказаны. В нем чувствовалось безразличие и к погоде, и к жене – Фрэнк все еще был обижен. Но она и виду не подала, что это ее задевает. Вчерашний спор, в котором она так твердо отстаивала свою позицию, не доставил ей удовольствия. Конечно, у нее были свои оправдания, но сейчас лучше не возвращаться к этой теме. Люси и так достаточно наговорила. Пусть между ними пока остается натянутость – эта натянутость быстро пройдет, если сегодня Люси выберет правильный тон.

Она немного подождала, думая, что муж предложит ей чашку чая – иногда по воскресеньям он действительно сам приносил утренний чай, поскольку строгое воспитание Нетты не позволяло ей входить в супружескую спальню, – но Фрэнк не выказал знаков этого доброго намерения. Поэтому Люси резким движением выпростала из-под одеяла свои гладкие ноги и свесила их с кровати. Тогда Фрэнк выразил вялый протест:

– Ты ведь пока не хочешь вставать. Еще рано.

– Уже пора, Фрэнк, – так же сухо проговорила она. – У меня много дел. Не забудь, сегодня вечером приедет Леннокс.

Фрэнк зевнул, уныло глядя, как одевается жена, потом буркнул:

– Я никогда не встаю раньше десяти, если накануне успел сколотить состояние.

– Ты еще ничего не сколотил, – ответила она, стоя к нему спиной и быстро подбирая волосы.

Она не слишком поощряла его лень.

– Я делаю все как надо, – мрачно пробубнил он, – на днях все образуется, если ты раньше не добьешь меня.

– Не говори так, Фрэнк, – ответила она уязвленным тоном.

В это утро от его несерьезности у нее сжималось сердце, но, скрывая боль, она спокойно произнесла:

– Вот подожди – увидишь, что я скажу сегодня мистеру Ленноксу. А пока...

Помолчав, она направилась к двери, и ее вид означал: «Вставай, и пойдем к мессе вместе со мной и Питером».

Фрэнк снова скис: в церковь его регулярно направляла явно не вера, а влияние, которое он сейчас опять на себе испытал. «Неужели меня никогда не оставят в покое?» – вяло размыш-

лял он, и похоже было, что так и есть, ибо, когда он вытянулся на постели и расслабился, дверь открылась и вошел Питер. Оценив простодушным взглядом настроение отца, мальчик сразу уяснил привилегии воскресного утра и бросился на большую кровать.

– Теперь поиграем, папа! – немедленно скомандовал он. – Хочу играть!

Мур с неудовольствием взглянул на сына и протянул:

– Может, сказку?

Этот вид развлечения требовал меньше всего хлопот.

– Нет, поиграем! Во властелина замка!

Мур застонал, – разумеется, он любил мальчика или думал, что любит. Но играть с ребенком? Он, Фрэнк Мур, будет резвиться?! И в особенности этим утром, после вчерашней дурацкой ссоры с Люси, ссоры на пустом месте. И что за суета по поводу визита Леннокса?

Люси была что надо, он признавал ее достоинства, любил ее, по сути, гораздо больше, чем сына. Но иногда она, стиснув свои мелкие белые зубки, упрямо стояла на своем, и это совершенно обескураживало. Делала из него, мужа и отца, полного идиота.

Он не смирится с этим, на этот раз точно не смирится. Он постарается раз и навсегда отстоять свои права, утвердить свою позицию главы дома.

– Давай, папа! – снова прокричал Питер. – Властелин замка!

– Хорошо, хорошо, – нетерпеливо произнес Мур, раздраженный ироничным подтекстом этих слов. – Не начинай снова.

Началась игра на историческую тему: приподнятые и расставленные родительские колени, литургические песнопения и неожиданные ужасающие низвержения, визгливый смех, хлопанье короткой ночной рубашки в синюю и красную полоску и апатичная имитация сурового наказания. Это веселое кривлянье иногда доводило Питера до судорожных слез. Но Мур, как всегда, не мог проникнуться восторгом момента. Он быстро уставал от этого и, по его выражению, «говорил стоп».

Между тем утренний воздух наполнился соблазнительным ароматом бекона, поджаренного до хрустящей корочки, и зазвучал тонкий голос гонга – Нетта настойчиво звала всех на завтрак.

– Иди, сынок, – сказал Мур, – и оденься.

Потом, зевнув напоследок, он встал, оделся – это не составило большого труда – и через пару минут последовал за сыном вниз.

Когда он сел за стол, Питер и Люси уже были на месте, Анна еще не появлялась – злоупотребляя своей прерогативой гостыи, она предпочитала завтракать в постели и слушать, если она вообще ее слушала, позднюю мессу.

Итак, три члена семьи завтракали вместе. Из окна струился мягкий утренний свет, падая на открытое лицо Люси. В ее глазах блистала решимость. В плавных движениях рук чувствовалась энергия, с помощью которой она, казалось, пытается объединить всех троих и удержать вместе – в добром согласии, в некой мистической гармонии. Сознание единства семьи всегда радовало Люси, укрепляло спокойную уверенность, с которой она воспринимала этот мир. Позже, по пути в церковь, когда Питер, держась за руки родителей, шагал посередине, на Люси опять нахлынуло теплое чувство и ее горло сжалось от почти мучительного ощущения своей правоты. «Разве не лучше, – думала она, – вовремя встать, прилично одеться, благопристойно пойти в церковь, как подобает дружной семье, а не валяться неодетой в кровати и насмехаться над верой?» Так предпочитает делать Анна. Но не она, Люси. Пока жива, она не позволит Фрэнку быть таким.

Когда после мессы они вышли на морскую набережную, Люси остановилась и, повернувшись к мужу, сказала:

– Вы с Питером погуляйте перед обедом. Я буду занята приготовлениями к вечеру.

– Я не слишком-то хочу гулять, – пробурчал он. – Вернемся вместе.

– Нет, Фрэнк, – настаивала она. – Хочу, чтобы вы подышали свежим воздухом. Это пойдет вам на пользу.

– Давай, папа! – вскричал Питер, потянув за собой отца. – Пойдем в Гилстонский лес собирать каштаны.

Мур ничего не ответил, и, расправив галстук Питера, она немного постояла, чуть улыбаясь и глядя, как они вместе идут по бульвару. Конечно, улыбка у нее была собственническая, но и чуть задумчивая: признание того, как много они для нее значат – Фрэнк и сын Фрэнка. Повернувшись, она медленно пошла к дому.

Ее слова о том, что она намерена очень постараться, не были пустыми, и ее усилия были направлены на своевременную подготовку к обеду. Сегодняшний обед, по ее выражению, будет отложенным ланчем, а вечернее пиршество с лихвой вознаградит домашних за скудную дневную трапезу. Дело было не в том, чтобы наготовить немислимое количество блюд и на сон грядущий предаться чревоугодию. Нет! Стараясь не замечать раздражающего присутствия Анны, Люси решительно настроилась на осуществление плана, который долго зрел в ее голове. С этой целью был приглашен мистер Леннокс, и с этой целью она, Люси, усадит его вечером за роскошный стол. В подходящий момент она обратится к Ленноксу со своей просьбой, и он, потерявший бдительность, разомлевший и снисходительный, наверняка на нее откликнется.

Конечно! Да! Усердно хлопоча в кухне, она предвкушала удачу. Люси давно знала, что Леннокс благоволит ей – он неизменно принимал ее приглашения, что не могло не радовать. Более того, он был немолод, недавно потерял своего партнера и теперь предполагал расширить дело за счет импорта и распространения того нового продукта. Несомненно, это благоприятное стечение обстоятельств. Даже более того. Золотая жила.

С другой стороны, она осознавала, что продвижение Фрэнка запаздывает. Он уже довольно долго работал за жалованье – приемлемое, без сомнения, но всего лишь жалованье, – и сейчас было самое время подняться выше. Этого шага требовали ее амбиции в отношении его будущего, и она чувствовала, что здесь потребуется ее решительность. По сути дела, она предполагала попросить Леннокса выделить Фрэнку долю в бизнесе. А почему бы и нет? Десять лет Фрэнк проработал в компании коммивояжером. И конечно, он будет готов выкупить свою долю. По правде сказать, их текущий капитал был ограниченным – она даже покраснела при мысли об этом, – но платеж можно погасить последовательными взносами. В конце концов, Ричард мог бы внести за Фрэнка аванс, чтобы минимизировать риски с самого начала. Главное – заинтересовать Леннокса. У Люси было предчувствие, что, употребив весь свой такт, она сможет добиться этого сегодня вечером.

«Леннокс, Галтон и Мур» – возможно, просто «Леннокс и Мур». Как хорошо это звучит! Ричард будет потрясен, когда она ему об этом скажет, Анна вытаращит глаза, а Фрэнк... Фрэнк поймет, как сильно Люси его любит, он наконец оценит ее преданность, ее достоинства. Она улыбнулась гармонии своего замысла, но за улыбкой скрывалась воля к победе.

Неожиданно настроение у Люси изменилось – она испытывала душевный подъем, а мысли неслись все быстрее, обгоняя одна другую.

За обедом, который благодаря ее несомненным талантам не так уж походил на «отложенный ланч», Люси пребывала в странном, но радостном расположении духа. Она была просто в ударе и старалась всех развеселить. Отпускала неожиданные остроты, поражая всех своей находчивостью. С Анной она была приветлива – быть может, немного напоказ – и, сверкая глазами, бросала на гостью взгляды через стол, словно говоря: «Если можешь, будь такой же забавной, как я!» Отказавшись на минуту от своего неприятия карикатуры, она в нескольких словах нарисовала портрет Евы, лежащей на подушках, чем вызвала улыбку даже у Фрэнка.

– Что вдруг на тебя нашло? – внимательно взглянув на нее, спросил он.

– Подожди немного, – ответила она, – и увидишь.

Это была любимая фраза Люси, предполагающая ее способность устраивать, организовывать, поражать. Скрытность была не в ее характере, тем не менее она не собиралась до поры до времени выставлять на общий суд свое заветное желание.

– Когда захочешь, ты можешь быть ужасно веселой, мама, – ухмыльнулся Питер.

– Наверное, на нее свалилось наследство, – заметила Анна, обращаясь к Фрэнку, – или, может быть, предстоит что-то важное.

– Вас ждет сюрприз! – с решимостью произнесла Люси, и это прозвучало почти как вызов.

После обеда она встала, сказав, что хочет отдохнуть, хотя это было не в ее привычках. Но в тот день она хотела как можно лучше выглядеть, поэтому пошла к себе в спальню, чтобы прилечь. Из окна Люси видела, как сын побежал к лодочной мастерской, где Дейв трудился над «Орлом» – при необходимости этот паром мог бы совершить воскресный рейс на противоположный берег. Она невольно нахмурила брови. Отсутствие Питера дома означало, что Фрэнк с Анной внизу вдвоем. А, не важно! Мысли были заняты планом, и Люси на время отмахнулась от всего, что мешало его выполнению. Она сняла платье, легла на кровать и закрыла глаза.

Утомленная беспокойной ночью, она проснулась ближе к вечеру – солнце уже бросало косые лучи на увитые лентами незабудки на стене спальни. Однако беглый взгляд на часы убедил ее в том, что времени еще достаточно. Несколько мгновений она лежала без движения, охваченная ощущением нереальности, – странно было проснуться при таком освещении, в этот час, и одной. Но, стряхнув с себя оцепенение, она поднялась. Тщательно, медленно оделась, красиво причесалась. Посвежевшая, отдохнувшая, готовая сделать для Фрэнка все возможное, она сошла вниз и вместе с Неттой в последний раз оглядела стол, «накрытый вплоть до последней ложки», как доверительно сообщила та.

В шесть зазвонил дверной колокольчик. В ожидании гостя Люси, чтобы стряхнуть напряжение, еще раз проверила идеальный порядок в столовой и теперь сама побежала к двери.

– Входите, мистер Леннокс! – приветливо воскликнула она. – Я знала, что это вы. Позвольте помочь вам снять пальто. Вы хорошо себя чувствуете?

Он улыбнулся в бороду, обнажив желтоватые вставные зубы.

– Да-да, не так уж плохо, – осторожно подтвердил он, а это означало, что здоровье у него отменное. – И полагаю, мне станет еще лучше оттого, что вижу вас.

Она улыбнулась ему в ответ. Начало было превосходным.

– Мы всегда с вами хорошо ладили, – задушевно проворковала она.

В маленькой прихожей, казавшейся еще меньше из-за висящего пальто, воцарилась атмосфера некой интимности.

– Да, верно, ладили, – согласился он, оживленно потирая руки.

Вполне справедливо. Ему по-своему нравилась Люси Мур. «Свежа как роза, – часто думал он, – и настоящая модница». Он потрепал ее по плечу, и она проводила его в гостиную, где уже собрались все остальные.

– Питер! – сразу же воскликнула она. – Встань, сынок, и уступи мистеру Ленноксу то кресло.

– Благодарю. Благодарю. Мне необязательно сидеть совсем рядом с камином. Это место мне вполне подойдет.

Она проследила, чтобы гость удобно устроился, потом дипломатично перевела разговор в русло обычных дел – не в ее правилах было бросаться напролом к цели. Нет-нет, это не в ее характере! В половине седьмого, когда все шло гладко – Питер вел себя хорошо, Фрэнк поддерживал светский разговор, Анна сидела молча, – Люси поднялась.

– А теперь, – объявила она не без пафоса, – я собираюсь сама сварить кофе. Я в точности знаю, какой вы любите кофе, мистер Леннокс.

Обольщение было беззастенчивым, и она понимала, что это так. Но повод того стоил.

Тем не менее в кухне Люси порядком намучилась с кофе: на приготовление понадобилось целых десять минут. Наконец она вошла в прихожую с порозовевшими от жара щеками и ударила в гонг, потом проскользнула в столовую. Там она радушно встретила гостей.

Ужин – этот банкет, на который она пылко возлагала свои надежды, – начался благоприятно, на сердечной ноте. Ужин был превосходный! Язык, изумительный холодный язык и куриные грудки в холодном виде. Был салат, очень вкусный салат, пирог с той малиной с Ардмора и данлопский сыр высшего качества. При виде этих деликатесов взгляд Леннокса еще больше смягчился. Он слегка расставил колени и заправил салфетку за вторую пуговицу жилета.

– Ну честное слово! – Он с восхищением посмотрел на Люси.

Больше он ничего не сказал. Но этого было достаточно.

– Кусочек курицы, Анна? – предложил Мур, разрезая птицу и подавая кухне толстый белый кусок грудки. – Этот нож тупой, как обычно, – вполголоса добавил он.

У него никогда не получалось хорошо нарезать мясо.

– Подай и мистеру Ленноксу курятины, Фрэнк, – попросила Люси, – другую грудку.

– Я питаю пристрастие к языку. – Леннокс аккуратно поддел горчицу кончиком ножа. – Сами-то попробуйте, миссис Мур.

– Обо мне не беспокойтесь, – быстро ответила она. Нынче ее интересы сосредоточились на его тарелке. – Позаботьтесь о себе.

– Неудивительно, что мне нравится время от времени заглядывать сюда, – многозначительно произнес Леннокс, причмокивая и смакуя свой кофе.

Потом, вытерев бороду, он повернулся к Анне:

– Вы уже решили, когда поедете домой?

Анна улыбнулась. Заметила ли она скрытый вызов Люси за обедом? Угадав, что «предстоит что-то важное», не имела ли она в виду, выражаясь с присущей ей сдержанной иронией, что хочет тихо позабавиться вечером? Определенно, она была необычайно любезна с Ленноксом, но казалось, что воздух вокруг нее наэлектризован.

– Я получаю удовольствие от этой перемены, – подняв глаза на собеседника, сказала она.

– Ей нет необходимости спешить, – вмешался Мур. – Пускай остается столько, сколько пожелает.

Люси поставила свою чашку, пристально посмотрела на него через стол.

– Мы не должны мешать намерениям Анны, Фрэнк, – ровно проговорила она. – Может быть, у нее свои планы.

– О-о, у меня нет никаких планов, – приветливо прощепетала Анна, наклонила голову, и на ее гладкие черные волосы упали отсветы от лампы. – И я никогда не строю планов. Просто делаю то, что меня больше устраивает.

– Вы очень современная молодая женщина, – дружелюбно произнес Леннокс.

– Это комплимент? – доверительно пробормотала она.

– Я бы не сказал «нет», – ответил он. Его лукавый взгляд скользнул по салфетке. – Но чувствуется, что вы легко воспринимаете жизнь.

– Вот в чем мы с Анной различаемся, – сказала Люси, стараясь быть непринужденной, хотя и была немного задета дружеским тоном беседы между Ленноксом и Анной. – Мне необходимо иметь какую-то цель. Мне нравится работать, добиваться чего-то. Боюсь, я не смогла бы вот так легко плыть по течению.

– Хотя приятно, – спокойно откликнулась Анна, улыбаясь своей неизменной туманной улыбкой, – принимать вещи такими, какие они есть. Если нагнуть голову и броситься вперед, то рано или поздно наткнешься на стену. Что скажешь, Фрэнк? Тебе нравится бороться за правду? – И она взглянула на Мура, который сидел, опустив глаза в тарелку.

– Не знаю, – неловко ответил он. – Пожалуй, я похож на большинство людей. Я, как и прочие, не вижу большого удовольствия в работе. Работаешь, потому что надо, а не потому, что тебе это нравится.

Люси сидела во главе стола. Услышав слова мужа, она сжалась. С ума он сошел, что ли, говорить такое перед Ленноксом, да еще именно сегодня вечером!

– Какая чепуха, Фрэнк! – шутливо воскликнула она, стараясь скрыть раздражение. – Тебя очень интересует твоя работа. Никто не знает этого лучше меня. Как, только на днях ты говорил мне, что тебе очень нравится бизнес и что он может открыть перед тобой прекрасные возможности.

– Тебе стоит самой заняться бизнесом, Люси, – мягко прошелестела Анна, – раз уж так много думаешь о нем.

Передавая свою пустую чашку, Леннокс неожиданно рассмеялся.

– Она права, – отрывисто произнес он и обратился к Люси: – У вас есть для этого необходимая дерзость. Да, честно говоря, я думаю, вы лучше справились бы с работой мужа, чем он сам, – и в завершение шутливо добавил: – Если вам понадобится должность, просто дайте мне знать.

Люси мучительно покраснела, сознавая, что по какой-то причине, вызванной неуместной ремаркой Анны, вся ее стратегия оборачивается против нее. В тот момент, когда она непременно хотела убедить Леннокса в несомненных положительных качествах мужа, Леннокс начинает принижать достоинства Фрэнка и глупо восхвалять ее. Это было невыносимо. Она вдруг почувствовала, что ситуация ускользает от нее, что упустить ее нельзя и нельзя откладывать эту проблему на потом. Нет! Проблема возникла, и Люси должна ухватить ее за хвост и повернуть дело в свою пользу.

Она глубоко вздохнула и собрала все свое мужество, не замечая еле уловимый насмешливый блеск во внимательных глазах Анны.

– Я хотела поговорить с вами, мистер Леннокс, – сказала она с нажимом, – на эту тему – касательно работы Фрэнка.

– Его работы, – эхом подхватил он, искоса глядя на нее с немим вопросом. – Ну и?..

– Я знаю, что вы расширяете дело. – Замявшись, она решительно продолжила: – Знаю, что собираетесь развивать его. И я подумала, что, возможно, понадобится человек, который помог бы вам справиться с дополнительной работой.

Последовала долгая пауза. Люси чувствовала, что все смотрят на нее. Потом, быстро жестикулируя, вдруг вмешалась Анна.

– У вас кончился кофе, мистер Леннокс, – заботливо сказала она. – Позвольте, я передам чашку, чтобы налили еще.

– Да-да, – с сомнением пробормотал тот.

Люси со строптивым видом взяла чашку и снова ринулась в бой:

– Вы сами думали об этом, мистер Леннокс? Рассматривали перспективы этого развития?

– Знаете, – протянул Леннокс, очень осторожно протыкая кусок ветчины, – сомневаюсь на счет дополнительной работы. Понимаете, я подумываю о том, чтобы частично свернуть ирландскую торговлю. – Он помолчал, положил вилку. – Кроме того, я уже не так молод, как прежде.

Люси подалась к нему, устремив на него горячий умоляющий взгляд и от волнения учащенно дыша.

– Вот почему я подумала, что вы, может быть, захотите... – Она чуть запнулась, но потом храбро выпалила: – Захотите продвинуть Фрэнка – позвольте ему иметь небольшую долю в бизнесе.

Она это сказала. И теперь он воззрился на нее с пристальным вниманием.

– Ну и ну! – воскликнул он наконец. – А вы не робкого десятка, милочка.

На том конце стола беспокойно заерзал Мур. Его покрасневшее лицо говорило о сильном смущении.

– Нам бы не хотелось обсуждать это сейчас, – вдруг брякнул он. – Давайте займемся ужином.

– Вы дадите ему этот шанс, мистер Леннокс? – упрасивала Люси, с трудом шевеля сухими от волнения губами. – Я знаю, вы никогда об этом не пожалеете, обещаю вам. О да – обещаю!

Он отвел взгляд от этих серо-голубых глаз, столь красноречивых и выразительных, и взглянул на Анну, которая загадочно улыбалась.

– Ну и что мне с этим делать? – робко спросил он у нее. – Задавать такой вопрос человеку за ужином...

Анна посмотрела на него. В ее больших глазах не было напряжения, – скорее, она сопереживала его смущению.

– Уверена, вам не хочется сейчас разговаривать о деле, мистер Леннокс, – мягко сказала она, – не за ужином, тем более воскресным.

На Люси нахлынула неудержимая волна гнева, однако она быстро взяла себя в руки. Ее взгляд метнулся к Анне, но, сдержавшись, она игнорировала замечание и решительно обратилась к Ленноксу:

– Вам будет выгодно иметь партнера. И я уверена, мой брат сможет дать ссуду, если потребуется.

– Но, Фрэнк, – широко раскрыв глаза, словно от удивления, сказала Анна, – разве ты не говорил? То есть ты... ты наверняка не захочешь...

Мур поморщился, щеки у него по-прежнему горели. Какому мужчине понравится, что жена пытается сделать ему карьеру? Тем более Люси решила выступить перед Анной! Из-за этого Мур чувствовал себя ленивым, бессильным, неумелым. Буквально утром он дал обещание самому себе отстаивать свое положение в доме. Бросив на Люси возмущенный взгляд, он вяло пробормотал:

– Все это – новость для меня. Я не поднимал эту тему.

– Тогда на время оставим это, – с коротким, понимающим смешком проговорил Леннокс. – Да-да, оставим и, может быть, позже обдумаем!

Люси побледнела, сердце ее судорожно сжалось. Она интуитивно чувствовала, что Анна хочет помешать ей, и эта мысль с новой силой толкала ее вперед.

– Почему бы не договориться сейчас? – сдавленным голосом настаивала она. – То, что у нас воскресный ужин, не мешает вам сказать «да» или «нет».

– Что ж, – процедил Леннокс, бросив на нее быстрый взгляд, – может быть, именно поэтому вы пригласили меня сегодня.

Она вздрогнула от такой прямоты. Да, это была правда, но Люси знала, что, если бы не вмешательство Анны, эти слова не прозвучали бы. И все же она пропустила их мимо ушей.

– Вы уже давно нас знаете, мистер Леннокс, – не сдавалась Люси. Она говорила ровным голосом и даже заставила себя улыбнуться. – Фрэнк работает у вас десять лет. Наверняка стоит принять это во внимание. Пожалуйста, подумайте об этом.

Он снова положил вилку и, явно встревоженный, подергал себя за всклокоченную бороду.

– Едва ли дело только в «да» или «нет», – неловко произнес он. – Вопрос намного сложнее. Я не склонен поддерживать быстрые изменения.

И снова раздался этот голос благоразумия, принадлежавший Анне.

– Но если вы все-таки будете что-то менять, – деликатно вставила она, – не будет ли правильным отдать Фрэнку агентство в Белфасте? В тот раз, когда он приезжал туда, дела шли хорошо. А служащий, который у вас там работает, не очень-то старается.

Люси резко мотнула головой – право, это уж чересчур! Анна вмешивается, извращает насущную проблему, советует Ленноксу дать Фрэнку это пустяковое повышение – то агентство ненамного лучше его нынешней должности. С ума можно сойти!

И вновь ее охватило сильное желание сказать и сделать что-то вызывающе-оскорбительное. Какое Анне до всего этого дело? Что за беспардонная, раздражающая манера лезть куда не просят! Люси не могла больше сдерживаться. Отвернувшись от Леннокса, она впилась взглядом в эту чужую, *другую* женщину и дрожащим голосом произнесла:

– Это едва ли тебя касается, Анна! И у меня нет никакого желания ехать в Ирландию.

– Совсем неплохое место, имей в виду, – приветливо сказала Анна. – Много дождей, но от этого все такое зеленое. Ей-богу, тебе нужно увидеть клевер!¹⁰

Ну просто дьявольская непосредственность!

– Это нам не подойдет, – откликнулась Люси, учащенно дыша. Ее подгоняло желание достойно ответить на выпад. – Хотя тебе там, возможно, нравится. Без сомнения, у тебя находились там развлечения. И конечно, такой привязанности есть объяснение?

– Может быть, – задумчиво сказала Анна.

– Какая-то личная причина, должно быть?

– Кто знает! – не моргнув глазом ответила Анна.

Последовала напряженная пауза, во время которой Леннокс поднял глаза к потолку, а Мур с мрачным видом уставился в камин. Гармония вечера, казалось, внезапно была нарушена.

– Понимаете, – заговорил Леннокс, который успел привести себя в боевую готовность, – у меня есть свои приемы работы. Если изучаешь всех, не узнаешь никого. Получается полная неразбериха.

Наступило долгое молчание. Люси чувствовала, как болезненно колотится сердце.

Полная неразбериха! А он уже готов был уступить. Она это знала. И теперь из-за несносной Анны он сразу перестал сочувствовать ей, Люси, и может еще много месяцев оставаться нетерпимым и не соглашаться на ее предложение. Это выводило ее из себя. Великолепный замысел уничтожен, сокрушен. И виновата в этом Анна!

– Принеси мне еще кофе, – капризно сказал Мур. – Меня мучает жажда.

Люси замялась, потом скованно протянула руку за его чашкой. Ее задела резкость, скрытая обида в словах мужа. Как будто, право, виновата она! Опять наступила напряженная пауза, и лицо Люси тоже было напряженным, залитым краской оскорбленной любви.

– Сегодня Дейв прокатил меня на «Орле», – отважился наконец сказать Питер.

Он не имел ни малейшего представления о царившем вокруг смятении, и никто не обратил внимания на его слова.

– Зачем Нетта положила в пирог столько сахара? – скривился Мур. – Это просто отравка какая-то.

– Я сама испекла его, – холодно процедила Люси, но голос ее дрожал.

– Для меня в самый раз, – быстро проговорил Леннокс. – Очень вкусно.

Мур смущенно заерзал. Он привык, что обычно пироги пекла Нетта. Анна ничего не сказала, она надкусила печенье с таким видом, будто что-то сильно ее развеселило. Последовала долгая пауза.

Леннокс громко откашлялся.

– Я, во всяком случае, попросил бы еще, – передавая свою тарелку, миролюбиво произнес он. – Выпечка прекрасная.

Он съел добавку и закончил ужин с видом человека, который, вопреки обстоятельствам, наслаждается едой. Наблюдая за ним, Люси чувствовала его симпатию, с горечью думая о том, что она могла бы сделать, если бы не досадное вмешательство Анны. Мысль об этом нерви-

¹⁰ Клевер, трилистник – символ Ирландии.

ровала Люси – она крошила пальцами нетронутое пирожное, лежащее у нее на тарелке. Они долго сидели в молчании, наконец Леннокс пошевелился.

– Мне пора, – сказал он, смахивая крошки с жилета. – Я рано пришел, поскольку знал, что должен рано уйти.

Люси не уговаривала его остаться, но, когда они поднялись, ей стало ясно, насколько фальшива эта отговорка.

– Я провожу вас, – заявил Мур, – до ваших ворот.

– Я тоже могла бы прогуляться, – задумчиво поддержала его Анна. – Вечер такой чудесный.

Люси снова ощутила, как к лицу приливает кровь, почувствовала на себе взгляд Леннокса. Ею вновь овладел приступ ярости. Она не могла пойти с ними – у Нетты был выходной, и Люси должна была уложить Питера спать. Смущенная и раздосадованная, она проводила Леннокса в прихожую.

– Доброй ночи, и благодарю вас. – Он, как всегда, тепло пожал ей руку.

Она стояла у входной двери под свежим дуновением вечернего воздуха, глядя, как они идут по дорожке. Потом с губ ее слетел невольный вздох – грудь словно разрывалась. Повернувшись, Люси пошла в дом.

Так вот чем завершились ее усилия. Ничем! А Фрэнк! Она поморщилась, с горечью чувствуя несправедливость его отношения. Чтобы он так разговаривал с ней – с ней, больше всех остальных озабоченной его продвижением по службе и уже нашедшей верное решение! И Анна – всегда Анна, – которая бесцеремонно во все вмешивается, доставляет столько неприятностей! Сегодня она нарочно все делала назло, Люси сразу заподозрила это. Действительно, все из-за нее! В пустой комнате Люси устало прислонилась лбом к холодному мрамору каминной полки, мысленно представляя себе фигуру другой женщины. Как же она, Люси, ее ненавидит! Ее невозмутимость, спокойствие, загадочный взгляд, обращенный к Фрэнку. Плавность ее речи, как и плавность движений, поначалу казавшиеся естественными, теперь представлялись противными и неискренними. Вид Анны и даже воспоминание о ней моментально вызывали у Люси дрожь отвращения.

Взяв себя в руки, она проводила Питера наверх, убрала со стола и вернулась в столовую. Она понимала, что не должна думать об Анне, но не могла отделаться от этого навязчивого образа. Мысли, забродившие на дрожжах гнева и подозрительности, будоражили Люси и отчаянно крутились вокруг унижения – ибо ее явно унизили. Эта неудача, неожиданный срыв ее блестящего плана пробудили в ней горькое чувство потери, с удвоенной силой воскресили в душе все прежние смутные предчувствия.

Как посмела другая женщина столь вероломно, столь возмутительно вмешаться в жизнь Фрэнка? Анна не имеет права планировать его будущее! Наверняка всему этому есть объяснение, и Люси должна отыскать его и рассмотреть со всех сторон. Она горячо желала ухватиться за какое-то реальное разрешение этого досадного недоразумения, суть которого трудно было уловить.

И Люси принялась прокручивать события назад, воссоздавая в уме ситуации, которые могли бы открыть ей глаза на подоплеку поступков Анны – взгляд здесь, слово там, – сводя воедино все свои сомнения, тщетно пытаясь сформулировать суть своих опасений. Поскольку она считала свою позицию безупречной, это неизбежно предполагало неправильную позицию Анны. И раз свое поведение казалось Люси безукоризненным, она, естественно, считала мотивы Анны противоположными собственным. Кроме того, разве не звучало постоянно в ее ушах проклятое эхо прошлого? И Люси невольно начинала думать о том несчастливом эпизоде в жизни Анны, воображать себе его обстоятельства, даже пыталась представить себе безвестного умершего ребенка, чьей матерью была Анна. Непостижимым образом Люси чувствовала, что тайна рождения этого ребенка неуловимо связана с ее личным затруднением. Или по мень-

шей мере она сама мысленно связала эти две вещи в единое целое, исходя из подсознательной ассоциации мыслей, из общепринятых соображений в отношении чего-то неясного. Если бы она знала больше о том случае, может быть, тогда у нее появился бы ключ к поведению Анны – ключ к самой Анне? И, поняв Анну, не постигнет ли она тогда ее отношение к Фрэнку? Анна и Фрэнк – теперь Люси постоянно сводила свои умозаключения к этому неизбежному тупику. Эти два имени, соединенные вместе, дразнили ее недоказуемостью своего союза.

Она вздрогнула, услышав шум. Открылась входная дверь, зазвучали голоса в прихожей. В комнату вошел Фрэнк, и лицо Люси приняло твердое, решительное выражение. Он был один.

– Знаешь, – сразу начал он тихим голосом, – сегодня ты выставила меня в таком дурацком свете. И совершенно напрасно!

Она сжала губы. То, что он, вместе с Анной виновный в своем поражении, теперь обвиняет ее, Люси, было настолько обидно и абсурдно, что она даже не стала оправдывать свои действия.

– Ты сам выставил себя в дурацком свете! – прокричала она. – Я знаю, Леннокс выделил бы тебе долю. Я могла бы это устроить. – Она жестом отчаяния уронила руку. – И это было бы очень кстати.

– И ты берешься судить об этом? Не думай, что сможешь втянуть его в это. И не воображай, что будешь всю жизнь мной командовать!

– Это неправда, Фрэнк! – пылко воскликнула она. – Ты же знаешь, что неправда. Я стремлюсь делать все возможное тебе во благо.

– Мне во благо, – фыркнул он. – Все видят, что ты держишь меня на цепи. Даже Анна.

– Анна! – Люси произнесла это слово с невероятным нажимом.

– Да, Анна. И раз уж мы затронули эту тему, нельзя ли попросить тебя быть более вежливой. В последнее время ты с ней ужасно груба. Не забывай, что она моя кузина!

– Твоя кузина! – повторила Люси дрожащим голосом. – Мне это нравится! Она важнее для тебя, чем жена?

Фрэнк взял сигарету и зажег ее, не сводя с Люси глаз. Потом, бросив в камин спичку, он отрезал:

– По-моему, я всего лишь попросил быть с ней повежливее.

Проигнорировав эту фразу, Люси вперила в него пылающий взор:

– Хочу задать тебе простой вопрос: почему ты так носишься с Анной?

Он раздраженно покачал головой:

– Что с тобой, черт возьми, происходит в последнее время? Я твоя собственность, что ли, раз ты подвергаешь меня перекрестному допросу?

– Какой еще перекрестный допрос?! – горячо возразила она. – Ты же знаешь, я не делаю ничего подобного. Это прямой вопрос!

– Пропади пропадом прямые вопросы! – сердито вставил он. – Держи свои прямые вопросы при себе и не докучай мне – не души меня. Ты делаешь это уже много лет. Разве это не очевидно?

От ребяческой непоследовательности его слов ее глаза вспыхнули. Должно быть, досада вынудила ее тихим подавленным голосом произнести:

– По-моему, я всегда делала для тебя то, что нужно, Фрэнк. Думаю, ты это понимаешь, если был счастлив.

– Это верно, – мрачно бросил он. – Ты само совершенство. Когда ты идешь, я слышу, как тебе аплодируют.

Она не ответила, но, чувствуя, как горят у нее щеки, устремила на него взгляд, выражающий горячий упрек. Постояв с минуту, она торопливо подошла к дивану, взяла рукоделие и, притворяясь, что очень увлечена, принялась шить дрожащими пальцами. Фрэнк тоже

замкнулся в мрачном молчании. Супруги сидели в тишине, наконец он встал. Помимо своей воли, Люси протянула к нему руку, глаза у нее вдруг затуманились слезами.

– Тебе что-нибудь... – Ее переполняло желание примирения. – Что-нибудь принести?

– Я иду спать, – ответил он, – спать!

Она ошеломленно уставилась на него:

– Но, Фрэнк, еще нет и девяти. – Она протянула к нему руку. – Давай помиримся. В конце концов мы любим друг друга.

– Оставь это, – бросил он, – сегодня ты уже много для меня сделала.

И не успела Люси сказать что-то еще, как он вышел из комнаты.

Она долго сидела, застыв, слыша, как он медленно ходит наверх. Шаги стихли – он лег в кровать. Невидящим взглядом Люси смотрела куда-то в пустоту, чувство обиды прошло, уступив место странному сожалению. Душа была полна неясным смутением.

Наконец она нетерпеливо дернула головой, встала и завела часы, стоящие на каминной полке. Подобные обязанности, которые по праву переходят к хозяину дома, были полностью возложены на нее. Потом она пошла наверх.

Она разделась в темноте и легла в постель рядом с мужем. Он не спал, только делал вид, что спит. Его размеренное дыхание не обмануло ее, и несомненный факт его притворства был очевиден по той едва заметной напряженности тела, которое чуть касалось Люси. Она хотела, чтобы муж заговорил с ней, но чувствовала: он не станет. Сама же она опасалась опять встретить отпор. У нее тоже была гордость. И так Люси, не двигаясь, лежала бок о бок с Фрэнком, закрыв глаза, чтобы спрятаться от бледного лунного света, и думала, думала, слегка наморщив лоб, пытаясь постигнуть нечто, по-прежнему ускользающее от нее.

Глава 8

Она твердо решила поговорить с Анной начистоту и мысленно наметила послеполуденное время, когда Питер не будет им мешать. Она сохранит спокойствие, будет помнить, что Анна ее гостя, но в итоге потребует, чтобы та объяснила свое поведение. Однако на следующее утро Анна совершенно неожиданно собралась в Глазго за покупками – хотя ни одна из ее затей не имела такого точного и обдуманного определения. После завтрака она небрежно проронила:

– Хочу купить себе кое-какую одежду.

Тут же она встала из-за стола и, не выказывая особого энтузиазма, отправилась на станцию, к десятичасовому поезду. Никакой подготовки, никакого волнения, никакого упоминания о том, что Люси могла бы поехать с ней.

Не то чтобы Люси мечтала составить ей компанию. На самом деле, несмотря на провал своего замысла, она наблюдала отъезд другой женщины с чувством невероятного облегчения. В то утро голова у Люси была тяжелая, ее одолевали странные навязчивые сомнения. Наверное, хорошо, что Анна уехала. Люси хотелось остаться одной и все обдумать, взвесить все обстоятельства. Снова и снова к ней приходило осознанное ощущение того, что ее попытки не напрасны, что в муках должно родиться нечто, созвучное ее душе, и после этого наступит облегчение.

Она бродила по дому, почти автоматически собирая вещи Питера для его поездки в Порт-Доран в конце недели и едва ли замечая то, что происходит вокруг. С мучительным напряжением она пыталась сформулировать свои подозрения, вызвать в воображении фантом, который неотступно преследовал ее.

Надо признать, что с самого начала она пыталась подружиться с гостьей. Радужно ее принимала, старалась во всем ей понравиться. Но, оглядываясь назад, Люси приходила к выводу: неприязнь к Анне зародилась в тот самый момент, как Джо привез ее в дом Муров. И неприязнь эта была взаимной. Убежденность в том, что Анна ей нравится, была иллюзией, плодом воображения, обманом – Люси так хотелось быть гостеприимной! Анна никогда ей не нравилась, ибо они были полной противоположностью друг друга. Анна не вызывала у нее доверия. И первым поводом к недоверию был тот раз, когда, вернувшись из Рэлстона, Люси застала Анну и Фрэнка у камина, где они так уютно устроились. Постепенно, камень за камнем, росло это немыслимое сооружение – не имеющее, пожалуй, четких очертаний, бесформенное скопление сомнений, подозрений, догадок, – и возникло оно благодаря характеру Анны Галтон и ее влиянию на Фрэнка. В результате визит Анны, который Люси с энтузиазмом предвкушала, стал не радостью, а угрозой, чем-то мучительным, почти зловещим. Для Люси было очевидным, что она не виновата в создавшейся ситуации, да и в чем ее, право, можно обвинить? Фрэнк – ее муж, живущий с ней в полном согласии и счастье. Приехала Анна, и счастье кончилось. Это неоспоримо. Вероятно, виновата в этом Анна. Но в чем ее вина? Люси прикусила губу и, наморщив лоб, опять попыталась увязать в цепочку свои разрозненные наблюдения. Разве она не различила в замечаниях Джо странных намеков, не уловила в поведении Эдварда особой многозначительности? А эта необычная атмосфера в пресбитерии, почти мучительное смущение мисс О’Риган – крылась ли причина просто в ее небывалой скромности? И потом – отношение Анны к Фрэнку. Поведение самого Фрэнка – его упрямое молчание. Если бы он обязан был молчать, если существовала какая-то тайна, не подлежащая разглашению, Люси сразу поняла бы. Но ему нечего скрывать. Нечего! И все же он скрыл это. Он, побывавший в Ирландии в тот самый год, ни слова не сказал о происшествии в семье Галтон. О-о! Мысль об этом не давала покоя.

Люси нахмурилась и судорожно вздохнула. Она воздвигла в уме странное сооружение, которому для завершения не хватало лишь замкового камня.

Может быть, никакого замкового камня нет. Может быть, ею движет одна ревность. Поморщившись от такого предположения, Люси все же задумалась. И спокойно отбросила эту мысль. Нет-нет! Ревность – следствие невероятного эгоизма. А ее любовь не эгоистична. Все ее существо стремится к конечной цели – благу Фрэнка. Она так хорошо его знает, до конца понимает, любит его всепоглощающей любовью, поэтому не допустит ни вмешательства в его счастье, ни нарушения мирного течения его жизни. Это не ревность. Это верность, преданность, здравомыслие – да, возвышенная суть ее любви. Так думала Люси. И она это знала.

Анна, конечно, другая. У нее нет ни идеалов, ни амбиций, ни цели, ни правил. Несчастье с ребенком, похоже, в точности показало ее отношение к жизни. Почему же она не вышла замуж за отца этого ребенка и не устроила себе нормальную жизнь? Но это было бы не в духе Анны. Без сомнения, она насмешничала и вела себя своенравно, делая вид, что ей все безразлично. Мужчина наверняка оказался слабаком, непостоянным и неразумным, мечтающим лишь о том, чтобы в конечном счете освободиться от обязательств. И Анна позволила ему ускользнуть. Люси представляла себе, как Анна холодно говорит: «Тогда иди к черту. Мне на тебя наплевать». Да, судя по всему, так все и было.

Но это неправильно, ошибочно и совершенно противоположно семейной политике Люси, с ее прямоотой и открытостью. Допустим, например, что она примет беззаботное поведение Фрэнка, который может, как известно, быть непостоянным и неразумным, – какое будущее в этом случае их ожидает? Только катастрофа.

Она вздохнула и коленом задвинула ящик, в который укладывала вещи Питера. Потом резко выпрямилась и пошла в спальню Анны, чтобы прибраться там. В дверях остановилась и, сдвинув брови, несколько секунд обзревала комнату. «Беспорядок просто ужасный», – подумала она. Кровать не заправлена – уж это, по крайней мере, Анна могла бы сделать, ведь она в гостях, – на туалетном столике все разбросано, из полуоткрытого ящика торчит чулок с глянцевой пяткой, на полу валяется женская сорочка. Нижнее белье Анны, выставленное на обозрение, – с соблазнительным узором, из ткани, совершенно непохожей на белый батист, который носила Люси, – даже оно вызывало у нее раздражение и досаду. Невольно возникло горячее желание избавиться от гостя: «Надеюсь, она скоро уедет». Да, Анне не следует надолго здесь задерживаться. Пускай уезжает. И она, Люси, не пожалеет об этом. Наконец она признала всю глубину их взаимной неприязни.

Продолжая хмуриться, она начала прибираться в комнате – Нетта была занята на кухне, но, независимо от обязанностей Нетты, у Люси появилась настоятельная потребность самой сделать уборку. Бессознательно она придавала этому действию символический смысл: пусть Анна разбрасывается своей жизнью, но она, Люси, устроит свою, и устроит подобающим образом.

Она навела в спальне порядок, затем подобрала со столика беспечно разбросанные безделушки – брошь и кольцо с опалом, остальные украшения были сейчас на Анне, – чтобы положить их в маленькую зеленую шкатулку, стоящую у зеркала. Люси открыла ее. Потом вдруг замерла на месте, отдернув руку. Ее глаза, лицо, вся фигура выражали странное напряженное внимание. Не шевелясь, она с побледневшим лицом пристально и сурово смотрела на что-то, находящееся в шкатулке. Потом медленным движением извлекла это.

У нее в руках оказалась фотография – не медальон, это было бы слишком сентиментально для Анны, – всего лишь маленький измятый детский портрет, позабытый в шкатулке за ненужностью. Он изрядно выцвел, однако точное, отчетливое сходство ребенка с кем-то знакомым бросилось Люси в глаза. Она застыла, пораженная, не сводя взгляда с фотографии, и ей стало ясно – это ребенок Анны, ее тайна, спрятанная от всех, ее давно умершее дитя. Но какое неожиданное сходство с... И внезапно образ этого ребенка воскресил в ее памяти лицо

собственного сына. У Питера в более нежном возрасте был такой же нос, разрез глаз, изгиб губ. Сквозь пелену, застилающую зрение Люси, детские лица постепенно слились в одно... И уже не лицо маячило перед ней, а подозрение – ужасное, отвратительное подозрение.

Не оказалась ли она вдруг во власти какого-то наваждения, болезненной фантазии, фальшивого мелодраматического чувства, чего-то совершенно чуждого ее нормальной здравомыслящей натуре? Но нет, это не фантазия. Это сходство, столь остро поразившее встревоженный, возбужденный ум Люси, явилось не просто шоком, а откровением. Это сходство сына Анны с ее собственным сыном могло иметь лишь единственное ужасающее объяснение – именно этого она опасалась.

Она задрожала. Внутри ее тоже что-то задрожало – нечто, стремящееся вырваться на свободу. Все, что до сих пор ускользало от понимания, смутные предчувствия последних дней, глубоко скрытые эмоции вырвались наружу и поглотили ее целиком.

«Господи, – в растерянности думала она, – теперь я все понимаю. Замковый камень в этом сооружении встал на место. Пять лет назад Фрэнк несколько месяцев прожил в доме Анны. Потом у нее родился ребенок – их ребенок. Значит, это правда. Фрэнк был отцом ребенка Анны». Она знала, что так оно и есть.

Негромко вскрикнув, она отпрянула от шкатулки. Яростно распрямила склоненную спину. Она в это не верит. Вся дрожа, она сделала решительный глубокий вдох, повинувшись резкой перемене в настроении. Она не станет этому верить. Это невозможно. Поразительное сходство между ребенком Анны и ее сыном всего лишь дело случая, проявление общих семейных черт. Это отнюдь не замковый камень здания. Нет никакого здания. По сравнению с ее любовью к Фрэнку ничто не имеет значения. У нее есть ее любовь, ее преданность. «Я сошла с ума, – страшно терзаясь, думала она, – если подозреваю Фрэнка!» Ей вдруг показалось чудовищным, что на основании слова, взгляда, случайного сходства на фотографии она обвиняет его в поступке, который неизбежно приведет к краху их счастья. Она явно не из тех женщин, которые отличаются пошлой ревностью или подозрительностью, она выше этого. Только ее сильная любовь к Фрэнку привела к такой ситуации, заставила ее почувствовать рану в груди еще до того, как была выпущена стрела. И не было никакой стрелы. Фрэнк не имеет отношения к этому злосчастному делу. Она не станет питать это отвратительное подозрение к Фрэнку – Фрэнку, который все эти годы был ее мужем, ласкал ее и любил, ни разу не намекнув на тот кошмарный факт, который теперь так мучительно терзает ее.

Но почему – она задумалась, и глаза ее вновь затуманились, – да, почему он не упомянул об этой истории? Так естественно, так просто было бы хоть словечком намекнуть о ней перед приездом Анны. И зачем он противился появлению кузины в их доме, когда теперь его внимание к ней так очевидно? Жестом отчаяния Люси оперлась рукой о спинку кровати и прислонилась к ней лбом.

У нее нет доказательства. Она ошиблась. Она ставит себя в глупое положение. Визит Фрэнка и рождение ребенка Анны в один и тот же год – чистое совпадение.

Но какое... какое омерзительное совпадение! И было ли это простым совпадением? От одной мысли об этом Люси содрогнулась. К тому же скрытность Фрэнка жестоко мучила ее. На нее нахлынула волна горьких воспоминаний – взгляды, которыми, как ей казалось, обменивались Анна и Фрэнк, лукаво произнесенные слова. Она сильно вздрогнула. Были ли у них знаки тайного взаимопонимания?

Чтобы привести себя в чувство, Люси прикусила губу и стиснула кулаки. Кровь стучала в висках, в гортани стоял ком, словно ее постигло горе.

Вдруг она подняла голову и решительно вздернула подбородок. Ее тело выгнулось от напряжения, казалось, она усилием воли пытается победить невидимого врага. Неистово запылал ее собственнический инстинкт. Фрэнк принадлежит ей. Что было, то прошло. Теперь ее волнует настоящее и будущее. Она резко встала и, плотно сжав губы, сошла вниз. Принимая

обстоятельства как несомненный факт, она яростно заставляла себя противостоять им. Она будет сопротивляться!

Однако продолжать работу не было сил. Люси пошла в гостиную и опустилась на диван. Сначала она сидела, вся сжавшись, но постепенно обмякла, губы ее разжались, взгляд вновь устремился в пустоту. Плечи поникли. В голове закрутились прежние мысли.

Какая борьба чувств была написана на ее лице! Со своей тонкой фигуркой, вырисовывающейся на фоне светлого окна, она казалась очень юной и трогательной. Ее окутывала почти трагическая атмосфера. Но не была ли эта трагедия ее изобретением? Или трагедия пряталась в глубинах ее существа?

Люси все еще сидела, когда вошла Нетта и объявила о ланче. С выражением той же глубокой озабоченности Люси поднялась и направилась в столовую. Питер уже сидел за столом, на шее у него была повязана салфетка. При взгляде на сына глаза Люси наполнились теплыми сентиментальными слезами. «По крайней мере, он мой, – подумала она, – и всегда будет моим». Неожиданно она приобняла его за худенькие плечи и поцеловала.

– Где Анна, мама? – прокричал он, с аппетитом набрасываясь на суп.

– В Глазго, – тихим голосом ответила она.

– Без нее утром было скучно, – бодро сказал он. – Мне нравится Анна. Она хорошая.

Люси промолчала. То, что сын успел привязаться к Анне, поразило ее как нечто невозможное – и даже отталкивающее.

– На днях она говорила что-то про яхту, – продолжил он, – с настоящими парусами, знаешь.

Она вдруг поджала губы, чтобы не выдать охватившего ее смутения. В этот момент отчаянной тревоги она видела нечто неестественное, чрезмерное, подозрительное даже в отношении Анны к Питеру. Якобы Анна добра к мальчику, потому что он сын Фрэнка и напоминает ей о собственном ребенке, отцом которого тоже был Фрэнк.

Люси порывисто встала из-за стола, испытывая мучительную боль и прижимая ладонь к щеке.

– Мама, – удивился Питер, – куда ты идешь?

– Я уже пообедала, – с трудом ответила она. – Мне надо заняться шитьем. – И она поспешно вышла из комнаты.

Медленно тянулись послеполуденные часы, пронизанные бледным осенним солнцем, отмеченные неспешным тиканьем секундных стрелок, пробуждающие грусть и мучительные воспоминания о других днях – тихих, сонных и сокровенных, когда они с Фрэнком испытывали друг к другу любовь.

Ей не надо было ничего шить. Она ничем не могла себя занять. Она должна ждать – лихорадочно ждать его возвращения. И когда наконец подошло время прибытия его поезда, нетерпение, доходящее до дрожи, сорвало Люси с места. Она пойдет его встречать! Люси поднялась, надела пальто и шляпу и отправилась на станцию. Она пошла по набережной – это был обычный путь, которым Фрэнк возвращался домой. Собираясь встречать мужа, она подавила в себе желание взять с собой Питера. В тот момент ей нужен был только Фрэнк. О-о! Как горячо желала она оказаться с ним наедине, навсегда позабыть об этой злосчастной истории, обрести уверенность, сказать ему, что она любит его, убедиться в конце концов в его ответной любви.

Город был уже близко. Люси с живостью высматривала мужа среди прохожих на promenade, готовая улыбнуться при виде его знакомой фигуры. Но Фрэнка не было видно. Вряд ли он пошел другой дорогой, если всегда ходил по набережной. Постепенно ее шаги замедлились. В середине эспланады она нерешительно остановилась, бросая вокруг беспокойные, растерянные взгляды. Глаза блеснули на ее бледном встревоженном лице.

Вдруг голос, прозвучавший рядом, заставил ее вздрогнуть и выжидающе обернуться. Но ее взор тут же погас, она с трудом проглотила ком в горле. Рядом с ней был не Фрэнк, а мисс Хокинг, неразлучная со своей собакой и всем своим видом излучающая безмятежность.

– Я прогуляюсь обратно с вами, – резонно сказала мисс Хокинг.

У Люси не было настроения болтать с ней – сейчас она меньше всего этого хотела. Ей нужен был Фрэнк, ее сердце страстно стремилось к нему.

– Я встречаю мужа, – сдержанно пояснила она.

– По крайней мере, позвольте мне пройти с вами. – В словах мисс Хокинг было еще больше логики, чем раньше.

– Хорошо, – кивнула Люси удрученно. – Я уже иду назад.

И они пошли вместе.

– Если бы вы заглянули ко мне на чай, – робко предложила мисс Хокинг, – я угостила бы вас пышками и пирожными с кремом.

Люси взглянула на женщину затуманенными глазами и улыбнулась, чтобы не сделать еще хуже. Но улыбка получилась тусклой и напряженной.

– Не сегодня, – хмуро сказала она.

– А после чая я сыграла бы вам на виолончели. Может, и классика, но не скучная. Очень тихо и красиво.

Люси покачала головой.

– Я не могу, – тихо проговорила она.

– Мысль, – без сожаления пробормотала мисс Хокинг. – Просто мысль. Совершенно безвредная.

Некоторое время они шли молча.

– Вы не видели, – с трудом произнесла Люси, почти помимо своей воли, – не видели по пути Фрэнка – моего мужа? Я пришла его встречать.

На лице мисс Хокинг отразилось глубокое размышление, в конце концов она сказала:

– Нет!

Они еще некоторое время брели в молчании. Потом мисс Хокинг заявила со спокойной прямотой, как могла только она:

– Вы его ищете. Но, скорее, это он должен вас искать!

Люси мучительно покраснела – эти слова, простодушные и дружелюбные, не содержали в себе никакого обидного намека, но они подействовали на нее болезненно.

– Женщину, – неожиданно заявила мисс Хокинг, любительница эксцентричной философии, – надо преследовать. Сама я никого не преследую, но инстинктивно чувствую себя объектом преследования.

Слушая эти причудливые слова, Люси кусала губы – все это было такой чепухой, но все же сквозь чепуху просвечивал тонкий стержень правды. Ее руки нервно задвигались, и она сказала срывающимся голосом:

– Я говорю о своем муже. Надеюсь, вы понимаете.

– А-а! – мягко протянула мисс Хокинг.

Ничего больше не было сказано. Они расстались на том месте у пристани, где их пути расходились – мисс Хокинг стала подниматься на холм в привилегированный квартал, где была ее квартира, а Люси продолжала путь по набережной к дому.

Она расстроилась из-за пустяка. С чего это мисс Хокинг решила, будто она, Люси, бежит за Фрэнком? Какое нелепое предположение! Однако Люси чувствовала, что раздражена. У кого, в самом деле, было больше прав искать его, чем у нее? Она просто пошла встречать мужа. Она не требовала, чтобы он бегал за ней или, как смехотворно выразилась мисс Хокинг, преследовал ее. Но была ли эта фраза такой уж смешной? Люси нахмурилась. Ее рассудок,

вновь вовлеченный в русло подозрений, оцепенел от ужасной догадки, и внезапно ей стало холодно, должно быть из-за промозглого осеннего тумана, отмечающего приближение сумерек.

Какая же отвратительная мысль сверлила ее мозг – мысль о том, что Фрэнк однажды преследовал Анну, любил ее, лег с ней, зачал ребенка, что Фрэнк, которого она считала своим, принадлежал другой женщине. И все это произошло без ведома Люси. Ее терзания возобновились с новой силой.

И опять, по удивительной ассоциации, ей вспомнилось холодное противодействие брата ее браку, его постоянная клевета на Муров, даже предсказание им катастрофы. Безусловно, старания Ричарда нельзя было объяснить лишь тем, что она якобы принижала себя этим браком. А если Фрэнк и Анна... Неужели они были любовниками еще в те далекие времена в Ливенфорде? Знал ли Ричард о чем-то таком, что не могло прийти ей в голову? Гордость заставляла Люси яростно отмахиваться от этого, а сердце говорило, что все возможно...

Затем на какое-то время возобладали спокойные рассуждения, и сумбурный мрак ее сознания прорезал луч света. Допустим, Фрэнк и Анна были любовниками. О горьком финале Люси догадывалась, но почему они не поженились в самом начале? Безволие Фрэнка, неприязнь Анны к устоявшейся жизни – ни один из этих фактов не давал убедительного объяснения их нежеланию совершить столь логичный и здравомыслящий шаг. Она вздрогнула и на миг ощутила облегчение, почти счастье. По этой единственной причине ее подозрения необоснованны. Она ошиблась!

Потом вдруг из некой тайной ячейки мозга всплыла подсказка, остудившая ее радость и разрушившая вновь обретенную надежду. Фрэнк и Анна были двоюродными братом и сестрой, а Церковь запрещала брачные союзы между столь близкими родственниками. Измученный рассудок Люси, ошеломленный, но живой, ухватился за этот несущественный факт почти со смертным ужасом. Она совсем замерзла, с залива накатывала сырость, и Люси казалось, что леденеет даже ее душа.

Почти стемнело, широкая дуга бухты была прошита крошечными точками света. Люси отсутствовала дома дольше, чем ожидала. Фрэнк, наверное, уже пришел, но она не стала прибавлять шаг. Как странно, что она, открытая и любящая, всегда осознанно гордилась своим домом, а сейчас с неохотой идет туда – по сути дела, боится войти в него. У ворот она остановилась, словно чувствуя себя в безопасности под покровом необъятной тьмы, словно сама утаивала какой-то секрет.

Потом на Люси вновь накатил приступ горячей любви. Она должна увидеть Фрэнка, и немедленно. Сердце рванулось к нему со всей силой переживаемой ею муки. Пусть они окажутся вместе, пусть он объяснится, тогда все образуется. Она не деспот, она выслушает его и поймет. Порывистым движением Люси повернула ручку двери и вошла в дом, сверкая глазами и стиснув губы.

Ей нужен был Фрэнк. И Фрэнк был там. Он сидел перед горящим камином в гостиной в большом кресле. Между Питером и Анной. Анна! При виде другой женщины Люси побледнела и вздрогнула, как от удара. Она подобралась и замерла в полумраке дверного проема. Фрэнк и Анна, видимо, вернулись вместе.

Словно кто-то подбросил масла в огонь ее тревоги, полил желчью свежую рану ее ревности – так подействовало на нее неожиданное подтверждение ее страхов. Необъяснимым образом вся ее открытая нежность исчезла, мягкость моментально превратилась в горечь, лицо окаменело, губы сжались в тонкую линию. Беспомощно мигая от яркого света лампы, она почувствовала себя чужаком, который неожиданно вторгается в теплую компанию. А ведь она хозяйка дома! Несколько мгновений Люси молчала, глядя на остальных, потом заговорила голосом, вибрации которого резко отдавались у нее в ушах:

– Значит, вы случайно столкнулись.

Питер издал короткий возбужденный смешок.

– Столкнулись, – повторил он. – Как забавно ты сказала. Они приехали одним поездом, мама.

– Понятно, – задыхаясь, пробормотала она.

– Посмотри же, мама! – вскричал мальчик, и в его тоне прозвучал восторг. – Посмотри, что привезла мне Анна.

Он с гордостью протянул ей модель яхты – чудесный изящный кораблик с белыми парусами, очаровательный и дорогой подарок.

– Это чудо, а не яхта! – с энтузиазмом провозгласил Фрэнк. – Наверное, Анна потратила на нее целое состояние. В воскресенье я сам запущу ее.

Люси пристально посмотрела на него.

– Ну скажи, мама, скажи! – прокричал Питер, теребя ее за платье. – Скажи, что она чудесная.

– Похоже, вы все находите ее чудесной, – с мучительной обидой проговорила Люси, почувствовав вдруг, как в жаркой комнате зарделись ее обветренные щеки.

Неожиданно наступила неловкая пауза. Анна наблюдала за Люси, выпятив нижнюю губу, и, казалось, улыбалась, хотя улыбки не было и в помине. Потом она воскликнула:

– Мы думали, ты потерялась!

– Нет, – неторопливо произнесла Люси ледяным тоном, – все что угодно, только не потерялась.

– Моя яхта... – обиженно пробубнил Питер, поглаживая сверкающий корпус. – Моя прекрасная яхта. Могла бы сказать, что она тебе нравится.

– Замолчи! – сердито вскрикнула Люси. – Мне есть о чем подумать, помимо твоих игрушек.

Она ничего не могла с собой поделать. Ей, истерзанной страданиями, угрожает крах прежней жизни, а тут надоедают с какой-то чепухой: подарком ее сыну от Анны.

Прозвучал гонг к вечернему чаю.

– Что ж, – наконец сказал Мур и поднялся, – даже если мы чем-то недовольны, мы должны питаться.

Люси покраснела еще больше, но, не говоря ни слова, повернулась и пошла в столовую.

– Куда ты запропастилась? – спросил Мур, когда они уселись за стол. Он был в хорошем настроении и, казалось, желал ей угодить, успокоить ее. – В это время ты нечасто выходишь.

– У меня есть свои дела, – сурово ответила Люси. Она заметила ласковые нотки в его голосе, но ее горькие подозрения никуда не делись. – Думаю, ты это понимаешь.

– Да, – мягко согласился он, – это верно, дорогая.

Снова последовала пауза, неловкая, неестественная пауза. Потом заговорила Анна.

– Забавно, Люси, – сказала она с необычной для нее любезностью, – мы с Фрэнком ехали в одном поезде и узнали об этом только в Ардфиллане.

– Действительно, – скривив губы, отрезала Люси. – Это просто невероятно.

И все же попытка выказать свое недоверие не принесла ей облегчения. Она, конечно, полагала, что Анна ее обманывает, а иначе как объяснить ее необычайную приветливость? Бедная Люси! Будь Анна в дурном расположении духа, измученная подозрениями Люси могла бы сослаться на ту же причину.

Этот ужин стал для нее просто невыносимым. Она с трудом глотала, давясь каждым куском. У нее вдруг возникло желание выбежать на свежий воздух, спастись от нестерпимого бремени мыслей. Но она не могла пошевелиться, не могла встать. Она была вынуждена сидеть, слушать и наблюдать, ибо некая нарастающая сила заставляла ее болезненно ловить каждое слово или взгляд, которым обменивались эти двое; любой жест, который мог бы подтвердить ужасную правду, терзающую и приводящую ее в ярость.

Но наконец ужин закончился. Анна сразу вернулась в гостиную. Питер побежал наверх, нежно прижимая к себе яхту. Нетта убрала со стола и ушла в кухню. Супруги были одни. Настал момент, которого Фрэнк, очевидно, тоже ждал, поскольку без обиняков спросил:

– Люси, что случилось, дорогая моя? Я думал, мы обо всем договорились.

Она поднялась, закрыла дверь, которую Нетта оставила распахнутой, потом села со сжатыми губами и посмотрела на него. Ее добрый настрой пропал, теперь она была полна горячей решимости и без колебаний твердо сказала:

– Я хочу поговорить с тобой, Фрэнк.

– Что ж, – ответил он с миролюбивой улыбкой, – это не повод делать лицо как на похоронах.

– Знаешь, оставь мое лицо в покое, – процедила она строго, – если оно тебе не нравится.

– Не надо придирается к словам, Люси, – торопясь, мягко произнес он. – Ты же понимаешь, что это шутка.

– У меня нет настроения шутить, – колко сказала она. – Более серьезной я никогда не была.

– Но, Люси, – почти умолял он, – что с тобой такое?

– Я серьезно, Фрэнк, – с внутренним напряжением произнесла она. Ее тон не оставлял сомнений в значимости ее слов. – Я кое в чем тебя подозреваю. Это ужасная вещь. Но от этого сам факт не меняется. И более того, есть лишь один выход из такого положения. Ты должен сказать правду. Ответь... – Ее голос вдруг возвысился и задрожал. – Ответь, ты был любовником Анны?

Это было обвинение.

– Что? – чуть не задохнулся он.

– И не только это! – с горячностью выкрикнула она. – Скажи, был ли ты отцом ее ребенка?

Он в оцепенении уставился на нее, и его лоб медленно залился краской. Так вот оно – объяснение всему. Она пришла к ужасающему выводу. И она ошибается – страшно ошибается.

– Так вот оно что... – с запинкой произнес он наконец. – Вот как ты думаешь обо мне.

– Скажи! – снова прокричала она пронзительно. – Не видишь – я жду!

– Но, Люси! – пробормотал он, совершенно сбитый с толку и смущенный, словно вправду был виноват. – Не глупи. Все это... абсурдно.

– Не так уж абсурдно! – воскликнула она, понимая, что он по-настоящему страдает, и сама едва дыша. – Не так уж абсурдно, раз это тебя расстраивает.

Ее чувства напряглись до предела, она безотчетно шарила глазами по его лицу, старалась уловить любую перемену в настроении, в интонации. И, поймав на себе этот испытующий взгляд, он снова вспыхнул:

– Зачем ты меня разглядываешь? Мне это не нравится.

– Значит, тебе есть чего бояться? – Ей показалось, что он оправдывается, и она с горечью добавила: – Знаешь, по глазам вижу, что ты виноват. Меня не обманешь, Фрэнк. Я тебя знаю. О-о! Почему ты не можешь быть мужчиной и честно признаться?

Слова высказывали с поспешной горячностью, одно за другим, и под таким напором Фрэнк беспокойно заерзал, покраснел еще сильнее, поскольку отдавал себе отчет в своей бесхарактерности и чувствовал, что подтверждает ее подозрения.

– Это безумие! – выкрикнул он. – Я не имею никакого отношения к этому делу. Никакого! Ты же наверняка знаешь, что я тебя люблю. Никогда в жизни у меня ничего не было с Анной. Если не веришь мне, спроси у нее.

– У Анны?! – яростно вскинулась она. – Ты полагаешь, я унижусь и спрошу Анну? Мне, твоей жене, унижаться перед ней! К тому же, – она фыркнула, – чего можно ожидать от Анны? Уж точно не правды! Не сомневаюсь, между вами существует какой-то ужасный сговор.

– Боже правый! – воскликнул он, чувствуя, что не способен справиться с ситуацией, и выходя из себя. – Чего ты добиваешься? Ты все неправильно поняла, говорю тебе. Чертовски неправильно!

– Все неправильно, – в сердцах откликнулась она, – и в этом твоя вина.

– Пусть будет по-твоему! – прокричал он. – Если тебе нравится возводить на меня напраслину, то и черт с тобой!

В этом противостоянии они дошли до неимоверного напряжения. Потом вдруг ее сердитое лицо смягчилось. Она была охвачена неудержимым порывом нежности к мужу, глаза больше не выражали обиду, а призывно сияли.

– Неужели ты не понимаешь, Фрэнк, – зарыдала она, – как меня это терзает? Давай все выясним. Тогда мы сможем начать сначала.

Но теперь он пришел в бешенство и с упрямством нерешительного человека отказывался слушать. Вместо этого он вскочил на ноги:

– С меня довольно! Не могу больше этого выносить.

Она взяла его за руку и быстро заговорила.

– Фрэнк, ты ведь знаешь, что я тебя люблю, – горячо уверяла она. – Ты знаешь, я все для тебя сделаю. Все, что угодно. А ты даже не можешь попросить прощения.

Не взглянув на нее, он направился к двери.

– На что мне твое проклятое прощение? – бросил он. – Держи его при себе, пока о нем не попросят.

– Не уходи, Фрэнк! – в отчаянии умоляла она. – Это лишь убеждает меня в том, что ты виноват.

Досадливо вскрикнув, он стряхнул ее руку:

– Ради бога, оставь меня в покое!

Развернувшись, он выскочил из комнаты.

Он ушел. Она неподвижно сидела с полными слез глазами, устремленными на закрытую дверь. Он отрицал ее обвинения. Да, этого и следовало ожидать. Но то, *как* он все отрицал, лишь подтверждало ее ужасные подозрения. Если бы только он был честным. О-о, с какой радостью она простила бы его, если бы он признался. Но вместо этого он в ярости кинулся прочь. Это был не Фрэнк, не тот мужчина, которого она любила, – его истинное лицо было скрыто под скорлупой, под маской. Она знала о его безволии, переменчивости настроения, о его странности. Именно поэтому она стремилась одолжить ему свою силу. Люси привлекали не те качества, которыми мог бы обладать Фрэнк, – она любила в нем глубинную суть, что не поддается никакому определению. И любя старалась помочь ему. Они были счастливы восемь лет. Он не мог не признавать ее преданности, а теперь она оказалась перед лицом этих невероятных кошмарных обстоятельств. По его поведению она заключила, что даже сейчас между ним и Анной могло что-то быть.

Она снова задрожала, не сводя глаз с двери, и это вдруг показалось ей символичным – что-то закрылось перед ней, преградив путь к былому счастью. Неужели возврата к нему не будет?.. Неожиданно из гостиной, куда ушел Фрэнк, зазвучал рефрен песни «Мальчик-менестрель»¹¹. Анна барабанила ее на фортепиано. Люси вздрогнула. У нее разболелась голова, она чувствовала невыразимое уныние. Она находилась в комнате одна, время и место подходили для того, чтобы предаться горю. Но Люси не стала рыдать. Она твердо сжала губы. На маленьком серьезном лице вновь отразилась решимость. Не важно, что ее подозрения подтвердились. Она любит его. И она спасет его от Анны, спасет от самого себя. Ее гнев утих. Она не станет

¹¹ «Мальчик-менестрель» – ирландская патриотическая песня на стихи Томаса Мура и одноименный роман А. Дж. Кронина.

устроить сцен, а будет наблюдать, ждать подходящего момента и уж тогда действовать. Люси неторопливо поднялась и спокойно пошла в гостиную.

Глава 9

Теперь, просыпаясь, она всегда ощущала какую-то тяжесть, словно что-то давило ей на сердце. Несколько секунд она, бывало, лежала с сонливым ощущением счастья, этим подсознательным удовольствием от нового дня, потом сразу наступало отрезвление, моментально разрушающее блеск утра. Она была невыносима, эта болезненная подавленность, сводящая на нет весь восторг бытия. Приоткрыв глаза и сжав губы, Люси молча смотрела на противоположную стену спальни. Там, как ужасная насмешка, висела картина, которая ей всегда нравилась, – «Примирение». На ней двое возлюбленных в романтических одеждах застыли в целомудренном объятии на мраморных ступенях близ фонтана. На переднем плане делает стойку шотландская борзая, а на заднем – старый слуга, явно взволнованный, держит поднос с бокалами. Приятная картина. Но теперь Люси этого не замечала. Наморщив лоб, она в отчаянии думала: «Я этого не вынесу. Это напряжение сводит меня с ума!»

Но она должна это выдержать. И она выдержит. Чтобы она сдалась, капитулировала, признала свое поражение? Нет, это немыслимо! Она быстро найдет ответное решение. «Я не дам себя обмануть – да, и дойду до самого конца».

Затем пыл постепенно угасал, она вставала, одевалась и спускалась вниз приготовить завтрак. Ибо она не оставила своих забот. Нет-нет! Напротив, забот как-то незаметно прибавилось, и она, хотя держалась особняком, постоянно доказывала свою значимость. Завтраки, которые подавались мужу, никогда не были так хороши и никогда их лучше не сервировали. Она прилежно и невозмутимо подогревала его свежее белье, держала у камина его перчатки, даже подходила к двери, чтобы молча помочь мужу надеть новое пальто.

Но как лихорадочно бурлило под этим спокойствием ее возбуждение!

Наступила суббота, но Люси не стала ни мудрее, ни проще. После ссоры прошло четыре дня – как она вынесла их? – и каждое утро приветствовало ее немыслимым великолепием. Ясные и солнечные дни, освеженные дуновением осени, словно тащились мимо нее, не принося удовлетворения, – ей казалось, эта фраза точно выражает ситуацию, и эта фраза безумно ее раздражала. Если бы только Фрэнк заключил ее в объятия и с серьезным видом опроверг факт, который так ужасал Люси, она немедленно обрела бы счастье и спокойствие. Но после той сцены, когда она впервые обвинила его, он этого не сделал. Он не защищался. Он бывал то ироничным, то оживленным, то легкомысленным и, кажется, изо всех сил старался усугубить ее беспокойство, совершенно открыто проявляя новый интерес к Анне. У Люси на глазах эти двое, обнаружив странное единомыслие, будто бы заключили некий альянс. Раз Фрэнк однажды поступил с Анной вероломно, почему не сделать это снова? Лицо Люси исказилось жалкой гримаской. Она знает Фрэнка, и знает его хорошо. В прошлом у них бывали разногласия – у кого их нет? – но он всегда мирился с ней. Сейчас, однако, примирение затянулось. Неужели Фрэнк действительно думает, что она приняла ситуацию и считает себя побежденной? Как же он ошибается! Она вздернула голову, как строптивая лошадь.

Стоя в маленькой спальне Питера и наблюдая, как он, по его выражению, «пакуется», Люси ощутила болезненный укол несправедливости. Даже при виде сына она чувствовала обиду. Да, и тут она попала в ловушку, оказалась в ложном положении. Питер собирался на несколько дней поехать в Порт-Доран, но, несмотря на то что она сама это предложила, теперь ей совершенно не хотелось его отпускать.

В эти последние дни мальчик стал для нее отдушиной. Она подолгу с ним разговаривала, относилась к нему с большим вниманием, чем обычно, находя в нем источник облегчения. Более того, она выставляла напоказ перед Анной свою любовь к сыну, приправляя это хвастовство толикой горечи. Гордость не позволяла Люси прямо нападать на Анну, однако она была преисполнена горячей решимости использовать любое доступное ей средство, чтобы уязвить

кузину мужа и склонить ее к отъезду. Именно с этой целью во вторник Люси заявила, прижимая к себе сына и устремив на другую женщину пристальный взгляд:

– Ты поедешь в Порт-Доран в субботу, Питер. Дядя Эдвард хочет, чтобы ты приехал к нему, когда Анны у нас уже не будет.

Однако та не поняла намека на это явное ускорение ситуации. Анна по-прежнему жила у них. А сын, в ожидании скорых перемен, покидал Люси с радостью – он откровенно радовался и сейчас, когда близился миг расставания. Даже в таком незначительном деле Люси потерпела фиаско – получалось, что она пострадала от собственных рук.

– По-моему, я все упаковал, мама, – с серьезностью объявил он, подняв на нее глаза.

Небольшой кожаный открытый саквояж стоял перед ним на ковре.

Грустно глядя на коленопреклоненную фигурку сына, она тем не менее ощутила прилив гордости. Люси считала Питера удивительным ребенком, его пристрастие к порядку, к аккуратности казалось ей чем-то поразительным. Он в точности знал, что именно у него есть и где оно находится. Одеждой сына, разумеется, занималась сама Люси, но в отношении остальных пожитков, от игрушек до галстуков, мальчик проявлял себя заботливым собственником, что казалось просто невероятным в столь юном создании. Сын унаследовал эту черту от нее, Люси.

– Тебе не жалко, сынок, уезжать от меня? – промолвила она с увлажнившимися глазами. Ей хотелось хоть капли утешения.

Он закрыл саквояж и весело вскочил на ноги.

– Я скоро вернусь, мама, – объявил он со свойственным ему оптимизмом. – Жаль, правда, что Анна к тому времени уже уедет. – Потом его лицо осветилось надеждой, и он добавил: – А может, и нет. Никогда не знаешь наверняка.

Пока он говорил, раздался громкий стук в заднюю дверь.

– Это Дейв! – в восторге прокричал Питер, устремляясь к лестнице. – Мне пора идти. – Тут какая-то мысль пришла ему в голову, он умолк и остановился. – Наверное, надо попроситься с Анной.

– Тогда иди, – холодно сказала Люси. – Обещаю, ты больше ее не увидишь.

Он отправился к Анне – час был ранний, только что пробило девять, и гостя еще не встала, – а Люси спустилась в кухню.

– Молодой Боуи пришел за Питером, – сообщила Нетта.

Она чистила обувь. Пришел Ангус, не Дейв, и Нетта срывала свою досаду на ботинке, яростно набрасываясь на него со щеткой.

– Ты переправишь его со всеми предосторожностями, Ангус? – шагнув к открытой двери, спросила Люси.

При прощании с сыном она опять ощутила странное беспокойство.

– Конечно, – серьезно кивнул Боуи. Очень похожий на Дейва, он не отличался его веселостью. Он был сдержан, осторожен, более уверен в себе. Вторя ее словам, он добавил: – Поедем со всеми предосторожностями, не сомневайтесь.

– Спасибо, – тихо проронила она и повернулась, потому что в кухню ворвался Питер с саквояжем в одной руке и новым шиллингом в другой.

– А вот и я! – громогласно объявил он. – Анна подарила мне целый шиллинг. Здорово, да? Пойдем, Ангус. Я готов.

– Только не трать эти деньги на дрянные сласти, – строго сказала Люси, чувствуя, что ее опередили. Она сама собиралась дать ему шиллинг на спорран¹². – Не хочу, чтобы у тебя разболелся живот.

– Нет-нет, мама, – уверил он ее. – Не стану покупать ничего раскрашенного.

¹² *Спорран* – поясная сумка-кошель из кожи или меха, часть шотландского национального костюма. Спорран обычно носят спереди, строго по центру килта.

С неописуемым чувством смотрела она на его смеющееся, оживленное лицо. Расставание на несколько дней было пустяком, обычной вещью, но, воздействуя на ее мятущуюся душу, оно давило на нее непомерным грузом. У Люси было странное ощущение, что из-за этого грустного прощания над ней нависло что-то неминуемое, и к тому же у нее возникло неуловимое, расплывчатое предчувствие относительно возвращения сына... Наконец она сбросила с себя оцепенение.

– Ну, до свидания, мой самый дорогой мальчик, – протягивая к нему руки, сказала она.

Ей было совершенно несвойственно выражать любовь в превосходной степени, но сегодня эти слова сами сорвались с ее уст.

Пока Питер шел по дорожке с Ангусом, она провожала его взглядом, с острой, мучительной тоской продолжая ощущать на своих губах прикосновение теплых губ сына. На глаза навернулись глупые горькие слезы. Она быстро повернулась – не стоит ставить себя в дурацкое положение перед Неттой.

Люси пошла в гостиную и, стоя у фасадного окна, стала задумчиво смотреть на открывшийся перед ней вид. Сердце ныло от утраты, ей казалось, что отъезд сына может стать для нее переломным моментом. Она осознавала, что присутствие Питера было чем-то вроде буфера, ослабляющего острый конфликт между ней и Анной.

И теперь она вновь спрашивала себя: почему не прояснить ситуацию, попросив Анну уехать? Люси давно думала об этом, но ее сдерживали не законы гостеприимства. Нет, причина была более глубокой, более тонкой. Реши она проблему таким путем, и это будет молчаливым подтверждением ее слабости, ее страха, ее капитуляции. Не она, но Анна должна пойти на попятную. Кроме того, мучившее Люси подозрение напоминало гнойник, который требовал вскрытия или, по крайней мере, наблюдения. Она была уверена, что знает правду, но все же не до конца. А Люси горячо стремилась вырвать всю подноготную, убедиться в своих предположениях раз и навсегда. Как часто ее жгучий интроспективный взгляд высвечивал факты этого дела, и она кромсала в клочья улики, взвешивала все за и против, глубоко прощупывая живую рану своих сомнений. Все верно: Фрэнк был отцом ребенка Анны и он опять поступает с ней вероломно. И все же точки над «i» не были расставлены.

Она точно не знала – и в этом состояла основная проблема, скрытое ядро ее страданий. Интуитивно Люси расценивала дело как доказанное, но окончательные улики отсутствовали. Такая ситуация и сама мысль об этой неопределенности приводили Люси в состояние беспомощности.

А спросить она не могла. Она спрашивала Фрэнка, но он уклонялся от ее вопросов. И пусть хоть весь свет загудит об этой разбухшей тайне, она не осмелится спросить снова. Гордость этого не допускала. К тому же эта тайна вовсе не была достоянием всего света – лишь она, Люси, доискивалась ее. И лишь один человек знал то, что ей хотелось выведать. Одна особа. Анна! Если бы только она могла на миг проникнуть в сознание Анны!

И снова Люси жестоко поразили голый реализм фактов, бесконечно ее преследующих, и она содрогнулась от воображаемой картины – Анна и Фрэнк вместе в счастливой гармонии своей любви. Она больно прикусила губу.

Разве могла она спокойно сказать: это прошлое, давно минувшее прошлое, – когда эта женщина находилась в ее доме, ела, спала, жила под ее крышей, сталкиваясь с ней, Люси, в постоянном тайном антагонизме? Совершенно невыносимо, несправедливо все это неожиданно свалилось на нее, и вряд ли она могла бы воспринять это как должное. Она, которая делала любовь к Фрэнку и преданность ему законом своей жизни, – одна только мысль о счастливых годах замужества вызывала слезы у нее на глазах, – она была не в состоянии бесечно к этому относиться.

И она не станет этого терпеть. Это тянется слишком долго, – вероятно, ее порядочность и гостеприимство пересиливали трезвое отношение к вещам. Да, теперь на волне горячей убеж-

денности в своей правоте Люси поняла, что не в силах больше страдать, просто ожидая и наблюдая. Она с горечью подумала, что тщетно напоминала Анне о том, когда собирается отослать сына. Никакого эффекта! Неужели Люси так слаба? Если Анна слишком толстокожа, чтобы понять этот намек, значит необходимо более сильное вмешательство. Люси ощущала лихорадочную потребность действий. Оказать Анне сопротивление не означает капитулировать. Дело не в том, что она боялась Анны. При этой мысли губы Люси скривились, в душе что-то всколыхнулось. Ситуация была необычная, и нельзя было действовать обычными методами. Она сжала руки. Откуда-то доносилось пение Нетты, и эти звуки еще больше подстегнули решимость Люси – если бы не Анна, она могла быть счастлива и тоже петь за работой. Она с горячностью подумала: «Я этого не потерплю! Не потерплю! Пойду к ней прямо сейчас». Да, она это сделает, и немедленно! Она порывисто повернулась, вышла в прихожую и начала подниматься по лестнице.

При всей хрупкости фигуры у Люси был почти грозный вид. Однако она волновалась; сердце у нее сильно билось и ком стоял в горле, когда она вошла в комнату Анны.

Та была еще в постели – она не вставала к завтраку и лежала с разбросанными по подушке темными волосами, с припухшими после сна глазами. Распахнутая ночная рубашка была оторочена кружевной оборкой по вырезу, из которого выглядывали округлости груди. На лице с пухлыми губами не заметно было ни тени удивления по поводу неожиданного визита.

Люси села в кресло – так близко, что ей видны были желтые крапинки в карих глазах Анны. В молчании женщины пристально смотрели друг на друга.

– Ты еще не вставала? – наконец нарушила тишину Люси, изо всех сил стараясь, чтобы голос не дрожал, а слова звучали весомо и сухо.

– Вроде нет, – беспечно ответила Анна.

– Ты очень легко относишься к вещам.

Слова прозвучали более поспешно и громко, чем Люси намеревалась.

– Разве это не лучший способ?

Люси собралась с духом, облизнула пересохшие губы.

– Не понимаю тебя, Анна, – сказала она, стараясь говорить спокойно.

– Что ты хочешь понять?

– У тебя нет ни занятий, ни правил, ни религии – ничего. Ты живешь исключительно ради собственного удовольствия.

– Для чего еще нужна жизнь? – беспечно воскликнула Анна. – Получай от нее то, что можешь. Это гонка, в которой каждый за себя. И пусть дьявол схватит последнего.

– Значит, вот во что ты веришь, – язвительно произнесла Люси. – Это многое объясняет.

В ответ Анна улыбнулась. Но можно ли было назвать это улыбкой? На лице женщины читалось насмешливое равнодушие; в невозмутимых глазах мерцал огонек презрения. От этого взгляда, раздражающего своим безразличием, Люси побледнела.

– Так вот каково твое представление о жизни, – строго заключила она. – Нет никого, кому ты была бы предана.

– А ты?

– У меня есть муж, – с запинкой пробормотала Люси, вдруг сильно зардевшись. – И сын. И... и моя религия.

– Отец, Сын и Святой Дух. Аминь, – чуть насмешливо протянула Анна.

Наступила напряженная пауза, и вдруг плотину прорвало – все, что Люси держала под спудом в течение минувшей недели, хлынуло наружу.

– Это ужасно! – выкрикнула она. – Просто ужасно! Как ты можешь так говорить? Это постыдно, это богохульство! Ты высмеиваешь все хорошее и благородное в жизни.

Увлечшись, она произнесла последние слова безо всякого смущения.

Анна приподнялась на локте.

– Не выводи меня из себя! – с неожиданным жаром воскликнула она резким голосом. – Все это сентиментальная чепуха. Ты, как все прочие, во многом заблуждаешься. Святость брака! Красота материнства! Что в этом, когда все уже сказано и сделано? Ты выходишь замуж ради чего-то, что боишься получить другими способами. Потом из-за этого «чего-то» у тебя рождается ребенок. Так начинается жизнь. «Глас, над Эдемом прозвучавший...»¹³ – Помолчав, она придала своему взгляду неопишимо насмешливое выражение. – Ну разве не прелестно? А что до другого, можешь из кожи вон лезть, убажывая своего милого сынка, а в конце он повернется и плюнет тебе в глаза. И вот еще одна трескучая фраза. Бессмертие души! Когда соберешься помирать, обнаружишь, что всю жизнь гонялась за воздушными шариками.

– Как ты смеешь так разговаривать? – задышавшись и дрожа от гнева, выпалила Люси. – Как ты смеешь? У меня такого не будет!

– Не будет!.. Впрочем, это твои трудности. Ты так сильно сдавливаешь этот воздушный шар, что однажды он лопнет, и тогда все твои иллюзии улетучатся как дым.

– Я тебе не верю. Я увижу, как мои мечты станут явью, – бросила в ответ Люси напряженным от злости голосом. – И скорее умру, чем приму твоё представление о жизни... твоё... твоё толкование! – Она оборвала свою речь, охваченная непреодолимым порывом. – Но раз уж ты заговорила об этом... не можешь ли объяснить вот это? – воскликнула она и, неожиданно вытянув руку, открыла зеленую шкатулку, которая стояла на туалетном столике.

Но этот драматичный жест оказался совершенно бесполезным – шкатулка была пуста. Анна разразилась резким язвительным хохотом. Люси не слышала, чтобы она раньше так смеялась. Манеры Анны совершенно изменились, прежняя мягкость пропала, большие глаза горели. Казалось, она готова к откровенному диалогу.

– Это было очень забавно, – сказала она. – Да, я бросила фотографию в камин в тот самый день, как ты пронюхала о ней.

Щеки Люси зарделись ярким румянцем, а глаза ее засверкали праведным гневом.

– Рада, что тебе это кажется забавным! – вскричала она. – Может быть, расскажешь мне, в чем состоит эта шутка?

– Она уже устарела. Не стоит того, чтобы рассказывать.

– Понимаю – ты никогда много об этом не говорила.

– Точно – не говорила.

– Да и не стоит! – крикнула Люси. Нервы у нее были натянуты до предела. – Я все про тебя знаю – и про ребенка, который у тебя был.

– Знаешь, это был мой ребенок, – насмешливо сказала Анна. – Тебе незачем беспокоиться.

Последовала пауза, в течение которой рассерженная Люси, сдерживая негодование, сжала руки и устремила на другую женщину твердый взгляд.

– Мне хочется знать, – начала она полным отчаяния голосом, – одну вещь.

– Да?

– Да! Зачем ты вообще сюда приехала?

– Ты меня пригласила, разве нет?

– Тогда я тебя не знала.

– А теперь ты меня знаешь?

Эти провокационные слова, произнесенные с убийственной иронией, заставили Люси вздрогнуть, и опять в ней вскипел ужасный гнев. Она яростно выкрикнула:

– Что для тебя значит Фрэнк?

¹³ Цитируется строка из свадебного гимна на стихи английского поэта Джона Кебла.

– Ну... Фрэнк мне всегда нравился, – спокойно, чуть насмешливо ответила Анна. – Я и забыла об этом, когда сюда приехала. Но ты... ты вроде как заставила меня вспомнить прошлое. Если бы не ты, то я, пожалуй, и не обратила бы на Фрэнка внимания. Да, в самом деле.

– Он мой муж, не забывай, – тихим, дрожащим голосом процедила Люси.

– И это означает, что он принадлежит тебе душой и телом? Не будешь время от времени выпускать его на волю?

– Это означает, что я его люблю. Насмехайся сколько угодно. Мне все равно. – В ее тоне послышалась нотка презрения. – Мне наплевать на то, что ты думаешь. Я этого не стыжусь. Даже если в прошлом он был как-то связан с тобой, мне это безразлично.

– Тогда зачем волноваться?

В глазах Люси вспыхнул угрожающий огонь. У нее задрожали губы, казалось, она сейчас набросится на Анну.

– Вот! – прокричала она. – Вот как ты платишь за мое гостеприимство! Ты приехала сюда, извлекла выгоду из чего-то давно прошедшего и забытого, вбила клин между мной и мужем – да, очень постаралась, чтобы Фрэнк отдалился от меня.

С минуту Анна пристально смотрела на нее, потом ее лицо медленно приняло прежнее выражение.

– Ты сильно заблуждаешься, – спокойно сказала она. – Я ничего такого не сделала. Ты сама виновата. – Помолчав, она повернула голову и посмотрела в окно. – Признаюсь, я действительно пыталась немного расшевелить Фрэнка. У него был такой подневольный вид, и я подумала: ему это не повредит. Но ничего другого я не делала.

– Я тебе не верю, – задыхаясь, произнесла Люси. – Ты лжешь! Между вами что-то было. В последний раз прошу тебя сказать правду.

– Какой от этого толк? – Анна беспечно отмахнулась. – Ты только что заявила, что не веришь мне. В любом случае будешь подозревать, что я лгу.

– Если не скажешь, – прерывающимся голосом пробормотала Люси, – тогда сегодня же... уедешь из моего дома!

– Что ж, – задумчиво проронила Анна, – я знала, что все к этому идет. Это совсем несложно сделать.

Онемев, Люси смотрела на другую женщину, пытаясь побороть в себе внезапную вспышку нестерпимого негодования. Это было последней каплей. Эта женщина и она не могут больше находиться в одном доме. Люси порывисто поднялась.

– Значит, ты уедешь, – тихо произнесла она, – и сразу. Это самое лучшее. Есть поезд в двенадцать.

– Когда я приехала, то не собиралась оставаться дольше чем на неделю, – медленно сказала Анна. – Подумай об этом.

Не говоря ни слова, Люси повернулась, за ней со щелчком закрылась дверь. Она спустилась по лестнице с бледным вытянутым лицом. Она это сделала – Анна уедет, – но, как ни странно, у нее не было ощущения победы. Напротив, она находилась в каком-то подавленном состоянии.

«Она бесчувственная, – с горечью думала Люси, – просто бесчеловечная!» Обвинить в создании этой ужасающей ситуации Люси – женщину, которая любит Фрэнка и всего лишь пытается защитить незыблемость своего домашнего очага. К ее горлу подступили сухие рыдания. Перед тем как войти в кухню, ей пришлось остановиться в прихожей с прижатой к боку ладонью.

– Нетта! – поспешно позвала она, пряча лицо. – Сбегай к Фрю и попроси прислать кеб. Красные руки Нетты не спеша взялись за тесемки фартука.

– Она не... Она уезжает? – В ее тоне прозвучало удивление.

– Иди за кебом, – странным сдавленным голосом велела Люси.

Нетта вышла и вскоре вернулась, после чего приехал кеб и долго стоял у двери. Извозчик на козлах сгорбился, нахлобучив на лоб шляпу, лошадь, в нетерпении стуча копытом по дороге, тянулась к торбе с овсом.

Наконец Анна спустилась вниз, невозмутимая, небрежная и безразличная, с той загадочной улыбкой – была ли это вообще улыбка? – в которой сквозило веселье вперемешку с презрением. Сейчас Анна излучала странное спокойствие.

– Вот и я, как видишь, – с легкостью объявила она. – Делаю то, что ты хочешь. Теперь можешь поступать по-своему.

В полумраке прихожей лицо Люси казалось маленьким, белым, глаза потемнели от эмоционального напряжения. В глубине души она страдала от своего поступка, но знала, что это единственно верное решение.

– Прощай, – сказала она.

Ее сердце бешено колотилось. Она протянула Анне руку. Но Анна не приняла ее.

Извозчик очнулся от дремы, пристроил за своей спиной чемодан и щелкнул хлыстом.

– Ну, прощай, – сказала Анна, на миг задержалась на подножке, потом бросила через плечо: – Тебе это покажется странным, но мне жаль тебя. Не забывай про воздушные шарики.

Заскрипели колеса, и кеб уехал.

Болезненный спазм стиснул горло Люси. Она повернулась и закрыла дверь. До ее ноздрей донесся слабый, еле уловимый, слегка приторный аромат духов – все, что осталось от присутствия Анны. Люси поспешила в гостиную. Она сделала это безотчетно. Ее одолевала слабость, слегка тряслись ноги, но, избавившись от другой женщины, она почувствовала, что гнетущая тяжесть свалилась с плеч. Наступил покой. Да, на нее нахлынуло огромное облегчение и умиротворение. С дрожащими губами Люси стояла, опершись рукой о каминную полку и глядя в огонь. Языки пламени рвались вверх, подобно живым существам, охваченным всепоглощающим желанием. На миг и она, еще не остывшая от возбуждения, оказалась во власти давнего желания, неуловимого и мучительного, которое часто волновало ее, прорываясь из какого-то далекого-далекого прошлого. Что это было за желание? Она наклонилась вперед, в ее потемневших глазах плясали отсветы пламени. Время и пространство будто исчезли... Каково было ее желание? Должно быть, это была любовь к Фрэнку, стремление видеть его счастливым, защищенным от угрожающей ему опасности.

И она защитила его. Теперь у нее появилась уверенность: да, она поступила правильно. Она это знала. И все ее волнение вдруг утихло.

Глава 10

В тот вечер перед возвращением Фрэнка со службы она с особой тщательностью готовилась к его приходу. Чувствуя настоятельную потребность в этом, она днем до блеска вымыла дом. Навела безупречный порядок в комнате Анны, сменила постельное белье, распахнула окна, чтобы свежий морской воздух выветрил все следы пребывания ненавистной гостьи.

В этом действе было нечто символическое – будто совершалось очищение храма. С тем же неослабевающим рвением Люси приготовила любимое блюдо мужа, поставила его домашние туфли к каминной решетке, причесалась волосок к волоску. Она старалась сделать что-то со своей внешностью, чувствуя, что находится не в лучшей форме, беспокоясь, что ее губы покажутся Фрэнку бледными, а лицо утомленным. Неудивительно – после всего, что было! А она так горячо желала понравиться ему. С легким вздохом отвернувшись от зеркала, Люси спустилась вниз и пошла в столовую, где принялась нервно и бесцельно переставлять на угловой полке фарфор.

Какими невыносимыми оказались эти последние несколько дней, с какой ужасающей ситуацией ей пришлось столкнуться! Но она с честью выдержала испытание, оказала сопротивление самому худшему из зол и полностью овладела ситуацией. Анна уехала. И теперь Люси и Фрэнк снова вместе. Фрэнк, ее Фрэнк, готовый вместе с ней забыть прошлое и вернуть восторг их счастья... Ах! Она думала о Фрэнке, о том, что они с ним остались вдвоем, одни во всем доме. Она с трепетом предвкушала этот трогательный и столь редкий момент в их жизни.

Миновали переживания, связанные с недавним отъездом Анны, и мигом спало нервное напряжение. Апатия прошла, и ее место заняла пылкая нежность, желание прощать, любить и быть любимой. Наверное, в последнюю неделю она была сурова – резковата с Фрэнком и груба, излишне груба с Анной. Подозрения измучили Люси, и потому она порой не знала удержу. Но, приняв эту реальность, она проявила силу духа и добилась если не победы, то, по крайней мере, спасения – спасения своего счастья, счастья Фрэнка и домашнего очага. Она слышала из истории – или это была легенда? – о женщинах, которые, сражаясь за свой очаг, отрезали себе грудь, чтобы как следует натягивать лук. То было в стародавние времена. Но она могла это понять. Такой была и она. Она защищала свой очаг и теперь с радостной неизбежностью покорялась не обстоятельствам, а своей любви.

Люси с замиранием сердца ждала мужа, возлагая большие надежды на этот вечер. Фрэнк задерживался. Обычно по субботам он освобождался после полудня, но сегодня Леннокс потребовал, чтобы Фрэнк съездил в доки Лита и договорился о поставке партии товара из Голландии. Взор Люси часто обращался к часам, но лишь около пяти она услышала знакомый щелчок ворот. Она сразу вскочила на ноги. Щеки ее вспыхнули, но сразу побледнели. Чтобы раньше времени не выдать произошедшие перемены, она не пошла в прихожую, но в ожидании Фрэнка стояла с горящими глазами и полураскрытыми губами.

Он вошел, стараясь, как всегда, быть незаметным, – голова опущена, плечи сутулятся, во всем облике некая сардоническая снисходительность.

– Ужин готов? – спросил он, потирая руки с тихим шуршанием. – На улице похолодало. И от воды поднимается туман, от которого задыхаешься.

– Да, похолодало, – с готовностью отозвалась она, с трудом сдерживая дрожь в голосе. – Но тебя ждет вкусная горячая картофельная запеканка с мясом.

Фрэнк с удивлением посмотрел на жену в упор, но потом отвел глаза и молча направился к камину, чтобы согреться.

– Трудный был день? – ласково спросила она.

– Не слишком, – уклончиво ответил он. – Дальняя была поездка. Очень похоже на Л. – послать меня туда в субботу.

Он помолчал, оценивая ее благожелательный настрой. Потом спросил:

– Как с отъездом мальчика?

– Все хорошо, – сказала она, дергая за колокольчик. – Уехал.

Нетта внесла чай, тосты и запеканку, все горячее, хрустящее и аппетитное. Затем в молчании удалилась.

– Садись, – предложила Люси, заняв место во главе стола.

Он резко поднял голову, словно не в силах осмыслить ее настроение.

– Но как же Анна? – воскликнул он. – Ты хочешь начать без нее?

– Ее не будет за ужином, – пояснила Люси, отводя взгляд. Рука, держащая щипцы для сахара, немного дрожала. – Она вышла некоторое время назад.

– Вышла?

– Да.

Она изо всех сил старалась говорить небрежно. В нужный момент она объяснит свой поступок, и ни секундой раньше. Фрэнк, явно озадаченный, сел за стол, взял чашку и принялся задумчиво помешивать в ней ложкой.

– Что-то случилось? – наконец спросил он.

За последние несколько дней он утратил доверие к окружающему миру.

– Ничего не случилось, Фрэнк, – покраснев, ответила она. – Как раз наоборот. Надеюсь, теперь у нас все пойдет правильно.

Он не спеша взял нож и вилку.

– Надеюсь, – многозначительно произнес он.

Ужин продолжался, и румянец на щеках Люси разгорался все ярче. Передавая мужу второй кусок запеканки, она вдруг сказала:

– Приятно снова чувствовать себя в своей тарелке, правда?

Скосив глаза на газету, лежавшую на столе, Фрэнк рассеянно кивнул, словно пропустил ее вопрос мимо ушей.

– Впервые за несколько дней, – поспешно продолжила она, – мы сидим за столом одни. Сегодня мы больше похожи на самих себя.

– Хочешь сказать, ты больше похожа на себя, – хмуро отчеканил он.

Вспыхнув, она отпрянула, с тревогой глядя на его склоненную голову, но ничего не ответила.

Наконец он отодвинул чашку и, захватив газету, направился к дивану.

– Интересно, где же Анна? – воскликнул он, не отрывая глаз от газеты. – Куда она могла пойти?

Люси молчала, потом, почувствовав, что нельзя больше тянуть, быстро встала, подошла к дивану и села рядом с мужем. Ей вспомнилось, как она недавно подступилась к нему со своими подозрениями. Но сейчас ее душевные усилия были направлены в иное русло. Испытывая мучительное волнение, Люси не собиралась нападать. Эта тема была закрыта. Теперь она хотела попросить лишь о том, чтобы они забыли прошлое и вместе встретили будущее. И, стараясь придать интонации легкость, она воскликнула:

– Фрэнк! Совсем как в прежние времена, этот дом принадлежит только нам. Разве ты не помнишь?

Газета зашуршала, когда он перевернул страницу.

– Конечно помню, – откликнулся он. – Ты ведь не думаешь, что я забыл?

– Но, Фрэнк, как можно забыть это? – взволнованно сказала она, взяв его руку и сжимая ее в своих теплых ладонях. – Я весь день думаю о вещах... которые так много значат для нас. Тот день... тот день в Крэйгморском лесу, – похоже, мы не часто вспоминаем об этом... в последнее время.

Возбужденная собственными словами, она вновь ощутила приступ ностальгии и беспокойно задвигалась, словно чувствуя жар солнечных лучей на ковре из сосновых игл, теплый аромат папоротников... Внизу раскинулась бухта, а Люси, разгоряченная, лежит в объятиях любимого, и ее сердце бешено стучит в груди.

– Что с тобой происходит? – спросил Фрэнк, медленно поворачиваясь к ней, и, заметив краску стыда на ее лице, добавил: – Что ты опять натворила?

Пододвинувшись ближе к нему, она прижала его ладонь к своей пылающей щеке.

– Все, что я делала и делаю, – ради нашей любви, Фрэнк.

Он смущенно взглянул на нее. Его влекло к ней, и все же он был озадачен ее необычным настроением.

– В последнее время ты весьма своеобразно демонстрируешь свои чувства, – медленно произнес он.

– Хочу, чтобы мы все начали сначала, – взволнованно пробормотала она. – Милый Фрэнк, забудем все, что произошло. Пока мы любим друг друга, остальное не имеет значения.

– Но, Люси, – неловко протянул он и вдруг, пораженный внезапной мыслью, умолк, уставившись на нее. – Ты не... нет, конечно... Куда, ты сказала, ушла Анна?

Пряча глаза, Люси нервно дернула нитку на его манжете и с мукой в голосе проговорила:

– Понимаешь, я не хотела этого делать, Фрэнк. Пойми, мне это было нелегко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.